

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
Филиал в г. Хасавюрте
Институт дополнительного образования ДГУ**

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**АКТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ**

Хасавюрт 2019

УДК 93/94
ББК 63.3

Редакционная коллегия:

1. Касумов Р.М. – д.ист. наук, профессор
2. Разаков Р.М. – канд. ист. наук, доцент – ответственный редактор
3. Шахбанова М.М. – д.социол.наук
4. Шахбанов А.М. – канд. ист. наук, доцент
5. Османов М.М. – д.эконом.наук

ISBN 978-5-6043900-3-0

© Филиал ДГУ в г. Хасавюрте

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Артамонова Я.В.</i> ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЮГА РОССИИ.....	5
<i>Верещагина А.В.</i> РОЛЬ ПАТРИОТИЗМА В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ.....	9
<i>Гайтамирова С.А.</i> ПРОМЫСЛЫ И КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ТОВАРНОГО ХОЗЯЙСТВА	12
<i>Гимбатова М.Б.</i> НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И ЛЕЧЕБНАЯ МАГИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ.....	21
<i>Загирова Э.М., Семенов И.Г.</i> СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА).....	39
<i>Загирова Э. М.</i> ЦЕННОСТЬ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЬСКИЕ УСТАНОВКИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНЦЕВ.....	48
<i>Лысенко Ю.М.</i> РОЛЬ РЕЛИГИИ В СЕМЕЙНО-БРАЧНОМ ПОВЕДЕНИИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ.....	55
<i>Нагиева М.К.</i> МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В Г. ПЕТРОВСКЕ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX В. – НАЧАЛЕ XX В.	63
<i>Разаков Р.М., Разаков А.Т.</i> К ВОПРОСУ О ГОРСКИХ АДАТАХ В ДАГЕСТАНЕ	74
<i>Разаков Р.М., Разаков А.Т.</i> К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В РОССИИ В ГОДЫ НЭПА.....	80

<i>Чекулаев Н.Д.</i>	
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ РОССИИ НА ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ ПРИКАСПИЯ В НАЧАЛЕ XVIII В.....	82
<i>Шахбанова М.М.</i>	
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА «МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СОГЛАСИЕ» И ИНДИКАТОРЫ ЕГО ИЗМЕРЕНИЯ	91
<i>Шахбанова М. М.</i>	
УСТАНОВКИ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ.....	112
<i>Шахбанова М. М.</i>	
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ.....	132
<i>Шахбанов А.М.</i>	
ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНСКОЙ АССР В 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА	159
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	176

Артамонова Я.В.

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЮГА РОССИИ

Российская Федерация является многонациональным государством, объединенным на основе единого историко-культурного кода, основными характеристиками которого является стремление к социальной справедливости и правде, уважение этнокультурных традиций народов, населяющих территорию Российской Федерации и способность интеграции лучших достижений данных народов в единую российскую культуру¹.

Именно молодежь, на наш взгляд, выступает как один из проводников этнокультурных традиций и достижений народа в единую культуру российского общества. В зависимости от того, каким образом молодое население России будет интерпретировать культурный код своей страны, ее традиции, ценностные ориентации, будет происходить развитие российского общества в целом.

Поскольку одной из основных задач Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации является именно упрочнение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации, особое внимание стоит обратить на те регионы страны, которые отличаются своей полиэтничностью. Юг России попадает под данную категорию, так как данная территория привлекательна для исследователей сложным этническим составом и геополитическим положением.

Исходя из того, что современное российское общество отличается быстрыми темпами глобализации и факторов риска, особенно актуально проанализировать традиционное и инновационное в установках сознания молодежи в поликультурном пространстве Юга России.

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации и на период до 2025 г.» [Электронный документ] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (Дата обращения: 10.04.2019).

Огромный пласт социологических исследований направлен на рассмотрение воспроизводственных, инновационных и трансляционных функций молодежи как субъекта общественного воспроизводства¹. Отечественными учеными активно освещаются вопросы, связанные с отношением молодежи к семье и семейным ценностям². Также ряд исследований посвящен анализу социокультурных ориентаций, ценностных ориентаций, миграционных установок студенческой молодёжи западных и восточных приграничных регионов России³.

Следует обратить внимание и на то, что большое количество работ отечественных ученых посвящены осмыслению этнической традиции: рассматривается влияние идеациональной и чувственной культуры на формирование общественного сознания индивида⁴. Также ряд работ рассматривает традицию как часть этнической культуры, которая помогает обеспечивать устойчивость культуры⁵. Влияние этнокультурных традиций и ценностных ориентаций в полиэтничных условиях представлены в работах таких исследователей, как Ю.Г. Волков, Г.С. Денисова, А.В. Лубский, С.А. Ляшева, Р.Д. Хунагов, А.Ю. Шадже⁶.

¹ Чупров В.И. Проблема социального развития молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности // Молодежная Галактика. 2014. № 11. С. 38 – 41.

² Заливайский Б.В., Самохвалова Е.В. Формирование семейных ценностей у молодежи в регионе // Знание. 2016. № 1-4 (30). С. 174-178; Зубок Ю.А., Чупров В.И. Отношение молодежи к семье в изменяющейся социальной реальности // Семья в современном обществе Сер. «Демография. Социология. Экономика». Под ред. Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. 2018. С. 103 – 108.

³ Симонян Р.Х. Студенческая молодежь приграничных регионов России // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 82 – 89.

⁴ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. М.: Академический проект. 2017. 964 с.

⁵ Нехвядович Л.И. Многообразие подходов к определению понятия «этническая традиция» // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-3 (68).

⁶ Волков Ю.Г., Лубский А.В., Воденко К.В., Войтенко В.П., Денисова Г.С. Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России. Междисциплинарный анализ и оценка по-

Проведя анализ научной литературы по данному вопросу, мы видим, что научно-исследовательские интересы ученых представлены многопланово, но не до конца раскрыты вопросы, связанные с соотношением традиций и инноваций в молодежной среде в условиях Юга России.

Современные молодые люди в процессе конструирования своей жизни стремятся использовать определенные культурные образцы, символы, идеи, на основе которых и выбирают социальные ориентации, реализуемые в их социальном поведении. Современная социальная реальность такова, что молодежь сегодня сталкивается с выбором традиционного и инновационного в своем социальном поведении. Сегодня традиции рассматриваются не только как препятствия на пути инноваций, но и как факторы, условия и средства их внедрения и принятия современным обществом¹. Традиция и инновация взаимодополняют друг друга, и только в этом случае можно говорить о возможности подлинного успеха общественной модернизации.

Рассматривая молодежную среду Юга России, мы обратимся к результатам прикладного социологического исследования «Межэтнические отношения и национальная политика в регионах Юга России», проведенного Южнороссийским филиалом ФНИСЦ РАН в 2018 году. В исследовании приняли участие 2256 респондентов: Республика Крым – 534 чел., Кабардино-Балкарская Республика – 150 чел., Республика Адыгея – 188 чел., Ставропольский край – 638 чел., Ростовская область – 746 чел.

Рассматривая частную сферу семейно-брачных отношений, следует обратить особое внимание на тот факт, что примерно 1/3 респондентов от 18 до 30 лет выступают сторонниками патриархального типа семейных отношений. К эгалитарным отношениям, основанным на равноправии между супругами, склоняются 37 % опрошенных. При вступлении в брак 55% из опрошенной молодежи будут стремиться к соблюдению традиций

тенциала использования в укреплении общероссийской идентичности / Ростов-на-Дону, 2018. 304 с.

¹ Гофман А.Б. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ динамики и взаимодействия // Под редакцией А.Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 543 с. (Humanitas).

своего народа. Молодежь в большей степени, чем старшее поколение, ориентирована на вступление в брак с представителями другой национальности – 77%.

Проводя анализ приватной сферы семейных отношений молодежи на Юге России, следует отметить, что 80,5 % респондентов прежде всего идентифицируют себя с членами своей семьи. Одной из важных областей жизни общества являются межпоколенные отношения. Подчеркнем, что большинство респондентов в возрасте от 18 до 30 лет считают важным следовать традициям, обычаям, нормам, которые определяют взаимоотношения между поколениями (для 39,65 % это «важно», 45,5 % отмечают, что это «скорее важно»).

Также следует отметить, что идентификация молодого населения с теми, кто соблюдает такие же традиции и обычаи, является выше, чем идентификация с людьми по такому критерию, как соблюдение закона. То есть при выборе норм, на основе которых происходит регулирование жизни общества, из ответов респондентов видно, что этнические традиции не занимают лидирующих позиций и не вступают в конкуренцию с нормами права.

Касаясь правовой сферы в сознании молодежи Юга России, нужно обратить внимание на то, что право, по мнению 44 % молодых людей исследуемого региона, регулирует все стороны жизни людей, а вот 22,4% отдают предпочтение этническим традициям как регулятору повседневных социальных практик. Таким образом, можно сделать вывод, что в правовом поле молодежь Юга России чаще всего ориентируется на общегражданские правила и институциональные нормы организации социальной жизни.

Таким образом, на основе проанализированных данных мы видим, что традиции и нормы определяют ценностные ориентации и установки молодежи в условиях Юга России, но нельзя исключать и влияние модернизационных процессов.

Поскольку современное российское общество – это развивающаяся система, это может привести к нестабильности в жизни населения российского общества. Для того, чтобы успешно интегрироваться в данную систему, молодому населению необходимо конструировать собственную жизнь, опираясь на традиционные и инновационные типы социального порядка. Гармонизация тради-

ционного и инновационного в социальных практиках является одним из необходимых условий эффективностимодернизации.

Верецагина А.В.

РОЛЬ ПАТРИОТИЗМА В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ

Полиэтнический характер Юга России определяет в качестве важного направления научно-исследовательских практик исследование условий и факторов формирования культуры межнационального общения. Важную роль в этом процессе играет патриотизм как фактор формирования общероссийской идентичности и социальной консолидации общества, гражданского сознания и культуры молодежи. В свою очередь, его формирование связано с этнокультурной спецификой населяющих регионы России (в данном случае, южнороссийского региона) народов.

В этом ключе имеет смысл рассмотреть сложившийся научный опыт в пространстве различных дисциплинарных практик. В них, как показывает анализ этого опыта, поднимаются такие вопросы, как: значимость религиозного фактора в становлении и развитии патриотизма (М.Х. Халимбекова)¹, в том числе в контексте влияния религии на патриотизм мусульманской молодежи на Северном Кавказе (А.А-Дж.Койчуев)²; влияние этнокультурных потребностей и процессов на формирование патриотического сознания молодежи (Ю.Г. Волков, Н.К. Бинеева, И.В. Печкуров)³; место патриотизма в традиционной культуре народов Юга России (А.М. Магомедов)¹.

¹Халимбекова М.Х. Религиозное в культуре патриотизма // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2011. №4. С. 54-58.

²Койчуев А.А-Дж. К проблеме исследования гражданственности и патриотизма мусульманской молодежи на Северном Кавказе // Исламоведение. 2011. №1. С. 39-46.

³ Волков Ю.Г., Бинеева Н.К., Печкуров И.В. Реализации этнокультурного образования и гражданско-патриотического воспитания на Юге России в контексте национальной политики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история,

Различия в восприятии патриотизма связаны с этническими, религиозными и региональными маркерами идентификации, определяющими структуру патриотической идентификации населения разных регионов Юга России. В северокавказских республиках, к примеру, в большей степени проявляются традиции регионального патриотизма, связанного с историей и культурой своего края, народа, однако, даже на уровне регионального патриотизма проявляются общероссийские тренды патриотизма, связанные с героическими страницами истории страны. Так, опираясь на результаты проведенного в Дагестане социологического опроса, М.М. Шахбанова показала, что у дагестанцев чувство гордости за Дагестан вызывают, прежде всего, герои Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг., а также дагестанские традиции в культуре и достижения дагестанских спортсменов².

Полиэтническая структура Юга России и слава конфликтного региона, ставшего пространством межэтнических столкновений и противоречий, определила в качестве значимого вектор изучения патриотизма в данном регионе, связанный с перспективами гармонизации межэтнических отношений, обеспечением геополитической безопасности и стабильности политической ситуации. В данном ключе на уровне педагогических, политологических и социологических исследований ученые поднимают такие вопросы, как: 1) связь патриотизма и толерантности, проявление интолерантности в мировоззренческих установках молодежи на Северном Кавказе; 2) интегративный потенциал патриотизма; 3) перспективы обеспечения безопасного развития северокавказского региона в контексте формирования патриотизма.

Анализ таких явлений, как патриотизм и толерантность в контексте исторической траектории развития межнациональных отношений на Юге России привел ученых к выводу о том, что в большей степени отвечает запросам времени и восприятию моло-

социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. №3 (204). С. 86-96.

¹ Магомедов А.М. Духовно-нравственное единство, культура межнационального общения и патриотизм в традициях народов Дагестана // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2014. № 2 (27). С. 38-48.

² Шахбанова М.М. Патриотические настроения в установках дагестанских народов // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 4. С. 150-162.

дежи понятие «патриотизм», нежели «толерантность», и в качестве примера реализуемых в молодежной среде патриотических практик приводят позитивный опыт Кабардино-Балкарской республики¹. Однако не все ученые позитивно оценивают реалии патриотического воспитания в молодежной среде Северного Кавказа. Так, О.Д. Федотова пишет о потенциале скрытой враждебности в молодежной среде данного региона, основываясь на результатах проведенного ею пилотажного исследования среди молодых адыгов². Ею была установлена причина интолерантного потенциала в мировоззренческих установках молодежи – травмирующие историческое сознание представления о несправедливом характере территориального расселения черкесов.

Глубокая связь между исторической памятью и патриотизмом в контексте выявления его интегративного потенциала на Юге России проанализирована в работе Шадже А.Ю., Ильиновой Н.А. и Сетовой С.А.³. Анализ эмпирических данных по Югу России позволил им обосновать значимость этнокультурного фактора в формировании патриотизма как основы межнациональной консолидации, а также влияние на историческое сознание трагических страниц истории каждого этноса, что определяет важность выстраивания конструктивного межэтнического диалога, выстраивая систему межэтнических отношений в русле новых тенденций общественного развития и аккумуляции позитивного опыта межэтнического общения.

В принципе, об этом же пишет и Шахов Ш.К., описывая геополитическую ситуацию на Северном Кавказе как небезопасную для России и молодого поколения, в связи с чем рассматри-

¹Апажева Е.Х., Зумакулов Б.М., Маремшаова И.И., Цолоев Т.С. Патриотизм или толерантность: межнациональные отношения в полиэтнических обществах XXI в // Вестник КалмГУ. 2017. №4 (36). С. 6-11.

²Федотова О.Д. Потенциал скрытой враждебности в контексте проблем патриотического воспитания молодежи Северного Кавказа // Интернет-журнал Науковедение. 2015. №2 (27) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/49PVN215.pdf>

³Шадже А.Ю., Ильинова Н.А., Сетова С.А. Патриотизм как фактор социокультурной интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. №3 (204). С. 188-197.

вает патриотизм как фактор региональной и национальной безопасности, а образование как базовую площадку формирования патриотизма общероссийского масштаба¹.

Но какой патриотизм нужен России и ее молодому поколению, чтобы решить стоящие перед страной внешние и внутренние проблемы? Не все ученые задаются этим вопросом и лишь немногие из тех, кто все-таки его ставит перед собой, дают четкие и концептуально оформленные ответы. На современном этапе наиболее обоснованной, научно выверенной и, как представляется ученым, адекватной российской реальности, является позиция о гражданском патриотизме как социокультурном базисе консолидации многонационального российского общества. О таком патриотизме пока можно говорить в проективном ключе, что следует из мнения социологов, занимающихся данным вопросом.

Гайтамирова С.А.

ПРОМЫСЛЫ И КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ТОВАРНОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация: статья прослеживает трансформацию народных промыслов и кустарной промышленности Терской области в условиях развивающегося товарного хозяйства конца XIX – начала XX века. Продукция домашних промыслов горцев обеспечивала все слои населения одеждой, обувью, домашней утварью, предметами сельскохозяйственного инвентаря, оружием. Автор показывает, что в отличие от домашних промыслов, кустарное производство изначально было ориентировано на рынок. Кустарными промыслами в Терской области занимались горцы, казаки, «иногородние», группировались они преимущественно около городов и ярмарочных пунктов, не распространяясь равномерно по всей массе населения.

¹Шахов Ш.К. Общероссийский патриотизм как фактор образовательных программ // Казачество. 2017. № 4 (28). С. 7-13.

Ключевые слова: домашние промыслы, кустарное производство, продукция, ремесленная промышленность, изделия, деревообработка, металлообработка, рынок.

Появлению кустарной промышленности повсеместно предшествовала домашняя, для которой характерно было отсутствие специализации производителей, причем изделия производились не на рынок, а почти исключительно для потребления внутри домашнего хозяйства. Обмен продуктами домашней промышленности носил случайный характер. Домашняя промышленность в пореформенный период быстро перерождалась в кустарную в центральных губерниях, но долго сохранялась в Терской области.

Подтверждая факт широкого распространения домашней промышленности, известный осетинский публицист А.Г. Ардасенов писал в 1896 г.: «Во всей Осетии, Кабарде и Чечне еще в весьма недавнее от нас время, никто бы не нашел ни одного плотника, столяра как ремесленника ... всем этим был занят понемногу каждый туземец» [4, № 4162]. Горцы для нужд своего хозяйства производили телеги, арбы, ободья, колеса, клепки, бочки, корзины. А также изделия из шерсти, кожи, другого сельскохозяйственного сырья, а часто – из металлов. В качестве домашних промыслов существовали приготовление пива, изготовление сыра, сукон, войлочных изделий, плетение из серебра и золота, веревочное производство [15, с. 219].

Продукция домашних промыслов горцев обеспечивала все слои населения одеждой, обувью, домашней утварью, предметами сельскохозяйственного инвентаря, оружием. Исследователи, изучавшие домашнюю промышленность в XIX в. отмечали, что она «имеет много невыгодных сторон: ее неподвижность и рутинность, по большей части дурное качество ее произведений, выкупаются только отчасти дешевизной, которая не всегда соединяется с выгодами производителей» [6, с. 306-307].

Среди горцев выделялись небольшие группы, которые занимались только ремесленным производством, но они продолжали совмещать его с сельским хозяйством. В отличие от домашних промыслов, кустарное производство изначально было ориентировано на рынок. Особая Комиссия по исследованию кустарной

промышленности в России в 1876 г. определяла «кустарную» промышленность как обрабатывающую промышленность, которая «является домашним занятием преимущественно сельского населения и служит более или менее дополнительным при сельских занятиях» [20, с. 10-11].

Такое понимание кустарной промышленности сохранилось и позже. В 1902 г. при составлении обзора кустарных промыслов исходили из того, что «в чистой своей форме кустарная промышленность представляет собой, прежде всего, соединение занятия земледелием с занятием какою-либо отраслью обрабатывающей промышленности. Затем под кустарями следует разуметь исключительно хозяев самых мелких предприятий, в основе которых лежит преимущественно пользование трудом членов собственной семьи» [12, с. 11]. Будучи хозяевами «самых мелких предприятий», кустари были такими же «самыми мелкими предпринимателями».

В конце XIX – начале XX в. кустарные промыслы продолжали играть заметную роль в экономической жизни России. В них было занято больше работников, чем в крупной промышленности. Общее число занятых в кустарных промыслах только 40 губерний Европейской России современные исследователи определяют в 4 млн. чел. [16, с. 23].

Как писалось в «Обзоре кустарных промыслов России» за 1902 г.: «После земледелия кустарная промышленность – наиболее важный источник заработка для населения нашего отечества». Даже в Московской губернии тогда кустарными промыслами было занято в 4,5 раза больше жителей, чем на фабриках и заводах [12, с. 1].

Однако распространена кустарная промышленность была в дореволюционной России крайне неравномерно. Хорошо известно, что в губерниях Центральной России существовал значительный разрыв по уровню развития кустарной промышленности. По оценке К.Н. Тарновского, в начале века на 10 тыс. чел. сельского населения количество кустарей и ремесленников составляло 996,4 человек в Нижегородской губернии; 774,0 чел. – в Вятской, 755,8 чел. – в Московской и 69,3 чел. – в Смоленской, 60,7 чел. – Калужской [16, с. 27].

Что же касается окраин, то этот разрыв был еще больше. Относительно Терской области справочно-энциклопедические издания признавали, что кустарная промышленность там не имела серьезного значения в общей экономике области [8, с. 15].

В 60–70-х гг. XIX века в Предкавказье, в том числе Терской области, ремесленной промышленностью занимались преимущественно пришедшие из России или уволенные из войск в отставку мастера и рабочие [7, с. 14]. Именно из среды «иностранцев» выделялись ремесленники, полностью порывавшие с сельским хозяйством. Изготовлением кожаной обуви в Терской области круглый год занимались лишь «иностранцы», те же казаки, кто промышленял сапожным промыслом, с июня по сентябрь (на время полевой страды) прекращали свои ремесленные занятия.

«Терский сборник» писал в 1903 г.: «Ремесленной и кустарной промышленности в станице (Екатериноградской. – С.Г.) почти нет. Портные, сапожники, столяры, плотники, кузнецы, слесари, шорники, седельщики и другие – все это в большей части случайно или на время поселившиеся здесь иностранцы. Сами казаки не имеют склонности ни к какому ремеслу» [17, с. 29]. Тем не менее, в конце XIX – начале XX в. кустарными промыслами в Терской области занимались горцы и казаки. В литературе того периода отмечалось, что наибольшего развития промыслы достигли у горских народов, наименьшего – у казаков [1, с. 5].

Так, в станице Черноярская для некоторых жителей выжигание угля стало основным занятием, другие занимались им в свободное время от полевых и других сельскохозяйственных работ. Всего этим промыслом в станице занималось около 50 чел. Современники отмечали, что это занятие было очень вредным для здоровья, [17, с. 75] и занимались им не столько казаки, сколько «иностранцы».

Гораздо больше промыслы были распространены у горцев, однако они занимались ими в разной степени. «Терский сборник» за 1892 г. писал: «Из кустарных промыслов у ингушей не встречается ни одного развитого настолько, чтобы его можно было назвать «промыслом»: выделка туземного сукна, изделия из дерева и металла и т.п., чем занимаются соседние горские племена, среди ингушей встречаются в таких размерах, которые не удо-

влетворяют даже потребностям собственного домашнего обихода» [18, с. 126].

Эта оценка подтверждается и профессором Г.К. Мартиросяном: «Среди горных ингушей можно было встретить искусных кустарей, изготавливавших и ремонтировавших различные предметы, употреблявшиеся в крестьянском хозяйстве. Однако кустарная промышленность, ввиду бездорожья и невежества жителей, не получила тут развития» [10, с. 147].

Крупнейший знаток кустарных промыслов Кавказа О.В. Маргграф писал о распространенности промыслов: «В Терской области все ее восточные части, приближающиеся к Дагестану, вся Кумыкская плоскость, а за нею и Грозненский округ, хотя в промышленном отношении и оживленнее прочих местностей, но промыслы здесь группируются уже по преимуществу около городов и ярмарочных пунктов, не распространяясь по всей массе населения так равномерно, как в Дагестане. Еще далее на запад, в пределах Терской области, некоторые кустарные промыслы концентрируются около Владикавказа и Пятигорска, а затем почти исчезают, уступая место земледелию и скотоводству. Таким образом, уже в соседней с Дагестаном области промышленная деятельность населения в общем значительно менее развита: произведения ее не идут в даль и лишь изредка сбываются на Север – в Ставропольскую губернию и на юг – в Закавказье» [9, с. XVI].

В начале XX века часть продукции кустарной промышленности Терской области оставалась на местном рынке, другая часть поступала в соседние уезды и губернии и третья – на всероссийский и даже мировой рынок. На местном рынке оставались арбы, глиняная посуда, шерстяные чулки, кузнечные изделия. На региональный рынок выходили бурки, сукна, шерстяные ткани, шелковые и вязаные изделия. В Москву, Петербург, Нижний Новгород и за границу вывозились ковры, паласы, оружие, изделия из серебра и меди [8, с. 16].

Кустарная промышленность продолжала существовать рядом с зарождавшейся фабрично-заводской, прежде всего – в горных районах.

В 1900 г. А.С. Пиралов назвал важнейшие причины устойчивого существования кустарных промыслов на Кавказе. К таким причинам, по его мнению, относились:

а) практически почти полное отсутствие фабричной и заводской промышленности, для развития которых за пределами больших городов не существовало благоприятных социально-экономических условий;

б) изобилие сырья (шерсти, шелка, меди, глины, дерева и др.);

в) дефицит пахотных земель и отсутствие удобных путей сообщения, особенно в горных местностях, в которых тому же сельскохозяйственная деятельность населения ограничивается суровыми продолжительными зимами и малоземельем, не позволявшим довольствоваться одной их продукцией;

г) существование в крае значительного кочевого и полукочевого населения, ведущего преимущественно скотоводческое хозяйство и с трудом переходящего к земледелию; кочевой быт вызывался топографическими и климатическими условиями;

д) полунатуральный характер хозяйства у многих кавказских народов, живущих вдали от больших городов и удобных путей сообщения;

е) высокое качество продукции в связи с красотой и своеобразностью рисунка некоторых кустарных изделий (ковры, паласы, сукна, серебряные и медные предметы), с которыми соответствующие фабричные изделия не могли конкурировать по качеству, а в некоторых случаях и по цене;

ж) наконец, большое значение элементом имели сила, ловкость и предприимчивость многих народностей края и социальное положение женщины [13, с. 44].

Как и по всей России, в Терской области имелись необходимые экономические предпосылки для развития промыслов и, вместе с тем, действовали некоторые специфические факторы, связанные с политикой царизма на Северном Кавказе. В 1893 г. признавалось: «кустарные промыслы в Чечне, за исключением разве одного черепично-кирпичного, находятся в периоде упадка» [19, с. 92].

Царизм, возможно, готов был бы поддержать развитие кустарной промышленности у казаков, но те, богато наделенные плодородной землей и, имея большие доходы от сельского хозяйства, проявляли к ней мало интереса.

Русское правительство в конце XIX в. в принципе признавало важное экономическое значение кустарных промыслов для страны в целом и населения Кавказа, в частности. Этой же точки зрения придерживались многие ученые и общественные деятели. На кустарную промышленность возлагалось много надежд, считалось, что она смягчит переход к капитализму, или даже модифицирует капиталистический строй, придаст экономике ярко выраженную «национальную окраску» [5, с. 43].

Для того чтобы кустарная промышленность представляла собой нормальную, конкурентоспособную форму предпринимательства, было необходимо выполнить ряд условий. В 1896 г. Д.И. Менделеев отмечал необходимость поддержки мелкого промышленного предпринимательства, в том числе и кустарного производства, государством [11, с. 53].

Со временем вовлечение Терской области во всероссийский рынок было заметно уже не только в районах, прилегавших к железной дороге. Известный публицист А.Г. Ардасенов писал в 1896 году: «С проведением Ростово-Владикавказской железной дороги произведения мануфактурной и заводской промышленности вытесняют всюду местные изделия, убивая кустарные промыслы страны» [4, № 4258].

Появление железной дороги имело и некоторые положительные последствия для кустарей; менялась их технология производства. Исследователи отмечают, что в конце XIX – начале XX века, работавшие по металлу ремесленники стали использовать лом и металлоотходы, которые они доставали в мастерских Владикавказской железной дороги, на железнодорожных станциях, рудниках [3, с. 100].

Кустари получали материалы от железной дороги, но никакой продукции для железной дороги не производили. Потребителями традиционных кустарных изделий металлистов оставалось местное население. Не была налажена интеграция, взаимодействие фабрично-заводской промышленности (в виде, например, железнодорожных мастерских) и кустарных промыслов. Промыслы существовали рядом и совершенно отдельно.

На весь мир были известны достоинства горского оружия. Горские оружейники издавна славились умением изготавливать шашки, кинжалы, ружья, предметы защитного вооружения. В

1867 г. на Всемирной выставке в Париже экспонировался набор черкесского вооружения – каленая сабля, панцирь, шишак, налокотники, лук со стрелами, шарф – общей стоимостью 360 руб. [2, л. 90].

Еще одним распространенным промыслом была деревообработка. В средней горной полосе Терской области находились богатые лесные массивы, там произрастали бук, граб, клен, липа, ольха, ясень, дуб, сосна. Именно в этой средней горной полосе и получили наибольшее распространение деревообрабатывающие промыслы [21, с. 130]. Больше всего ими занимались кабардинцы, осетины, чеченцы, лезгины, казаки [9, с. 229]. Так, в середине XIX в. в Чечне были весьма распространены промыслы, основанные на обработке дерева: чеченцы производили обручи, клепки, доски, таркалы (колья, служившие для поддержки виноградных лоз). Из дерева кустарями производилась и мебель.

Выросшую из домашней, кустарную промышленность исследователи относят к домануфактурной стадии развития капитализма [14, с.9]. Общей закономерностью считается порождение промыслами мануфактур. Этот процесс имел место и в Терской области, но его темп значительно запаздывал по сравнению с губерниями Центральной России.

Литература:

1. Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Вып. 4. Владикавказ: Типография Терского областного управления, 1897. 460 с.
2. ГААК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 214. Л. 90.
3. Габуева О.А. Крестьянские промыслы Осетии во второй половине XIX – начале XX века. М., 1977. 197 с.
4. Газета «Новое обозрение». Тифлис, 1896. № 4258.
5. Кавказский календарь на 1901 г. Тифлис, 1900. 675 с.
6. Корсак А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. СПб., 1861. 3 с.
7. Крикунов В.П. Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60-90-е гг. XIX в. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973. 318 с.

8. Кустарная промышленность России. Разные промыслы: очерки. В 2 т. Т. 1 – 2. СПб.: Типо-Литография «Якорь», 1913. Т.1: 602 с., Т.2: 580 с.

9. Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства / Сост. по материалам, собр. А.В. Золотаревым и др. О.В. Маргграф. М.: С.В. Лепешкин, 1882. 288 с.

10. Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушетия: социально-экономический очерк. Владикавказ: Изд. Ингушского науч.-исслед. ин-та, 1925. 114 с.

11. Менделеев Д.И. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб.: Тип. В.С. Балашева и Ко, 1896. 752 с.

12. Обзор кустарных промыслов России. СПб.: Паровая Скоропечатня М.М. Гутзац, 1902. 151 с.

13. Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Изд. 1-е. СПб, 1900. 50 с.

14. Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60-80-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1966. 261 с.

15. Северная Осетия. Политико-экономический очерк. Орджоникидзе: Гос. изд. Северо-Осетинской АССР, 1939. 511 с.

16. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность дореволюционной России: Историко-географические очерки. М.: Радикс, 1995. 277 с

17. Терский сборник. Вып.5. Владикавказ, 1903. 325 с.

18. Терский сборник. Вып.2. Владикавказ, 1892. 183 с.

19. Терский сборник. Вып.3. Владикавказ, 1893. 183 с.

20. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып.1. Отд.1. СПб., 1879. 337 с.

21. Хижняков Б.Е. Кустарно-ремесленная промышленность национальных областей Северо-Кавказского края // Записки ГНИИ Северо-Кавказского края. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1929. С.130-167.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И ЛЕЧЕБНАЯ МАГИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье впервые с позиций гендерного анализа рассматривается народная медицина тюркоязычных народов Дагестана XIX – начала XX века. Анализ материалов показал, что на оказание лечебно-профилактической помощи велось с учетом половой принадлежности больного. Проанализировав комплекс мероприятий, проводимый лекарями, сделан вывод, что они имели представления о гендерных различиях физиологии и развитии заболеваний, гормональном фоне и особенностях строения внутренних органов у мужчин и женщин. Установлено, что женщины-лекари занимались лечением мочеполовой системы, внутренних и кожных заболеваний, акушерством, мужчины-лекари занимались лечением инфекционных заболеваний, огнестрельных ран, кровопусканием и костоправством. Материалы свидетельствуют о том, что лекари знали о целебных свойствах растений, лечебной воды и грязи, тепла и холода, соли, жиров и масел природного происхождения. Актуальность статьи обусловлена отсутствием работ по данной проблематике и возросшим интересом к гендерной медицине, которая все больше оттесняет медицину классическую. Научная новизна исследования видится в том, что оно проводится на основе полевых этнографических данных. Научно-практическое значение заключается в том, что материалы статьи могут быть использованы при написании обобщающих трудов по этнографии и практикующими врачами, интересующихся народной медициной.

Ключевые слова: народная медицина, лечебная магия, лекарь, знахарь, гендер, тюркоязычные народы Дагестана.

В XIX – начале XX века, несмотря на отсутствие квалифицированной медицинской помощи, тюркоязычные народы Дагестана уделяли должное внимание своему здоровью. Люди понимали, что самым важным и главным для них является здоровье.

Особо уважаемыми и почитаемыми в народе людьми были лекари – «хаким», «уста», «ярачы», «эмчи» (кум.), «джеррах», «хаким», «уста», «лугман» (азерб.), «джеррах», «хеким» (терек.),

«уста» (ног.). Занятия врачеванием считалось богоугодным делом и поощрялось исламом. В одном из хадисов сказано, что нельзя жить в той местности, где нет лекаря и человека, умеющего делать кровопускание.

Хороших лекарей люди помнили годами, слава о них передавалась из поколения в поколение. Так, в конце XIX – начале XX века среди кумыков большой известностью пользовались лекари Юсуповы из с. Аксай, Гаджи Батыр из с. Темир-аул, Магомед Гаджи, Дада, Арслан Али Гаджи, Эльдерхан из с. Эндирей, Бадырхан и женщины Ана, Багу из с. Башлы, Гусейн-Магомед, Яраги-Осман из с. Эрпели, Аксак Зияв из с. Нижний Дженгутай, среди ногайцев были известны Самиев из с. Биарслан, Тамбикеиз с. Кумли, Патимат Магомедовой из с. Нариман, Терекбаю Терекбаеву из с. Арсланбек, Суюндук из с. Бекер-аул, Кокос Молла из с. Есалы, Оразган Аджиниязова из с. Бабаюрт, у дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев большим авторитетом пользовались лекари Махмуд из с. Татляр, Мирзахан из с. Берикей, Сейбат из с. Ерси, Куфа и Аскер Гусен-ага из г. Дербента и др.

В статье впервые с позиций гендерного анализа рассматривается народная медицина тюркоязычных народов Дагестана. В XIX – начале XX века лекари понимали, что к одним и тем же заболеваниям у мужчин и женщин необходим разный подход и таким образом народная медицина была условно поделена на мужскую и женскую. Идея разделения медицины на мужскую и женскую, возникшая сравнительно недавно, привела к появлению нового направления в медицине – гендерная медицина, которое в нашей стране еще слабо используется. Однако именно это направление в ближайшем будущем станет приоритетным. Поэтому изучение опыта предшественников является актуальным и имеет большое научно-практическое значение.

Круг заболеваний, которым занималась женщина-лекарь сводился к лечению внутренних органов, кожных и детских заболеваний, женского и мужского бесплодия.

Одним из распространенных заболеваний, лечением которого занимались женщины-лекари было бесплодие.

Одной из причин женского бесплодия тюркоязычные женщины-лекари считали опущение матки. опущение детородного

органа лечили с помощью глиняной банки – «бьясти». Больную укладывали, клали на пупок теплую соль и поверх ставили банку, которую вращали по часовой стрелке, банка присасывалась к животу и матка становилась на место [ПМА, 2012].

Другой причиной женского бесплодия были выкидыши. С целью их предотвращения женщины пили отвар из тысячелистника, привязывали к животу синюю тряпку, предварительно смазав ее медом, больше отдыхали, не поднимали тяжести.

Кумыкские лекари предлагали в течение полутора месяцев утром и вечером пить настойку шалфея.

Азербайджанские лекари боролись с бесплодием несколько иным способом, они толкли до однородной массы сахар, нухут (черный горох) и курдюк, в полученную смесь обмакивали ватный тампон и вводили его в детородный орган на ночь, а утром вынимали. Процедуру повторяли в течение 3-4 дней.

Хотя в народе и бытовало твердое убеждение, что бесплодие – это женская болезнь, некоторые лекари предлагали пройти специальный курс лечения и мужчине. Так, азербайджанские лекари рекомендовали мужчине принимать натошак в течение 40 дней по 1 столовой ложке орехового масла.

Терекеменские лекари предлагали мужчинам есть «гарачёрек»(конопляные семена) с творогом и медом.

В исследуемый период, успешно лечили и эректильную дисфункцию. Для восстановления половых функций мужчины сами к лекарям не обращались, за них это делали их жены. Так, кумыкские лекари советовали мужчинам принимать горец птичий (спорыш). Корень горца птичьего специально настаивали на водке и давали пить больному. Кстати, корень этого растения применяли и при нервном перевозбуждении, в этом случае его настаивали на воде. У кумыков существует выражение: «Гъан-нузлуердеатоьлмес, иерлиерде эр оьлмес» (Там, где растет девясил, конь – не падет, там, где растет горец птичий – мужчина не умрет).

Азербайджанские и терекеменские лекари при половом расстройстве давали мужчине специальный напиток, который готовился по особому рецепту. Для целебного снадобья брали три литра сыворотки, приготовленной из молока красной или черной коровы, опускали в нее шесть куриных яиц и закапывали в землю

на 12 дней. Через 12 дней кувшин с сывороткой доставали из земли и разглядывали яйца, если они были целы, без видимых повреждений, то средство считалось готовым, если же яйца темнели или имели какие-либо другие дефекты, то содержимое выливалось и снадобье готовили снова. Полученное лекарство давали пить мужчине небольшими порциями в течение нескольких дней [ПМА, 2012].

Другим не менее действенным средством от импотенции считались паровые бани. Для этого собирали все произрастающие в данной местности травы и опускали в тлеющий тандыр (печь), поверх него ставили деревянную обрешетку, на которую и садился мужчина (без нижнего белья), сверху его кутали теплым одеялом. Таким образом, дымящиеся травы благотворно влияли на здоровье мужчины. Кстати, эффективным средством от импотенции считались и орехи с медом.

Половые расстройства у женщин обнаруживались крайне редко, наиболее опасным среди них считалась нимфомания. О женщине, страдающей этой болезнью, в народе говорили: «Алла аздырыбы» (Сбилась с пути).

Как сообщают наши информаторы, нимфомания в XIX – начале XX века поддавалась лечению. Азербайджанские целительницы для борьбы с этим недугом использовали листья бузины (гандалаш) и простоквашу. Листья пропитывали простоквашей и клали на спину больной, между лопатками. Подобное лечение якобы давало желаемый результат.

Женщинам в период полового созревания и климакса в качестве успокоительного средства предлагали отвар из мяты и подслащенную воду, виноградный *дошаб* (уваренный виноградный сок) 2-3 – х летней выдержки. Кроме того, женщинам не репродуктивного возраста лекари рекомендовали принимать отвар из семян хильбы.

Лечить пытались и аденому. Кумыкские лекари больному аденомой давали настойку тысячелистника, березовых листьев, календулы. Действенными считались тыквенные семечки и масло из них.

Успешно лечили эндометрит, эрозию, мастит. Ногайские лекари мастит лечили отваром травы телмизан, кумыкские лекари – мальвой (айлангуль). Мальву измельчали, кипятили в молоке

и полученную смесь в теплом виде клали на больную грудь [ПМА, 2013].

Азербайджанские и терекемские лекари лечили мастит солью. В теплый соляной раствор опускали кусок бязи, а затем прикладывали к больному месту.

Эндометрит ногайские знахари лечили полынью, больную сажали на отвар полыни и не разрешали вставать до тех пор, пока он не остынет.

Азербайджанские и терекемские лекари для лечения эндометрита использовали куриное яйцо, его варили и вводили в детородный орган, пока оно там не остынет.

Кумыкские лекари при эндометрите сажали больную на горячий кирпич, а эрозию прижигали квасцами (ачудаш).

Ногайские целительницы с успехом лечили молочницу пенкой, получаемой при сжигании ивы (тал).

В XIX – начале XX века женщины-лекари имели представление о внутриутробном расположении плода, в случае патологии, с помощью массажа, они поворачивали его в естественное положение.

Родовспоможением у тюркоязычных народов Дагестана в исследуемый период занимались исключительно женщины – повивальные бабки (аначыкъатын (кум.), эвия (ног.), эбечихатун (азерб.), эбечихатын (терек.). При трудных родах повитуха делала массаж роженице, качала ее, устроив качели из паласа, заставляла дуть в бутылки, много ходить по комнате, разминала ей поясницу.

В особых случаях, когда роженица находилась на грани жизни и смерти, вызывали опытных чабанов или костоправов, которые ножом разрезали живот и извлекали ребенка живого или мертвого [Гаджиева, 1985, с. 375].

Лекари-женщины больших успехов достигли в лечении внутренних болезней, кишечных заболеваний, болезней головы, горла и носа, болезней суставов, нервно-психических заболеваний, детских болезней.

В XIX – начале XX века лекари понимали, что главным органом в организме человека является сердце. Кстати, это подтверждает и современная медицина, врачи утверждают, что человек умирает не от болезни, а от остановки сердца.

Сердечников отпаивали различными отварами. Так, кумыкские лекари поили больного отваром цветов одуванчика (кечельчечек), азербайджанские и терекемские целительницы рекомендовали пить отвар из айвовых листьев (хайваярпагы) и плодов боярышника (загру), а ногайские – давали настой подорожника (бака япрак) и черную редьку (кара туры) с медом.

Пить отвар из листьев подорожника с медом рекомендовали и при лечении желудочно-кишечных заболеваниях. Кроме того, кумыкские лекари советовали больным отвар тысячелистника, настойку из ореховых перегородок с сахаром, отвар кожуры граната, сок бузины, и проглотить натошак семь улиток или есть по утрам тутовник (тут).

Использовали и жженые квасцы (ачудаш), их смешивали с подсолнечным маслом, добавляли яичный желток, столовую ложку меда и полстакана молока, все это взбалтывали и полученную смесь давали больному натошак в течение трех дней, при сильных болях лечение продолжали до семи дней. Кстати, с квасцами лекари обходились весьма осторожно, их употребление было дозированным, применяли квасцы в очень малых дозах, зная их разъедающую способность [ПМА, 2014].

Эффективным средством при болях в желудке считалась и нефть.

Ногайские лекари при болях желудка поили больного отваром корня растения «сарбалак», содержащий желтоватый сок, а также советовали есть галушки, сваренные в воде с конским жиром.

Азербайджанские лекари добавляли в пищу больного желудком пепел дубовой коры (палыткюян).

Терекемские лекари предлагали пациенту соблюдать диету и пить отвар горца птичьего (спорыша).

При заболевании печени страдающему давали сок одуванчиков, собранных до цветения, а ногайские целительницы рекомендовали пить отвар из конопли (кендир) по три раза в день.

При вздутиях живота (гёпгенкъурсакъ) справляться с недугом помогал разведенный в воде древесный уголь.

Ногайки при вздутии замешивали тесто с добавлением травы любисток (шийбой) и сметаны, раскатав его, прикладывали к животу.

Дагестанские азербайджанки и терекеменки при вздутии (къарынкюклэ) поили больного сывороткой, а при рвоте (гусмаг) – йогуртом.

Сывороткой (нах) или простоквашей (чий) останавливали рвоту и кумыкские лекари.

Простоквашей или айраном при рвоте поили и ногайские целительницы, а при изжоге – бульоном из ягнятины.

Все женщины-лекари умели вправлять пупочную и паховую грыжу. «Ставить пупок на место» умели и горские лекари [Булатов, Лугуев, 1999, с. 116].

Лекари-женщины справлялись и со всеми видами ран (рваных, гноящихся, кровоточащих, укушенных и т.д. К рваным ранам ногайки прикладывали «шырш» – тесто, замешанное на яичном желтке с добавлением соли.

На гноящиеся раны кумычки клали мыло с сахаром, а для вытягивания из раны содержимого прикладывали птичий помет, перемешанный с заячьим жиром. На рваные раны клали и козий жир.

Кровоточащую рану ногайские целительницы прижигали горячим войлоком и посыпали высушенной полынью (ювсан).

Дагестанские азербайджанки и терекеменки раны присыпали золой, а затем смазывали нефтью.

Поддавались лечению и укушенные раны. Чаще всего обращались по поводу укусов змей, собак. В укушенную рану ногайки запускали блоху, укусившей собаки, сверху прикладывали тесто и перевязывали куском материи, а кумычки посыпали рану пеплом шерсти укусившей собаки [ПМА, 2014, с. 134].

При укусе змеи ногайские лекари лечили девясилом (андыс), а кумыкские прижигали место укуса коленным железом или опускали больного в молочную ванну, азербайджанские – промывали укус винным или яблочным уксусом.

Лечению поддавались и различные нарывы, фурункулы. Так, ногайские лекари при лечении фурункула использовали грудное молоко. К фурункулу прикладывали лепешку, замешанную на грудном молоке. К фурункулам и нарывам прикладывали лист дыни или лист подорожника, прижигали горячим железом. Сырое мясо ягненка протыкали, раскаленным на огне гвоздем и тут же прикладывали к нарыву и так повторяли три раза.

Если нарывал палец, то кумыкские лекари предлагали сквозь нарыв продеть иголку с ниткой.

Легко справлялись и с ожогами. Так, например, кумыкские, ногайские и азербайджанские целительницы при ожогах использовали измельченный до порошкообразного состояния древесный гриб и гусиный жир (къаз май).

Широко было распространено и лечение пиявками. Их использовали для вытягивания «дурной» крови при болях в ногах, кровоточащих трещинах на губах и т.д.

С успехом лечили и оториноларингологические заболевания. Так, ногайки, при отите (воспалении уха) растапливали нутряной жир лисы и закапывали его в ухо. К больному уху также прикладывали теплую соленую лепешку.

Азербайджанские целительницы капали в ухо теплое топленое масло, а кумычки лечили ухо паром.

С успехом лечили и ангину. Так, например, кумычки при ангине использовали керосин (акънап), терекемени – теплое молоко, а ногайки ногайки массировали шею.

При кашле больного поили молоком с козьим жиром и медом. Отличным средством, используемым при насморке, был сок дикого лука.

У тюркоязычных народов Дагестана глаза лечили сахарной пудрой, медом. Сахарную пудру сыпали прямо в больной глаз, а мед разбавляли в кипяченой воде и полученным раствором промывали глаза. Таким способом глаза лечили и большинство горцев [Булатов, Лугуев, 1999, с. 127].

Зубную боль останавливали почти в каждой семье самостоятельно, обычно этим занимались женщины. Так, например, у кумыков от зубной боли использовали улиток (*хуртуя*). Больной должен был стоять над раскаленной сковородой с улитками, накрытый сверху одеялом, и вдыхать ртом пар.

У ногайцев от зубной боли использовали семена растения «телмизан». Вначале семена кипятили в воде.затем снимали с огня и быстро, пока пар не улетучился, подводили к нему больного. Он должен был стоять, нагнувшись над тазом, покрытый сверху покрывалом, и вдыхать открытым ртом пары отвара. По свидетельству информаторов после такой паровой бани мелкие зубные черви сами выпадали из полости рта [ПМА, 2014].

Лечили зубы и отваром из семян дурмана (дувшоьлмек), его закапывали в дупло больного зуба. Отваром этих семян полоскали горло, его парами дышали при насморке.

Дагестанские азербайджанки и дагестанские терекемки при зубной боли прикладывали к запястью дольку чеснока или посыпали дупло зуба пеплом табачных листьев.

Таким образом, женщины-лекари принимали роды, занимались лечением мочеполовой сферы и внутренних органов с помощью трав и средств минерального и животного происхождения.

Мужчина-лекарь, главным образом, занимался лечением опорно-двигательной системы, извлекал пули, лечил огнестрельные раны, проводил сложные операции (трепанацию черепа).

Среди мужчин было много костоправов («сюек уста» (кум.), «суьек уста», «яракшы» (ног.), «сыныгъчы» (азерб.), «сююкчи» (терек.), умевших накладывать лангет, гипс, а также хирургов.

Самыми сложными и опасными считались огнестрельные раны, которые дагестанские лекари-мужчины с большим успехом лечили еще со времен Кавказской войны. Искусство дагестанских хирургов заключалось в том, что они «никогда не ампутировали ни ногу, ни руку, ни другую часть тела, кроме исключительного случая» [Абдурахман из Газикумуха..., 1997, с. 129]. Если ампутация была неизбежна, то её производили не иначе как в суставах. При этом процент смертности был крайне низок. Такие операции совершались обычным острым кинжалом. «Оставшаяся часть ампутированного места опускалась тотчас же в кипящее коровье масло и затем заживала в самое непродолжительное время» [Дубровин, 1871, с. 584].

Результатам дагестанских хирургов удивлялись даже известные русские врачи. Так, полковник Генерального штаба А. Неверовский писал: «...должен заметить, что в горах превосходно лечат травами все наружные болезни, а в особенности раны от холодного и огнестрельного оружия. Один из жителей деревни Эрпели Шамхальского владения так вылечил раны, что к нему присылали больных даже с гор. Когда имя его сделалось известно русским, то к нему были отправлены два фельдшера для обучения, и медики наши сознались, что метода его лечения заслуживала внимания» [Неверовский, 1847, с. 35].

Высокую оценку кавказским лекарям дал и знаменитый русский хирург Н.И. Пирогов. В частности, он писал: «Большая часть военных людей, даже образованнейших военачальников, уверены в необыкновенном искусстве и опытности азиатских емиков (так называют этих врачей по-татарски)... Искусство лечения наружных повреждений у кавказских племен есть чисто наследственное и переходит от отца к сыну» [Пирогов, 1852, с. 69].

Особенно его поразило лечение огнестрельных ран, соединенных с раздроблением кости пулею и с присутствием посторонних тел (пули, секвесторов), которое он подробно описал в своем отчете: «Начинается с того, что больной должен вынести всякое орудие из своей комнаты. Врач переселяется на несколько дней к нему. В отверстие раны вносится как можно глубже толстая из тряпки сделанная турунда, смоченная едким веществом, обыкновенно мышьяком, и оставляется там на несколько дней. Сделав это, врач старается первые два дня различными способами препятствовать сну больного. Он или садится возле больного и, заметив в нем хотя бы малейшую склонность ко сну, поднимает сильный стук, или дает ему пить понемногу водки, или, наконец, стягивает ремнем конечность ниже раны. Сильная боль от действия едкого вещества на рану, лихорадка и бессонница приводят организм больного, наконец, в изнеможение, которое обыкновенно кончается крепким сном. С появлением нагноения турунда вытаскивается, и рана очищается от омертвевшей клетчатки» [Пирогов, 1852, с. 70].

Лекари-мужчины успешно лечили и болезни костно-мышечной системы. Для лечения использовались грязи, горячий песок, отвары, делали обтирания, парились. Так, ногайские лекари при радикулите использовали соль и заячью шкурку. Больные участки тела протирали солевым раствором и перевязывали заячьей шкуркой.

Азербайджанские лекари при радикулите опускали больного в бочку с горячей водой и конским навозом, а при ревматизме прикладывали к больным суставам лопух (хъакъулуярпак).

Кумыкские лекари при радикулите использовали настойку растения «гёзеллерик».

Ломоту в суставах ногайские лекари лечили горячей сывороткой, в которую опускали больного.

Больные суставы лечили также медвежьим жиром (аюв май), а при остеохондрозе (белсызлапавырув) больного закапывали в горячий песок.

Лекари-мужчины в своей практике широко использовали и богатое наследие восточной медицины, которое стало проникать в Дагестан вместе с исламом и арабо-мусульманской культурой. Дагестанский ученый-востоковед М.-С. Саидов отмечал, что «в Дагестане были известны почти все трактаты средневековой медицины» [Саидов, 1960, с. 121]. Особенно широкое распространение получили арабские медицинские трактаты Ибн ан-Нафиса, Абу Бакра Мухаммадара-Рази, а также комментарии к их сочинениям. Наиболее популярным в Дагестане был труд Абу Али ибн Сины «Канон врачебной науки». Наиболее ранний из обнаруженных в Дагестане списков «Канона» датируется 1400 г. [Тагирова, 2001, с. 204; Манышев, 2011, с. 76]. Известно также, что лекари пользовались арабо-татаро-латыно-русским фармацевтическим словарем, книгами по фармакологии, большой популярностью пользовалась книга на татарском языке «О пользе членов и о сохранении здоровья» [Курмансеитова, 1990, с. 174].

Отдельные дагестанские врачеватели были знакомы не только с переводами на местные языки средневековых трактатов, но и «сами создавали труды по различным областям медицины» [Штанчаев, 1963, с. 59]. Одним из них является известный на всей территории Дагестана медицинский справочник «Дамадан», или «Ханналмурад», представлявший собой компилятивную работу – перевод на лакский язык с персидского известного медицинского справочника Мухаммада ал-Дайлами ал-Мазандарани под названием «Тухфатал—Муминин» [Ахмедов, 2008, с. 45-48] и книга лекарств Лукмана ал-Хакима, в которой помещены способы изготовления лекарств от различных болезней из минералов и средств растительного и животного происхождения, а также указываются методы использования и дозировка лекарственных препаратов [Книга лекарств..., 2008].

Трудноизлечимыми являлись инфекционные болезни. Ввиду высокой патогенности лечением инфекционных заболеваний занимались мужчины-лекари. Еще в XIX веке лекари пытались бо-

роться с как туберкулезом, оспой, малярией. Инфицированных лекари принимали в отдельном помещении, чтобы не заразить членов своей семьи.

В лечении туберкулеза больших успехов добились ногайские лекари, так как занимались кумысолечением с соблюдением особой диеты. Следует отметить, что в лечении легочных заболеваний кумыс применяли и другие народы, в частности киргизы, башкиры и казахи. Последние кумыс использовали и при истощении, малокровии, зобе и как седативное средство [Гумаров, 1976, с. 140-141].

Кумыкские лекари от туберкулеза (кьокрекьаврув) использовали высушенную медведку (бизавтиш) с медом.

При запущенной форме больного кормили мясом только что родившихся щенят. Подобный метод был известен азербайджанским и терекеменским лекарям, кроме того, они рекомендовали заболевшему туберкулезом (чухутка) съесть мясо ежа (кирпинин эти) или барсука (парсук).

Лекари-мужчины пытались лечить и оспу. Так, ногайские лекари места, пораженные оспой, прижигали горячим войлоком, а затем смазывали сливочным маслом и прикладывали горячую деревянную ложку.

Кумыкские лекари больным оспой предлагали сделать прививку. Для этого брали серебряное перо, протыкали им затянувшийся после оспы рубец, макали перо в грудное молоко, а затем протыкали свежие оспинки. Оспопрививание было известно и горцам, что было немаловажно для профилактики этого заболевания. Следует отметить, что еще в Диван-хане имамата, по указанию Шамиля, был создан специальный отдел, который занимался борьбой с эпидемиями холеры, чумы, брюшного тифа [Дубровин, 1871, с. 151-152].

Лекари-мужчины успешно боролись и с малярией. У ногайцев лекарь рекомендовал родственникам неожиданного от больного сбросить его в водоем. Искупавшись в воде, испытав своего рода «шок», больной, якобы выздоравливал. Подобным же способом малярию лечили и азербайджанские лекари.

Кумыкские лекари лечили малярию несколько иначе. Больного, облепив листьями лопуха, смоченными в кефире, заворачивали в простыню и укладывали в постель. При этом больному да-

вали проглотить мед с черным перцем (100 гр. черного молотого перца и одна столовая ложка меда).

С успехом лечили и различные кожные заболевания. Так, у кумыков чесотку лечили серной мазью, у ногайцев свиноем с добавлением пороха и сливочного масла, сывороткой, которую вначале кипятили, отстаивали, а осевшую массу, похожую на творог, смешав с топленным маслом, смазывали больные места.

Лишай, как и чесотка, также был распространенным кожным заболеванием. Азербайджанские и терекемские лекари лечили лишай известью (гаргадуз), ногайские – с помощью химического карандаша, а кумыкские – нефтью (къаранап).

При головной боли делали кровопускание. У кумыков при кровопускании делали надрез за ухом, а кровь останавливали, приложив к ране горячий войлок или шерсть.

У дагестанских азербайджанцев и терекемцев при высоком давлении надрез делали в верхней части спины между лопатками поближе к шее.

У ногайцев для кровопускания делали надрез на лбу. Пациенту брили голову именно там, где намечалось сделать надрез, нащупывали нужную вену и делали три небольших надреза, и при помощи специально приготовленного для этой процедуры рога, с кусочком бараньей кожи на конце, чтобы не поцарапать кожу, вытягивали плохую кровь, которая стекала прямо в таз. Останавливали кровь горячим войлоком.

Лекари знали и о целебных свойствах серной воды и часто рекомендовали их своим пациентам, как мужчинам, так и женщинам. Кстати, чаще всего на воды отправляли женщин, страдающих бесплодием и гинекологическими заболеваниями.

В исследуемый период у тюркоязычных народов Дагестана наряду с народными лекарями, практиковали и знахари, пользовавшиеся преимущественно иррациональными, магическими приемами.

Знахарством в основном занимались женщины, сопровождавшие свои действия заклинаниями, заговорами, нашептываниями, с помощью которых якобы изгонялись «злые духи», снимался сглаз. Так, например, у кумыков от сглаза произносили следующее заклинание:

<i>Эшекгегъайкельтакъгъанда лисман</i>	<i>Когда на осла повесят та-</i>
<i>Ондатийсинсагъа гёз.</i>	<i>Пусть тебя сглазят тогда.</i>
<i>Ташчечекачгъанда</i>	<i>Когда камень расцветет</i>
<i>Ондатийсинсагъа гёз.</i>	<i>Пусть тебя сглазят тогда.</i>
<i>Денгизгекёпюрсалгъанда мост</i>	<i>Когда через море построят</i>
<i>Ондатийсинсагъа гёз.</i>	<i>Пусть тебя сглазят тогда.</i>
<i>Кёкгебасгъычсалгъанда нищу</i>	<i>Когда до неба поставят лест-</i>
<i>Ондатийсинсагъа гёз.</i>	<i>Пусть тебя сглазят тогда.</i>
<i>Элексувгъатолгъанда</i>	<i>Когда сито наполнят водой</i>
<i>Ондатийсинсагъа гёз.</i>	<i>Пусть тебя сглазят тогда.</i>
<i>Ердеачгъычболгъанда чи</i>	<i>Когда от земли найдутся клю-</i>
<i>Ондатийсинсагъа гёз.</i>	<i>Пусть тебя сглазят тогда.</i>
<i>Бакъагъакъуйрукъчыкъгъанда хвост</i>	<i>Когда у лягушки вырастит</i>
<i>Ондатийсинсагъа гёз.</i>	<i>Пусть тебя сглазят тогда.</i>

Или же проделывали такую процедуру. У девяти женщин по имени Патимат брали по лоскутку от одежды и сжигали вместе, затем пепел смешивали с водой и читали над ним молитву (къульф), потом этой смесью поили ребенка и смазывали его тело.

У дагестанских терекеменцев же лоскуты одежды собирали у всех, кто подозревался в «порче». Все эти лоскуты сжигали вместе, а потом, смешав пепел с водой, мазали им лицо ребенка [Гаджиева, 1990, с. 209].

У дагестанских азербайджанцев для снятия сглаза или порчи ребенка знахарки брали из очага горящие угли и, называя каждый уголек именем подозреваемого в «порче», в «дурном глазе» чело- века (Сурияныгёзю, Багъарныгёзю и т.д. – глаз Сурии, глаз Багъар), бросали в воду, затем вынимали их из воды, растирали и ими мазали ребенку лоб, щеки, уши, руки и т.д.

В Южном Дагестане от сглаза использовали и воду из источника «гёз сув», который был расположен на территории с. Башлы [Гаджиева, 2005, с. 385].

У тюркоязычных народов Дагестана весьма распространенным способом для снятия сглаза являлся расплавленный свинец. Следует отметить, что с помощью расплавленного свинца снимали сглаз и аварские знахарки [Гаджиев, 1991, с. 43].

С помощью свинца знахарки снимали и испуг. Расплавленный свинец пропускали через ушко ножниц в чашу с холодной водой, он образовывал различные фигурки. По форме свинцовых фигурок знахарка определяла причину испуга, а больной, увидев фигурку из свинца, якобы избавлялся от испуга.

Эффективным средством от сглаза считалась соль, волчий зуб, камешек, взятый из желудка курицы, веточка боярышника.

Оберегом, предохраняющим от сглаза, колдовства, от лубой вредной силы, служила и кожа змеи. В качестве оберега змеиную кожу использовали и народы Дагестана, в частности даргинцы и лезгины, народы Кавказа и русские [Гаджиев, 1991, с. 45].

У тюркоязычных народов Дагестана, чтобы уберечь ребенка от сглаза мать мазала лоб сажеей, а на новую одежду ребенка нашивала ложную заплату.

У ногайцев знахарки не только лечили больных, но могли якобы предсказывать и исход болезни. Лечение заключалось в том, что утром и вечером знахарка – «жени» читала молитвы над больным, поила его специальными отварами из трав. В лечебных целях использовали также сердце и печень черной курицы, сороки и удода. Для больных писали охранительные амулеты, которые носили на теле [Алейников, 1893, с. 11].

Чтобы исцелить больного, «жени» использовали и другие способы лечения: вертели над головой больного домашнюю птицу, барана, кусок мяса, каравай хлеба, а затем угощали ими нищих, бедняков, калек или бросали собакам, приговаривая, чтобы недуги больных уходили вместе с жертвенными животными и птицами [Сикалиев, 1989, с. 70].

В борьбе с эпидемиями лекари и знахари, в большинстве случаев, были бессильны, иногда даже испытанные средства были малоэффективны. В этих случаях у каждого народа были выработаны свои приемы предотвращения повального мора. Так, например, у кумыков с. Эндирей аул во время эпидемии все жители должны были пройти через тоннель – *Гумез*, у ногайцев

устраивали карантин и «курманлыки» (совместная трапеза, с привлечением «жени» и духовенства), которые делились на мужские и женские. Кроме курманлыков, ногайцы проводили и обряд опаживания, в котором принимали участие все жители аула. По сведениям М.Н. Алейникова, его проводили летом 1892 г., во время эпидемии азиатской холеры, жители Мансуровского аула по совету «жени» и духовенства [Алейников, 1893, с. 13-14].

У ногайцев, кроме знахарей, магическими приемами при лечении больных пользовались и шаманы. В основном это были мужчины, но встречались среди шаманов и женщины, хотя и редко [Мошков, 1894, с. 31]. Особенно шаманство было развито среди астраханских и оренбургских ногайцев.

Итак, в традиционной народной медицине тюркоязычных народов Дагестана тесно переплетались как рациональные, так и иррациональные методы лечения. Вышеприведенные материалы свидетельствуют о том, что тюркоязычные лекари имели представления об анатомии и физиологии человека, об этиологии заболеваний, умели правильно ставить диагноз и лечить, с помощью лекарственных трав, лечебных средств животного и минерального происхождения, различные болезни, в том числе детские, женские, оказывать помощь при родах, извлекать пули, делать хирургические операции, вправлять суставы, лечить переломы, применять в лечебных целях различные средства физического воздействия (тепло, холод, целебные воды, грязи, массаж).

Еще в XIX – начале XX века народная медицина у тюркоязычных народов Дагестана разделялась на мужскую и женскую. Мужчины-лекари, главным образом, занимались лечением опорно-двигательной системы, извлекали пули, лечили огнестрельные раны, проводили сложные операции (трепанацию черепа), женщины-лекари – лечили внутренние органы, кожные и детские заболевания, женское и мужское бесплодие, при этом учитывались не только биологические, но и социально-психологические различия больных.

Таким образом, в XIX – начале XX века народная медицина у тюркоязычных народов Дагестана достигла значительных высот, комплексное лечение давало ощутимые результаты, а лекари усвоили главный принцип: «лечить нужно не болезнь, а больного с учетом его половой принадлежности».

Принятые сокращения

1. Полевые материалы авторов (ПМА), 2012 – с. Джемикент
2. Полевые материалы авторов (ПМА), 2013 – с. Нариман
3. Полевые материалы авторов (ПМА), 2014 – с. Нижний Дженгутай

Список использованной литературы

1. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний [1869] / Пер. М.-С. Саидова. – Махачкала, 1997. – 147 с.
2. Алейников М.Н. Поверья ногайцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 17. – Тифлис, 1893.
3. Ахмедов С.Х. История лакской литературы: в 2-х т. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2008. – Т. 1: Дореволюционная литература. – 318 с.
4. Булатов Б.Б., Лугуев С. А. Духовная культура народов Дагестана в XVIII—XIX веках (аварцы, даргинцы, лакцы). – Махачкала, 1999. – 220 с.
5. Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. – М.: Наука, 1991. – 182 с.
6. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М: Наука, 1985. – 360 с.
7. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекменцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 1990. – 216 с.
8. Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2005. Кн. 2. – 436 с.
9. Гумаров В.З. Лечебные средства животного происхождения в башкирской народной медицине // Этнография Башкирии / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. – Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1976. – С. 140-151.
10. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – Санкт-Петербург: Тип. деп. уделов, 1871. – Т. 1: Очерк Кавказа и народов, его населяющих. Кн. 1: Кавказ. – 656 с.
11. Книга лекарств Лукмана ал-Хакима / Сост. А.А. Исаев. – Махачкала, 2008. – 96 с.

12. Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной книги у ногайцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. –Черкесск, 1990. –С. 174-192.

13. Манышев С.Б. «ХанналМурад» – источник по истории медицины Дагестана // Лавровский сборник. Материалы XXXIV и XXXV среднеазиатско-кавказских чтений 2010-2011 гг. Этнология, история, археология, культурология. – СПб., 2011. – С. 76-79.

14. Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. – Мелодии ногайских и оренбургских татар. I. Введение // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском ун-те. – Т. XII. – Вып. 1-2. – Казань, 1894. – 1-67.

15. Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный Дагестан в топографическом и статистическом отношениях // Военный журнал за 1847 г. –СПб.: тип. воен.-учеб. заведений, 1847. – 64 с.

16. Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. – Москва: Государственное Издательство Медицинской Литературы, 1952. – 357 с.

17. Саидов М.-С. Дагестанская литература XVIII – XIX вв. на арабском языке // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. – М: Изд-во вост. лит., 1960-1961. – Т. 2. – С. 121-132.

18. Сикалиев А.И.-М. Магическая поэзия ногайцев // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1989. – С. 66-75.

19. Тагирова Н.А. Тематическая характеристика арабской рукописной книги в Дагестане (По материалам Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН) // Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. – Махачкала, 2001. – С. 204-236.

20. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. – Тифлис, 1913. – 191 с.

21. Штанчаев С.Ц. Народные лекари Дагестана в XIX в. // Советское здравоохранение. –1963. –№ 7. –С. 21-59.

Загирова Э.М., Семенов И.Г.

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Аннотация: В статье рассмотрены характерные опрошенным горским евреям типы религиозности, вытекающее из них религиозное поведение. Анализ полученной информации показывает, что опрошенные горские евреи последовательно обозначают свое отношение в религии: по мнению подавляющей части респондентов, истинно верующим человеком является тот, кто «регулярно посещает синагогу, «регулярно читает религиозные тексты (Тора, Мишна, Талмуд и другие)», «соблюдает еврейские посты», «живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания иудаизма», «постоянно посещает религиозные службы», «соблюдает ритуалы, связанные с памятной датой Тиша бе-Ав (Сурени)», «регулярно соблюдает религиозные праздники иудаизма» и только одна четвертая часть «того, кто живет по законам иудаизма». Наряду с этим в массовом сознании горских евреев имеет место обозначение тесной связи между нравственностью и отношением к вере, когда респонденты истинно верующим считают, во-первых, человека, который независимо от отношения к религии следует нравственным установкам, во-вторых, несколько категоричное утверждение, что истинно верующим является только «только нравственный (честный, порядочный) человек».

Ключевые слова: горские евреи, иудаизм, культовое поведение, типы религиозности, нравственность, верующие, неверующие.

В научном сообществе существуют разные позиции о глубине религиозного возрождения, например, Ж.Т. Тощенко утверждает, что «несмотря ни на какие заявления о религиозном ренессансе, уровень религиозности изменился мало, знаменуя причастность к религии значительной части населения только на

вербальном уровне»¹. По мнению Л.Н. Митрохина, «главной причиной интереса к религии были не "положительные" конфессиональные ценности, а отталкивание от прежней авторитарной, "принудительной идеологии", стремление отстоять свою духовную, мировоззренческую автономию. Отвергая жесткую догматическую систему человек часто не задумывается о конкретном вероисповедании, которое он готов принять, предпочитая именовать себя "верующим вообще"»².

Ключевыми факторами восстановления статуса религии и повышения ее роли в современном российском обществе отечественные исследователи считают преобразования основ Российского государства, кризис в межнациональной сфере, усиление значимости этнического компонента «необходимость преодоления бездуховности, нравственный кризис»³ и т.д. При этом действительная приверженность и реальное следование религиозным предписаниям, иными словами, религиозность проявляется через различные типы и формы религиозного поведения. Так, имеет место подразделение религиозности на традиционный и формальный и, если первая характерна для традиционного общества, то вторая «есть проявление глубокого равнодушия к вопросам религии и веры при демонстративном соблюдении обрядовой стороны религиозного бытия»⁴.

Исследование религиозности предполагает выявление ее взаимосвязи с поведением человека, установление «адекватных

¹Тощенко Ж.Т. Парадоксы религиозного сознания // Реформирование России: реальность и перспективы. М., 2003. С. 301 – 309.

² Митрохин Л.Н. Религиозная ситуация в современной России // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 80.

³ См.: Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М.: Изд-во «Научная книга», 2005; Шахбанова М.М. Религиозная ситуация в республике: состояние и тенденции (по материалам социологического опроса) // Региональные аспекты социальной политики. 2008. № 10; Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения андо-цезских народов Дагестана: Диссертация на соис. уч. ст. д-ра социол.н. Ростов-на-Дону, 2012.

⁴ Баранников В.П., Матренина Л.Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 102.

характеристик религиозности, тесно связанных с качеством и интенсивностью социальной деятельности»¹. Таковой является предложенный Дж. Фихтером⁵ измерений, позволяющие охарактеризовать религию обстоятельно 1. опытное измерение, заключенное в субъективном эмоциональном религиозном опыте; 2. ритуалистическое, выражающее через участие в религиозных практиках, действиях, ритуалах; 3. идеологическое как принятие определенной системы верований; 4) интеллектуальное, подразумевающее знания о вере, информированность; 5) измерение последствий, т.е. степень влияния предыдущих 4 проявлений религии на ценности и поведение за ее рамками. Однако его была раскритикована с мотивацией, что «идеи Фихтера не указывают, каким образом сгруппировать ряд показателей, чтобы классифицировать индивидов в соответствии с этой типологией»².

Если обратиться к результатам исследования, то важным является выявление исповедуемой опрошенными горскими евреями религии. Понятно, что их национальной религией является иудаизм, но при этом возможен переход к иному вероисповеданию. Так, в ответах на вопрос «**К какой религии Вы себя относите?**» 99,1 % опрошенных горских евреев однозначно указали на «иудаизм», из них по 100 % в подгруппе «убежденно верующие» и «убежденно неверующие», 99,3 % «верующие», 97,4 % «колеблющиеся», 98,1 % «неверующие». Как показывают результаты исследования, респонденты независимо от типа религиозности обозначают исповедуемое вероучение. При этом позиции «в Бога верю, но не исповедую конкретную религию» (0,5 %), «я себя ни к какой религии не отношу» (0 %), «я атеист и не верю в Бога» (0,9 %) отмечены статистически незначимой долей респондентов. Ответы на вопрос «**Вы верующий?**» распределились следующим образом: 10,4 % считают себя «убежденно верующими», 68,2 % «верующими», 8,9 % «колеблющимися», 12,2 % «неверующими» и 0,7 % «убежденно неверующими».

¹ Ильясов Ф.Н. Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. 1987. № 3. С. 51.

² Цит. по: Смирнов М.Ю. Религиозная социология и социология религии: соотношение и взаимоотношения // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 135.

Установление степени религиозности горских евреев требует выявления характера их религиозного поведения. В современной науке существуют понятия «*традиционно верующие*», т.е. те, кто соблюдает религиозные обряды и обычаи и «*номинально верующие*»¹, те, кто не соблюдает религиозные обычаи и обряды, поэтому в нашем исследовании был затронут данный аспект культового поведения горских евреев. По результатам исследования 51,1 % опрошенных горских евреев постоянно посещают синагогу, 65,9 % регулярно молятся, 66,1 % постоянно читают религиозные тексты, 70,1 % постоянно постятся. Таким образом, эмпирические данные показывают, что горские евреи, исходя из интенсивности своего культового поведения, могут быть причислены к подгруппе «убежденно верующих».

Характерная горским евреям активность религиозного поведения прослеживается и через ответы на вопрос «**Кого Вы считаете истинно верующим человеком?**». Так, к категории «истинно верующих» они причисляют того, кто «регулярно посещает синагогу» (73,6 %), «регулярно читает религиозные тексты (Тора, Мишна, Талмуд и другие)» (72,2 %), «соблюдает еврейские посты» (71,5 %), «живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания иудаизма» (66,4 %), «постоянно посещает религиозные службы» (59,8 %), «соблюдает ритуалы, связанные с памятной датой Тиша бе-Ав (Сурени)» (55,3 %), «регулярно соблюдает религиозные праздники иудаизма (Песах (Нисону), Йом-Кипур (Кюпюр), Пурим (Омону), Шавоут (Асельте), Шаббат (Шобот), Рош а-Шана (Рушешуне)» (55,1 %) и существенно меньшая часть «того, кто живет по законам иудаизма» (26,6 %). Вместе с тем определенный интерес вызывает наличие в массовом сознании горских евреев позиции истинно верующим человеком считающая «нравственного (честного, порядочного и т.д.) человека, независимо от своего отношения к вере» (57,6 %), более того, «истинно верующим человеком может быть только нравственный (честный, порядочный) человек» (58,6 %), т.е. здесь

¹Шахбанова М.М. Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009 Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю.Н. Абдулкадыров. Махачкала, 2009. С. 15 – 24.

можно констатировать отрицание собственно религиозного компонента, при обозначении важности нравственно составляющего. В основе любой религии находятся морально-нравственные устои, следовательно, обозначение их значимости при определении сути «истинно верующего человека» не должно вызывать каких-то вопросов. С другой стороны, может сложиться впечатление о существовании противоречия в определении «истинно верующий человек», более того, стремление респондентов синтезировать совершенно противоречивые суждения. Но отмеченное респондентами суждение «нравственный человек, независимо от своего отношения к вере» показывает, что в их установках имеет место тенденция не связывать морально-нравственные принципы индивида с его отношением к вероучению – верующий и атеист. Если посмотреть результаты опроса по типу религиозности, данного суждения придерживаются 54,5 % в подгруппе «убежденно верующих», 63,7 % «верующих» и заметно уменьшаются процентные показатели в подмассиве «неверующих» (34,6 %), «колеблющихся» и «убежденно неверующих» (по 50,0 %).

Исследователями подмечено существование непоследовательности по типу религиозности человека, поэтому в рамках данного опроса с целью установления корреляции между религиозным сознанием и религиозным поведением респондентов были сопоставлены некоторые вопросы, включенные в анкету опроса. Прежде чем перейти к изложению полученной информации следует отметить, что вопрос **«Кого Вы считаете истинно верующим человеком?»** выступает индикатором измерения отношения человека к религии, а вопрос **«Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?»** показывает религиозное поведение опрошенных горских евреев.

Полученные эмпирические данные констатируют, что когорта всегда участвующая во всех религиозных обрядах своей религии и привлекающая других людей (активно верующие по классификации Н.П. Алексеева), придерживается позиции, что истинно верующий человек должен регулярно посещать синагогу (92,4 %), соблюдать пост (91,6 %), регулярно читать религиозные тексты (90,8 %), постоянно посещать религиозные службы (74,4 %), регулярно соблюдать религиозные праздники иудаизма (73,5 %), соблюдать ритуалы, связанные с памятной датой Тиша бе-Ав

(73,9 %), жить по религиозным канонам и соблюдать все религиозные предписания иудаизма (77,7 %). При этом 72,3 % опрошенных из подгруппы активно верующих, истинно верующим считают нравственного (честного, порядочного и т.д.) человека, независимо от своего отношения к вере, более того, 74,8 % респондентов придерживаются позиции, что «истинно верующим человеком может быть только нравственный (честный, порядочный) человек». Далее подгруппа, которая «всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии» (по классификации Н.П. Алексеева пассивно верующие) истинно верующим считает того, кто регулярно посещает синагогу (69,3 %), соблюдает пост (68,2 %), регулярно читает религиозные тексты (67,0 %), постоянно посещает религиозные службы (59,1 %), регулярно соблюдает религиозные праздники иудаизма (38,6 %), соблюдает ритуалы, связанные с памятной датой Тиша бе-Ав (46,6 %), живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания иудаизма (64,8 %).

Далее подгруппа иногда участвующая в некоторых религиозных обрядах своей религии (по классификации Н.П. Алексеева последовательные колеблющиеся) истинно верующим считает человека постоянно посещающего синагогу и соблюдающий пост по 31,1 %, читающий религиозные тексты (32,8 %), посещающий религиозные службы (23,0 %), соблюдающий религиозные праздники иудаизма (27,9 %), соблюдающий ритуалы, связанные с памятной датой Тиша бе-Ав (19,7 %), живущий по религиозным канонам и соблюдающий все религиозные предписания иудаизма (54,1 %). Обращает на себя внимание акцентирование данной подгруппой внимания на нравственной составляющей истинно верующего человека: «нравственный человек, независимо от своего отношения к вере» (39,3 %) и «истинно верующим человеком может быть только нравственный человек» (36,1 %). Далее активно неверующие, которые «вообще не принимают участия в религиозных обрядах своей религии» к когорте истинно верующих относят тех, кто регулярно читает религиозные тексты (51,1 %), регулярно посещает синагогу (48,9 %), постоянно посещает религиозные службы (44,7 %), соблюдает пост и регулярно соблюдает религиозные праздники иудаизма (по 34,0 %), живет по религиозным канонам и соблюдает все религиозные предписания

иудаизма (31,9 %) и соблюдает ритуалы, связанные с памятной датой Тиша бе-Ав (27,7 %).

Таким образом, перекрестный анализ вопросов **«Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?»** и **«Кого Вы считаете истинно верующим человеком?»** показывает, что подгруппа, классифицируемая как «активно верующие» истинно верующим считают человека, который соблюдает все религиозные каноны иудаизма, но при этом можно отметить и подгруппы «колеблющихся» и «неверующих» отмечающих необходимость придерживаться ключевых положений исповедуемого вероучения. Вместе с тем, каждой из подгрупп обозначена важность нравственного компонента в определении содержания понятия «истинно верующий».

Далее сопоставление вопросов **«Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?»** и **«Считаете ли Вы себя верующим человеком?»** показывает, что 78,4 % опрошенных из подгруппы «убежденно верующих, которые всегда соблюдают религиозные предписания и обряды» всегда участвуют во всех религиозных обрядах своей религии и привлекают других людей (по классификации Н.П. Алексеева «активно верующий»). Однако, респонденты придерживающиеся позиции «я убежденно верующий человек, но вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды» демонстрируют активное религиозное поведение, ибо «всегда участвуют во всех религиозных обрядах своей религии и привлекают других людей» (54,8 %). Далее, группа убежденно верующих демонстрирует культовое поведение характерное по типу религиозности «верующим», ибо «принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии» (24,2 %). Кроме того, в поведении опрошенных горских евреев можно проследить противоречивость между типом религиозности и религиозным поведением, когда подмассив, считающий себя «убежденно верующим человеком, но не всегда соблюдающим религиозные предписания и обряды» показывает культовое поведение характерное «колеблющимся» – «я иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии» (59,6 %), позволяющие относить их к типу пассивно верующих.

Далее в рамках данного исследования были сопоставлены между собой вопросы **«Считаете ли Вы себя верующим чело-**

веком?» и «Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?», чтобы выявить соответствие типа религиозности горских евреев их культовому поведению (см. табл. № 1).

Таблица 1

Варианты ответов	Регулярно посещать синагогу	Соблюдать еврейские посты	Читать религиозные тексты (Тора, Мишна, Талмуд)	Совершать молитву	Посещать религиозные службы	Праздновать религиозные праздники иудаизма	Я не соблюдаю ни одно из перечисленных выше предписаний иудаизма,
Я убежденно верующий человек, так как всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	89,7	91,6	90,8	97,8	86,8	87,9	0
Да, я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	64,9	52,6	50,9	63,2	31,6	43,9	3,5
Да, я убежденно верующий человек, но вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	74,2	64,5	29,0	71,0	16,1	16,1	6,5
Скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания	29,2	16,7	12,5	29,2	12,5	41,7	20,8

и обряды							
Нет, я неверующий человек, так как вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	3,3	0	0	0	0	86,6	10,0
Нет, я неверующий человек, так как я не верю в существование Бога	25,0	0	25,0	0	0	0	75,0

Приведенные результаты исследования констатируют определенное несоответствие культового поведения респондентов типу их религиозности. Если вопрос не вызывает поведения респондентов, которые по типу религиозности являются «убежденно верующими, всегда соблюдающими религиозные предписания и обряды» и индикатором определения культового поведения верующего человека считают посещение синагоги, соблюдение поста, чтение религиозных текстов (Тора, Мишна, Талмуд), молитва, посещение религиозных служб и празднование религиозных праздников иудаизма, то усматриваются противоречия в поведении остальных типов религиозности. Так, респонденты, которые или непостоянно, или вообще не придерживаются предписанного иудаизмом культового поведения ассоциируют себя как «убежденно верующие», впрочем, как и подгруппы «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих», подчеркивающих важность совершения молитвы, празднования праздников иудаизма, более того, полученные данные опроса констатирует позицию подгруппы атеистов обозначающих необходимость чтения религиозных текстов. Кроме того, обращает на себя внимание позиция «я не соблюдаю ни одно из предписаний иудаизма, но считаю себя верующим человеком» на которую указала одна пятая часть респондентов, по типу религиозности относящиеся к «колеблющимся» и каждый десятый из подгруппы «неверующих». Таким образом, сопоставление вопросов показывает существова-

ние противоречия между декларируемым и реальным поведением опрошенных горских евреев, порой несоответствие типа религиозности их культовому поведению. На данный факт было обращено внимание при сравнительном анализе и других вопросов, которые в тексте ранее были проанализированы.

Таким образом, полученные эмпирические данные показывают активное культовое поведение опрошенных горских евреев: больше половины респондентов постоянно посещают синагогу, молятся, читают религиозные тексты и постятся, что позволяет их относить к подгруппе «убежденно верующих», а также рассматривать их как «традиционно верующих» (соблюдающие религиозные обряды и обычаи) и «номинально верующих» (не соблюдающие религиозные обряды и обычаи). Однако, доля самоидентифицирующихся со своим вероисповеданием, в данном контексте с иудаизмом, существенна.

Загирова Э. М.

ЦЕННОСТЬ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЬСКИЕ УСТАНОВКИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНЦЕВ

Аннотация: В статье рассматриваются существующие в массовом сознании дагестанских народов ценностные и родительские установки, выявлена значимость для респондентов значимости института семьи.

Ключевые слова: традиционная семья, родительские установки, рождаемость, институт семьи, брачный союз.

На протяжении последних десятилетий в научной литературе ссылаются на одни и те же факты, характеризующие состояние семейно-брачной сферы: растёт количество разводов, неполных семей и повторных браков, увеличивается число одиноко проживающих мужчин и женщин, снижается уровень рождаемости, интенсифицируются сексуальные отношения вне института брака. Социально-демографическая статистика и результаты социологических опросов не позволяют поставить под сомнение реальность этих тенденций. Несмотря на внушительность накопленных данных о трансформационных процессах в семейно-брачной сфере,

на теоретическом уровне нет социологических концепций, объясняющих сущность социальных изменений семьи как института. В этих условиях задачи социальной теории заключаются не только в интерпретации фактов, но и в понимании и объяснении сущности процессов семейно-брачной сферы с целью выделения трендов, характерных для современной социокультурной реальности¹.

Родительский потенциал молодого поколения находится в процессе формирования и его проявления в подростковом возрасте наблюдаются при анализе: 1) ценностных ориентаций и места детей и родительства в иерархии ценностей, 2) родительских установок и норм по отношению к биологически родным (кровным) и неродным детям, 3) установок детности, 4) образа будущего родительства и соотношении его с другими ролями, в том числе профессиональными, 5) установок и практик помощи детям в трудной жизненной ситуации, 6) социальной политики в отношении родительства и детства².

Экономическая и социокультурная трансформация, происходящая в России с начала 1990-х гг., отразилась и на формировании семьи. Основные демографические показатели свидетельствуют, что брачные отношения в России сегодня уже не такие, как в традиционных обществах, прежде всего в мусульманских странах (высокий уровень брачности и низкий уровень разводов), и ещё не такие, как в западных постиндустриальных государствах (распространённость сожителств, высокие показатели внебрачной рождаемости, невысокий уровень брачности и относительно невысокий уровень разводов)³.

¹ Каменева Т.Н. Трансформация семейно-брачных практик в обществе риска: Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра социол. н. Белгород, 2016. С. 3.

² Безрукова О.Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика Социологический журнал. 2017. Том 23. № 1. С. 92.

³ Цит. по: Гурко Т.А., Хромачева А.Ю. Студенты-социологи о семье, гендере и отношении к родителям // Вестник Института социологии. 2015. № 4. С. 59.

Значительная доля разводов в России, независимо от региона, приходится на молодые семьи¹, что объясняет важность изучения мнений и позиций: по каким критериям следует выбирать спутника жизни, как должен быть устроен быт молодой семьи, чтобы минимизировать риски ее распада. В своем исследовании мы попытались выяснить мотивы вступления в брак и установили, что в массовом сознании различных народов Дагестана доминируют три основных мотива: любовь (65,1%), взаимное уважение (63,3%) и желание иметь детей (22,7%). Причем варианты ответов «любовь и взаимное уважение» расположились с большим отрывом от других суждений. По этнической принадлежности: основой заключения брака должна быть эмоциональная составляющая – так считает больше половины опрошенных во всех подгруппах, но наибольшая доля – среди русских (75,9%), а наименьшая – среди респондентов-чеченцев (57,1%). По 66,7% даргинцев и русских, 65,7% аварцев, 65,1% лезгин и 61,5% лакцев отмечают важность взаимного уважения при заключении брачного союза, но выделяются опрошенные чеченцы (48,8%) и кумыки (58,5%), доля которых, по сравнению с остальными подгруппами, заметно меньше.

¹ См.: Молодая семья в Ростовской области (по результатам социологического исследования): коллективная монография / Отв. Ред. Ю.Г. Волков. Изд-во: «Социально-гуманитарные знания». М.; Ростов н/Д., 2011. С. 6; Ковалев В.В., Верещагина А.В., Самыгин С.И. Проблемы и риски молодой семьи первого года жизни с позиций ее типологической характеристики (нуклеарные и многопоколенные семьи) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 4. С. 143–156; Шахбанова М.М. Этническое самосознание и этническая идентичность: современные концепции исследования // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 1 (33). С. 135 – 147; Шахбанова М.М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов (на примере андо-цезской группы). Махачкала: АЛЕФ, 2012; Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения андо-цезских народов Дагестана: Дис. док.социол. наук / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2012; Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала: АЛЕФ, 2013.

По результатам исследования удивление вызывает позиция статистически небольшой доли опрошенных чеченцев (7,1%) и кумыков (8,1%), для которых желание иметь детей не является существенным фактором при заключении брачного союза по сравнению с другими подгруппами, где 27,8% даргинцев, 26,8% аварцев, 25,7% лезгин, 25,0% лакцев и 18,5% русских отметили данный вариант ответа. В ответах на вопрос **«Когда в семье должен появиться первый ребенок?»** каждый второй опрошенный среди чеченцев и каждый третий среди кумыков отметил суждение «сразу после брака», что позволяет сделать вывод о существовании противоречивости между декларируемым и реальным поведением.

Можно сказать, что имевшее место в недалеком прошлом, хотя и не очень распространенное, заключение брака по решению родителей на современном этапе развития дагестанского общества потеряло свою актуальность. По сравнению с другими подгруппами, выбравшими данное суждение, более всего среди аварцев (8,2%) и лезгин (8,3%). Далее: как по всему массиву, так и по этнической принадлежности материальный фактор, одиночество и страх остаться одиноким в старости не мотивируют опрошенных дагестанцев на создание семьи. Результаты исследования являются основанием для констатации того, что в массовом сознании дагестанских народов произошли заметные изменения, которые в социологическом опросе в полной мере себя не проявили. Так, при заключении брака непременным условием является материальная обеспеченность будущего брачного партнера, в данном случае мужчины, наличие у него отдельно от родителей жилья, машины, хорошо оплачиваемой работы, образования и т.д. Формирование такого отношения к брачному союзу вполне поддается объяснению: если совсем недавно вступающие в брак молодые люди могли надеяться на помощь государства, на получение участка под строительство, возможность трудоустроиться, то в настоящее время, особенно молодое поколение конкретно в Дагестане, вынуждено рассчитывать только на себя и своих родителей и то, если родители в состоянии создать своим детям более-менее приемлемую материальную базу, предоставить хотя бы жилье, потому что при существующем в Дагестане уровне жизни невозможно трудоустроиться даже молодым лю-

дям, имеющим образование, что вынуждает молодежь заниматься неквалифицированным трудом (работать на стройке, в торговой сети, на рынке, заниматься извозом и т.д.), чтобы обеспечить свою семью. Низкий уровень оплаты труда также создает большие проблемы для семьи, особенно молодой, а появление ребенка еще более усугубляет материальную ситуацию, а это закономерно провоцирует семейные конфликты и ухудшает семейный климат¹.

На вопрос о критериях выбора спутника жизни были получены достаточно любопытные ответы, согласно которым национальная принадлежность не входит в тройку основных критериев выбора брачного партнера, занимая лишь 6-ю позицию (каждый шестой опрошенный по всему массиву), а лидерами стали «любовь», «желание иметь детей» и «религиозная принадлежность» (см. табл. 1). Эта отраженная в сознании респондентов реальность заставляет усомниться в адекватности самой семейной реальности, когда ориентация на эндогамию в семейной сфере, а значит и на значимость национальной принадлежности супруга/супруги доказывается подавляющей численностью эндогамных браков. Вероятно, имеет место расхождение представлений о семье, о критериях ее образования и т.д. с реалиями семейной жизни, а это в свою очередь является источником деструктивных явлений в семейной сфере дагестанского общества, так как чем больше разрыв между желаемым и действительным, идеальным и реальным, тем выше степень противоречий и конфликтов в пространстве социальных отношений, в данном случае – семейных.

¹Шахбанова М.М., Шахбанов А.М. Причины социальных конфликтов в межэтнических отношениях // Современное состояние и пути развития Юга России материалы региональной научной конференции. Гл. ред. Г.Г. Матишов. 2007. С. 264– 265; Шахбанова М.М., Шахбанов А.М. Основные направления политики государства в урегулировании межэтнических и межнациональных конфликтов // Современное состояние и пути развития Юга России материалы региональной научной конференции. Гл. ред. Г.Г. Матишов. 2007. С. 265– 267; Шахбанова М.М. Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009 Сборник научных трудов. Махачкала, 2009. С. 15 – 24.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «По каким критериям надо выбирать спутника жизни?» (%)

Варианты ответов // Национальности	Любовь	Желание иметь детей	Материальное благосостояние	Уровень образования	Уровень доходов	Место проживания	Национальная принадлежность	Религиозная принадлежность	Рекомендации со старшими поколениями	Рекомендации со
Аварцы	73,7	52,8	20,9	30,4	9,5	7,5	19,6	51,8	20,9	3,4
Даргинцы	78,0	43,6	24,1	30,9	13,7	10,0	19,2	32,3	18,9	5,5
Кумыки	66,7	39,3	20,7	20,0	9,6	5,2	10,4	21,5	11,9	3,7
Лакцы	75,0	47,1	17,3	38,5	14,4	8,7	11,5	32,7	18,3	3,8
Лезгины	79,8	55,0	18,3	33,0	11,9	11,9	13,8	25,7	20,2	3,7
Русские	87,0	51,9	14,8	29,6	14,8	5,6	9,3	18,5	14,8	1,9
Чеченцы	67,9	39,3	10,7	15,5	6,0	2,4	11,9	20,2	4,8	1,2
Другие	80,0	44,7	30,7	30,7	12,0	6,0	18,0	26,0	23,3	5,3
Всего:	75,4	47,3	21,3	29,4	11,3	7,7	16,3	34,4	18,3	4,0

Так, больше половины опрошенных во всех этнических группах отметили важность испытываемого чувства, причем заметно отличается подмассив русского населения. С большим отрывом на второй позиции располагается суждение «желание иметь детей», отмеченное большей частью аварцев, лезгин и русских, каждым вторым опрошенным среди даргинцев и лакцев, одной третью частью кумыков и чеченцев. Если обратиться к результатам ответа на вопрос «Как Вы считаете, что должно вы-

ступать основой заключения брака?», то небольшая доля респондентов чеченцев и кумыков подчеркнули вариант ответа «желание иметь детей». Однако в ответах на контрольный вопрос можно констатировать непоследовательность этих двух этнических групп в определении критерия выбора брачного партнера. Кроме того, обращает на себя внимание высокая степень значимости религиозной принадлежности при выборе спутника жизни, которая, вероятно, и замещает важность национальной принадлежности на фоне стремительного роста актуальности конфессионального фактора в жизни дагестанских народов в постсоветский период. В национальном разрезе важность религиозного компонента в семейно-брачной сфере определена большей частью респондентов аварцев, каждым третьим среди даргинцев и лакцев, каждым четвертым среди лезгин, каждым пятым среди кумыков, чеченцев и русских. При этом обращает на себя внимание позиция 68,9% кумыков и 88,1% чеченцев, которые в вопросе **«Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека при выборе будущего супруга (-и)?»** утвердительно ответили на него, впрочем, подчеркнув важность конфессионального фактора при выборе и супруга (-и) своих детей – 54,1% кумыков и 41,7% чеченцев. Вместе с тем каждый третий как по всему массиву, так и среди аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин и русских отмечает значимость уровня образования будущего спутника жизни, при этом доля придерживающихся данной позиции заметно меньше среди опрошенных чеченцев и кумыков.

Несмотря на отрицание значимости материального фактора как основы заключения брака, для дагестанской молодежи финансовая сторона является существенным параметром, что подтверждается результатами ответов, полученных на другой вопрос: каждый пятый опрошенный по всему массиву, такая же доля аварцев и кумыков, каждый четвертый среди даргинцев, каждый пятый среди лезгин, каждый шестой среди лакцев, каждый седьмой среди русских и каждый девятый среди чеченцев одним из критериев выбора будущего супруга (-и) считает материальное благосостояние. В тесной связке с материальным положением идет и уровень дохода, который важен для даргинцев, русских и лакцев (каждый седьмой опрошенный), лезгин (каждый восьмой опрошенный), доля остальных этнических подгрупп ниже 10%.

При выборе брачного партнера для каждого пятого опрошенного среди аварцев, лезгин, даргинцев и лакцев значение имеет рекомендация со стороны родственников, особенно если в брак вступают молодые люди, проживающие в разных населенных пунктах, районах, тем более если являются представителями разных этнических общностей. В такой ситуации очень часто и родители жениха, и родители невесты пытаются «навести справки» о будущих родственниках, об их семейном положении, особенно акцентируя внимание на семейном климате в каждой из семей. Если семья будущего брачного партнера неблагополучна, то родители могут не поддержать решение сына или дочери заключить брак с различной мотивацией.

Общественное мнение как регулирующая семейные отношения сила в значительной степени сохранило свои позиции в сельской местности, поэтому ориентация на развод как способ выхода из семейных конфликтов в значительно меньшей степени характерна для сельских дагестанских семей. Развод в традиционной семейной культуре народов Дагестана не входит в систему позитивно воспринимаемых, что в регионах ее устойчивого воспроизводства выражается в доминировании семейного (супружеского) поведения, максимально ориентированного на сохранение брака и семьи, преодоление конфликтов, что бы ни являлось их основой.

Лысенко Ю.М.

РОЛЬ РЕЛИГИИ В СЕМЕЙНО-БРАЧНОМ ПОВЕДЕНИИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

Аннотация: В статье рассматривается роль и место иудаизма в семейно-брачных установках горских евреев. По результатам исследования установлено, что для опрошенных вероучение выполняет существенную роль при выборе брачного партнера, более того, подчеркивается недопустимость заключения брачного союза с последователем иного вероисповедания, что свидетельствует о существовании ярко выраженной социальной дистанцированности в их массовом сознании и поведении. При этом, религиозный фактор является существенным компонентом в жизнен-

ных установках горских евреев, поэтому они в своей повседневной жизни ориентируются на иудейское вероучение.

Ключевые слова: горские евреи, иудаизм, религия, религиозные предписания, социальная дистанцированность, семейно-брачная сфера.

Одной из самых сложных сфер взаимодействия этнических общностей является семейно-брачная сфера, ибо, межрелигиозные и межэтнические браки, по мнению исследователей выступают как 1. один из механизмов ассимиляции, 2. фактор трансформации этнической идентичности¹. В связи с вышесказанным в рамках исследования религиозной идентичности и специфики культового поведения горских евреев представляется необходимым рассмотреть роль и место религии, в данном контексте иудаизма, в семейно-брачной сфере, потому что брак является «механизмом поддержания единства» (Ю.В. Бромлей). Как правило, готовность к межэтническому общению в различных сферах жизнедеятельности человека (деловой, неформальной, в том числе семейной) находится под влиянием множества факторов. Например, в производственной сфере отношение к межэтническим контактам может формироваться как соперничество за рабочие места, особенно престижные, в том числе во властных структурах, обеспечивающих доступ к собственности. В то время как в семейно-брачной сфере установки на межэтническое общение находятся под сильным влиянием национальных традиций²,

¹ См.: Шахбанова М.М. Межэтническая толерантность в полиэтническом регионе: состояние и тенденции на примере Республики Дагестан. Махачкала, 2007; Шахбанова М.М., Шахбанов А.М. Причины социальных конфликтов в межэтнических отношениях // Современное состояние и пути развития Юга России материалы региональной научной конференции / Гл. ред. Г.Г. Матишов. 2007; Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала, 2016.

² Шахбанова М.М., Верещагина А.В. Типы демографического поведения семьи, их влияние на демографические процессы и стратегии управления семейно-демографической сферой российского общества // TheCaucasusandtheWorld. 2012. № 14; Загирова Э.М. Семейно-брачные установки горских евреев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3.

часто тесно связанных с религиозными предписаниями, например, «у народов мусульманской культуры при добром расположении к общению с русскими, а в советские времена даже престижности такого общения, тем не менее, нормой были эндогамные браки»¹. По мнению исследователей индикатором развитости толерантности и ее установок в массовом сознании является межрелигиозный и межнациональный брак и его распространенность особенно в этноконфессиональном пространстве. При этом, именно смешанный брак выступает в качестве одного из наиболее радикальных путей включения в этническую группу «чужеродных элементов»².

На формирование национально-смешанных семей оказывают влияние многие факторы, в том числе тип расселения людей, уровень брачности, национальные традиции и обычаи, интенсивность миграционного процесса и т.д. Последняя, способствуя перемешиванию национальностей, «коренной ее модификации» (Ю.В. Бромлей), как правило, ускоряет образование этнически разнородных семей за счет того, что национальная половозрастная структура мигрантов зачастую отличается от подобных структур коренного населения.

Если обратиться к современности, то люди выросшие в атеистическом государстве «ударилась» в другую крайность – началось возрождение религии, усиление роли духовных лиц в повседневной жизни людей, иными словами, российские народы обратились к «исконным корням народа», «вере предков»³, что свидетельствует об активизации конфессионального фактора, соответ-

¹ Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. С. 45.

² См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 203; Загирова Э.М. Семейно-брачные установки горских евреев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3; Шахбанова М.М., Загирова Э.М., Сеидова Г.Н. Установки горских евреев на межэтническую коммуникацию: потенциал интеграции и зоны противоречий // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3-2.

³ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра /Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 119.

ственно, повышении значимости религиозных установок в повседневной жизни человека. Несмотря на ориентацию социалистического государства уменьшить значимость религии в разных общественных сферах, по-прежнему в массовом сознании народов место ее востребованность, что особенно ярко проявляется в повседневной сфере, например, в семейно-брачной: обязательность заключения брачного союза с соблюдением традиций и обрядовой системы исповедуемой религии, наряду с его официальной регистрацией, хотя встречалось и встречается отход от следования им. По мнению Г.Н. Юсуповой, «адаптация происходит посредством контроля религии над жизнью людей и осуществляется главным образом через запрет на межэтнические браки. Религиозное сообщество незаметно влияет на этническую дифференциацию через запрет выбора брачного партнера в иной среде...Естественно, те или иные религиозные традиции могут поддерживаться или игнорироваться конкретным членом группы. То есть уровень религиозного традиционализма в обществе может быть разным в зависимости от внутренних условий, в том числе степени контроля над соблюдением традиций внутри этнической группы со стороны других ее членов»¹. Иными словами, религия способна объединять национальную общность, потому что может выполнить двойную функцию: «апологию и легитимацию статус-кво с одной стороны, и как способ протеста, изменения и либерализации, с другой стороны»².

Горские евреи, разумеется, по мере возможности, и в советский период соблюдали религиозные традиции и обряды своей религии (празднование религиозных праздников, соблюдение поста, совершение молитвы, посещение культовых учреждений и т.д.), хотя и без широкого распространения в силу объективных причин. Так, отсутствие культовых зданий, или же их небольшое число не позволяло верующему населению в полной мере придерживаться своих мировоззренческих установок, соответственно, и предписаний исповедуемого вероучения. Таким образом, можно утверждать, что на фоне кардинальной трансформации

¹ Юсупова Г.Н. Борьба этнических групп за статус. Роль религии // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 155.

² Billings D.B., Scott S.L. Religion and political legitimating // Annual Review of Sociology, 1994.

социально-экономической, политической структуры, следовательно, и идеологической основы российского социума культовое сознание, соответственно, и поведение подвергались заметным изменениям.

Исследование религиозной идентичности горских евреев требует изучения социальной дистанцированности и для этого была использована шкала Богардуса, с помощью которой фиксируется готовность респондентов принять людей другой религиозной принадлежности как жителей республики, делового партнера, соседа, друга, а также брачного партнера.

Таким образом, в рамках исследования жизненных установок горских евреев и роли иудаизма в данном процессе, научный интерес представляет их поведение в различных социальных сферах для изучения которого была использована социальная шкала Богардуса, включающая 7 позиций, с помощью которой фиксируется готовность респондентов принять людей другой национальности как делового партнера, руководителя, соседа, друга, а также брачного партнера (см. табл. № 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «**Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека...?**» (варианты ответов даны в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов	Да	Нет
При выборе будущего супруга (-и)	84,2	14,8
При выборе супруги (-а) Ваших детей	82,8	16,0
При выборе коллеги по работе	30,8	65,2
При выборе друзей	54,4	42,6
При выборе места жительства	21,2	76,5
При выборе непосредственного начальника	42,1	55,5
При выборе соседа по дому (квартире)	33,9	62,8

Полученные результаты показывают существование в массовом сознании горских евреев ярко выраженной социальной дистанцированности именно в семейно-брачной сфере, а также в дружеском общении, в то время как в остальных социальных сферах ее позиции заметно слабые. Анализ эмпирических данных по социально-демографическим параметрам показывает, что для

43,2 % женщин, впрочем, как и возрастным когортам «от 20 до 30 лет» (40,9 %) и «от 50 до 60 лет» (38,0 %) важна религиозная принадлежность коллеги по работе в противовес 21,5 % мужчин, респондентам «до 20 лет» (26,9 %) и имеющим высокий образовательный статус (22,2 %). Опрошенные со средним и специальным образованием подчеркивают значимость конфессиональной принадлежности коллеги по работе – 42,9 % и 44,8 %, соответственно. Далее, при выборе друзей религиозная принадлежность не имеет значения для возрастного подмассива «до 20 лет» (61,5 %), в то время как для остальных подгрупп она важна: 45,5 % «от 20 до 30 лет», 40,8 % «от 30 до 40 лет», 69,0 % «от 40 до 50 лет», 50,0 % «от 50 до 60 лет» и 47,1 % «от 60 лет и выше». В сравнении с остальными индикаторами, социальная дистанция менее всего выражена при выборе места проживания: при сопоставлении с другими подгруппами выделяются респонденты в разрезе «от 20 до 30 лет» (27,3 %) и «от 60 лет и выше» (26,5 %). На важность конфессиональной принадлежности непосредственного начальника указывает наибольший процент опрошенных в когорте «от 40 до 50 лет» (62,6 %). Автор разделяет позицию М.М. Шахбановой, что «если человек готов к семейному, дружескому общению, то он тем более расположен к другим видам социальных контактов»¹ и результаты исследования демонстрируют ориентированность горских евреев на поддержание личностного взаимодействия, хотя имеет место и социальная дистанцированность практически по всем позициям.

Опрошенные горские евреи обозначают важность религиозной принадлежности будущего брачного партнера для себя и по возрасту данную позицию разделяют 73,1 % опрошенных «до 20 лет», 86,4 % «от 20 до 30 лет», 78,9 % «от 30 до 40 лет», 91,4 %

¹ См.: Шахбанова М.М. Религиозная ситуация в республике: состояние и тенденции (по материалам социологического опроса) // Региональные аспекты социальной политики. 2008. № 10. С. 56 – 64; Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения андо-цезских народов Дагестана. Дисс. на соискание уч. ст-ни д-ра социол. н. Ростов-на-Дону, 2012; Шахбанова М.М. Этническое самосознание и этническая идентичность: современные концепции исследования // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 1 (33). С. 135 – 147.

«от 40 до 50 лет», 80,0 % «от 50 до 60 лет» и 70,6 % «от 60 лет и выше». Далее, на необходимость учета конфессиональной принадлежности при заключении брачного союза своими детьми указана 73,1 % респондентов в разрезе «до 20 лет», 84,8 % «от 20 до 30 лет», 77,5 % «от 30 до 40 лет», 90,2 % «от 40 до 50 лет», 80,0 % «от 50 до 60 лет» и 64,7 % «от 60 лет и выше». Последовательная позиция горских евреев в отношении межрелигиозной брачности прослеживается через полученные на «контрольный вопрос» **«Вы допускаете возможность заключения брака с человеком другой религиозной принадлежности?»** эмпирические данные. Так, на недопустимость межрелигиозного брачного союза указывает больше половины респондентов (76,0 %) и принимают его существенно меньшая часть опрошенных (21,2 %). По возрасту против межконфессионального брака выступают 69,2% респондентов в когорте «до 20 лет», 80,3 % «от 20 до 30 лет», 62,0 % «от 30 до 40 лет», 89,7 % «от 40 до 50 лет», 60,0 % «от 50 до 60 лет» и 55,9 % «от 60 лет и выше», по типу религиозности доля таковых среди «убежденно верующих», «верующих» и «колеблющихся» составляет 90,9 %, 86,9 % и 57,9 %, соответственно.

Таким образом, полученные результаты исследования констатируют существование ярко выраженной социальной дистанцированности горских евреев в семейно-брачной сфере, что вполне объяснимо, ибо институт семьи изначально является консервативной по природе своей областью.

Обозначенная опрошенными горскими евреями роль конфессионального фактора в формировании духовного здоровья молодого поколения требует установления ее места и во внутрисемейной сфере, ибо, по мнению автора, в настоящее время основная нагрузка по воспитанию детей легла на плечи родителей. Так, респондентам был задан вопрос **«Воспитываете ли Вы своих детей в рамках своей религиозной культуры?»** и, по мнению 78,4 % опрошенных горских евреев, иудейская религиозная культура выполняет большую роль в воспитательном процессе, но одна шестая часть респондентов не видит необходимости обращаться к религиозным принципам при воспитании детей. Если посмотреть результаты исследования по гендерному признаку, то среди мужчин (80,2 %), по сравнению с

женщинами (76,0 %), больше обозначающих важность религиозного компонента при воспитании детей.

Определенное несоответствие между обозначением своего отношения к религии и стремлением соблюдать ее базовые правила способствует возникновению другого, не менее важного вопроса **«Соотносите ли Вы, Ваши действия в различных жизненных ситуациях с Вашими религиозными убеждениями или заповедями Вашей религии?»**. Так, 77,4 % респондентов при принятии любого решения учитывают предписания исповедуемой религии, свои религиозные взгляды и убеждения, а 21,4 % опрошенных придерживаются суждения «для меня никакого значения не имеют предписания моей религии и мои собственные религиозные взгляды и убеждения».

Таким образом, изучение религиозного фактора в жизненных установках горских евреев показало существование в их массовом сознании ярко выраженной социальной дистанцированности, которая отчетливо себя проявляет в семейно-брачной сфере. Желание самосохраниться выражается через четкое очерчивание допустимых для социального взаимодействия горских евреев границ. Более того, консервативные установки в семейно-брачной сфере проявляются через утверждение опрошенных о недопустимости заключения брачного союза с последователем иного вероисповедания. Результаты опроса демонстрируют, что большая часть респондентов подчеркивает применение ими основ исповедуемого вероучения в воспитательном процессе, причем можно отметить существование заметных отличий по гендерному признаку. Более того, исследование выявило, что опрошенные горские евреи в различных жизненных ситуациях ориентируются на свои религиозные убеждения и заповеди иудаизма, причем с возрастом увеличивается доля придерживающихся данной позиции.

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В Г. ПЕТРОВСКЕ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX В. – НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация: Изучение городов Дагестана, является значительной частью в истории городов России. История становления и развития города Порт-Петровска является весьма актуальной, ее полиэтничность и поликонфессиональность привлекают внимание многих исследователей. В настоящей публикации на основе архивных источников и монографических исследований дается попытка осветить основные этапы формирования Петровского укрепления и становление его как города. Автором в статье отмечено, что важной сферой для развития городов был вопрос медицинского обслуживания городского населения. Долгое время основными центрами медицинского обслуживания в Дагестане были военные лазареты, гражданских лечебных учреждений в Дагестанской области не было. В статье проанализированы основные этапы формирования системы здравоохранения в городе, приводится статистический материал состояния лечебной сети, а также распространенность в городе инфекционных болезней и проблемы их лечения. Выгодное стратегическое положение, наличие морского порта, железной дороги, привели к активному социально-экономическому развитию города, что соответственно привело к интенсивному развитию медицинской сферы. С привлечением новых архивных источников автор пришел к выводу, что несмотря на то, что к началу XX в. большого прогресса медицинское обслуживание Петровск не получил, все же открытие первых гражданских лечебниц, фельдшерско-акушерских пунктов, аптек и других лечебных учреждений поставили систему здравоохранения на более высокий уровень.

Ключевые слова: Дагестанская область, Петровск, медицинское обслуживание, лечебные учреждения, инфекционные заболевания, малярия, здравоохранение.

История образования города Петровска относится к 1844 г., когда, как отмечают дагестанские исследователи, в непосредственной близости от моря на гряде Анжи-Арка было сооружено

мощное укрепление с высокими башнями по углам и амбразурами в толстых каменных стенах. Это укрепление получило название Петровское после пребывания здесь в 1723 г. Петра I. Вокруг укрепления появилось поселение с русским населением, численность которого к 1857 г. достигла почти 2 тыс. чел., что способствовало приданию данному укрепению городского статуса с названием Петровск [1, с. 35]. С завершением военных действий на Кавказе, начинается интенсивное развитие Петровска как торгово-промышленного и транспортного центра Дагестанской области. Так, в период с 1861 по 1869 гг. был построен южный, в последующем северный мол, к 1866 г. завершились и другие строительные работы морского порта. Одним из первых промышленных предприятий города является, построенный в 1876 г. пивоваренный завод. В 1878 г. начинает свою работу первая типография, позднее были построены две табачные фабрики. Интенсивное развитие Петровска начинается с конца XIX и начала XX вв., причем ключевую роль в данном процессе сыграло строительство железной дороги Ростов-Баку, позволивший открыть движение поездов до Петровска [1, 35].

Кроме вышеназванных промышленных предприятий, в первой половине XX в. в Петровске развитие получает рыбная отрасль, более того, он становится крупным рыбопромышленным центром, особенно сельдяного промысла, получившего широкое развитие в Дагестанской области. Так в весенний период, в Петровск съезжались рыбопромышленники и торговцы, большей частью из южных внутренних российских губерний. Примером является появление еще в 1903 г. на городской территории Петровска рыбной ватаги астраханского рыбопромышленника Воробьева, который был одним из первых, кто заложил основы рыбопромышленности в Дагестанской области. В городскую казнуза участок в 18 верст Воробьев выплачивал арендную плату в размере 100 руб. в год; кроме того, он владел рыбосольным лабазом, расположенным на территории самого города, с оплатой 500 руб. в год. Однако, следует пояснить, что сам Петровск иными рыбными промыслами не располагал, поэтому прямой доход от рыбной отрасли выражался в вышеназванных суммах. Вместе с тем, в целом, рыбная промышленность выполняла ведущую роль в экономической жизни города [2, 116].

Если обратиться к планировке Петровска, то в 1904 г. он имел 15 улиц (Набережная, Базарная, Садовая, Почтовая, Персидская, Степная, Барятинская, Миллионная, Грязная, Подгорная, Нагорная, Провиантская, Тюремная и Маячная), 17 переулков и 6 площадей, с общей протяженностью городских улиц 5520 погонных сажен, переулков – 2280 погонных сажен; из них было замощено всего 3046 погонных сажен, или около 35 % всех улиц и переулков. Город имел общественный сад площадью 1080 кв. сажен, бульвар протяженностью 425 погонных сажен. Городская структура Петровска в тот период состояла из 1206 жилых строений, из них 172 каменных, 12 кирпичных, 421 саманных, 246 деревянных, крытых железом, 10 черепицей, 45 земель, 78 камышом и 227 деревом [3, 22].

Несмотря на относительно интенсивное развитие промышленного сектора Петровска, его городское коммунальное хозяйство, впрочем, как и других городов Дагестанской области, оставалось на крайне низком уровне, что проявлялось в отставании от темпов роста и несоответствии минимальным потребностям городского населения. Состояние тротуаров, мостовых, уличного освещения, зеленых насаждений, очистки в городе не отвечало элементарным санитарным требованиям, более того, отсутствовала даже примитивная канализация. Петровск питьевой водой обеспечивался из трех источников, расположенных на горе Таркитау: Городской родник, Султан-булак и Теле-булак, на многие улицы ее привозили в деревянных бочках частные водовозы [1, 93]. В Дагестане в 1889 г. впервые была утверждена должность областного врача, но на улучшение состояния здравоохранения и санитарно-эпидемиологической обстановки в области это существенно не повлияло.

Таким образом, можно констатировать исключительно плохое санитарное состояние Петровска, причем ему, можно сказать, практически не уделялось никакого внимания. Одной из причин массовых заболеваний и высокой смертности дагестанского населения являлось отсутствие жизненно необходимых бытовых условий, в том числе качественной воды, при низком уровне медицинского обслуживания. В основном медицинская помощь местному населению состояла в амбулаторном обслуживании, а в некоторых случаях в оказании стационарной помощи. Основны-

ми центрами медицинского обслуживания являлись существовавшие в городах военные госпитали. Амбулаторная медицинская помощь городскому населению оказывалась бесплатно. Так, в «Обзоре Дагестанской области за 1902 г.» отмечено, что в г. Петровске на благотворительные средства и выданной городской администрацией финансовых средств, помощь была оказана 3007 больным [4, 87].

В 1902 г. портовое управление предоставило в распоряжение городского управления 4000 руб. на содержание городской больницы, при этом ограничив сферу их использования, т.е. исключительно для нужд судовых команд, из-за чего она была частично потрачена. Кроме приемного городского покоя граждане, при условии наличия свободных коек, могли получать медицинские услуги в местном лазарете, который имел 100 коек.

В 1903 г. в Петровске функционировало несколько больниц гражданского ведомства, среди них больница при исправительном арестантском отделении на 40 коек, приемный покой Владикавказской железной дороги на 5 коек, «городской барак» на 10 коек для бедных (приемный покой при ночлежном доме), содержащийся на попечительские средства. Открытый еще в 1895 г. на средства, собранные путем пожертвований, данный приемный покой получил название амбулатория для «недостаточных больных». До 1899 г. она находилась в ведении полицеймейстера, позже была передана городскому управлению, с имеющимися инвентарем и денежными средствами в размере 2327 руб. 62 коп., что позволило направить на ее содержание средства и из городского попечительства бедных [5, 91]. Кроме вышеназванных лечебных учреждений в Петровске имелись 2 частные больницы для рабочих: одна на 16 коек при паровой фабрике «Заморозка» К.И. Воробьева, вторая на 20 коек при паровой фабрике общества Каспийской мануфактуры, а также родильное отделение на 3 койки [2, 142–143].

Важность развития медицинской сферы в Дагестанской области способствовало появлению аптечных учреждений при лечебных заведениях. Одним из первых, кто занялся открытием аптек в Дагестане в городской местности (гг. Кизляр, Порт-Петровск, Темир-Хан-Шура), был московский провизор К. Фрозе. Как и любое новое дело, их открытие сопровождалось большими

трудностями. Примеру Фрозе, последовали провизоры А.П. Хомический, Л. Бишаф, П. Колл, которые также открывали аптеки в Дагестанской области и являлись их управляющими [6, 1].

Благодаря предпринимательской активности приезжих провизоров, в начале XX в. в каждом дагестанском городе функционировала хотя бы одна вольная аптека. О востребованности аптечной сети в области свидетельствует количество, выданных только за 1903 г. рецептов – 25400 на сумму свыше 13 тыс. руб. Всего этими аптеками было выручено за продажу лекарственных средств 22364 руб. 74 коп.[2, 139].

Недостаточное, порой и полное отсутствие медицинского обслуживания, отсутствие профилактики опасных эпидемических болезней, особенно в сельской местности Дагестанской области, способствовали появлению инфекционных заболеваний (сыпной и брюшной тиф, туберкулез, трахома, холера, зоб, малярия и др.). В самом Петровске эти болезни были широко распространены, особенно малярия, из-за географического положения города, окруженного болотами. Из-за сложной малярийной ситуации в Петровске в 1892 г. в черте города были проведены масштабные землечерпательные работы по расчистке бухты, которая по существу являлась «стоячим болотом вследствие устройства сплошных каменных моллов, замкнувших изрядную полосу моря». Однако, в 1893 г. малярия в Петровске вспыхнула с новой силой, и ею переболело почти 90 % городского населения, причем фиксировалась высокая смертность [7, 5].

Распространение эпидемии было вызвано строительством Владикавказской железной дороги от Беслана до Петровска (1892 – 1898 гг.), проводимые строительные работы, особенно, вскапывание земли, способствовали выходу на поверхность содержащихся в ней плазмодии лихорадки, которая заражала рабочих стройки и местное население, проживавшее недалеко от дороги. Со строительством железной дороги в Петровск стали съезжаться переселенцы, которые расширяли город в сторону болотистой части, что приводило к закономерной необходимости строительства жилья, стимулировавшее рост производства саманного кирпича. Данный факт закономерно имел последствием появление котлованов, которые еще больше увеличивали заболачиваемость города, впрочем, как и большие ямы со стоячей водой, в комплексе

спровоцировавшие распространение малярийного комара. В 1903 г. малярией заболело в Петровске 7427 чел., из них летальный исход имел 46 случая. В результате отсутствия лечебных учреждений, нехватки медицинских кадров, медикаментов, число заболевших с каждым годом росло. О сложной ситуации с малярией в области свидетельствует отчет военного губернатора Дагестана за 1904 г.: «неблагоприятное явление в жизни приморских народов – малярия – в прошедшем году получила значительное развитие, особенно в городе Петровске, где смертность от нее местами достигла высокого процента. Малярия вообще составляет болезнь прибрежной, приморской части области и бороться с нею очень трудно без принятия радикальных мер по осушению болот и разливов вод»[8, 68]. Меры по борьбе с заболеваниями не давали должного эффекта, так как носили поверхностный и половинчатый характер. В 1905 г. заболевших малярией в Петровске было уже 15864 чел. и число это только увеличивалось с каждым годом[9, 3].

Медицинские работники уделяли большое внимание установлению причин возникновения и распространения малярии в Дагестане. В борьбе с нею использовались научные достижения, разрабатывались новые методы предупреждения и лечения. Во всех округах и городах Дагестанской области проводились совещания медицинских работников по вопросам профилактики и лечения инфекционных заболеваний, особенности малярии, были подготовлены ряд докладов, которые обсуждались на совещаниях врачей, занимавшихся проблемой ликвидации малярии. Одним из примеров является доклад врача Стрижевского «Малярия на рыбных промыслах», в котором рекомендовалось реализация ряда практических мероприятий по осушке болотистых мест. Практические рекомендации, направленные на борьбу с малярией отмечались также в докладе «Малярия в Петровске» врачом Блажевич [10, 99]. Так, для борьбы с малярией в 1902 г. в Дагестанской области была образована малярийная комиссия Пироговского общества русских врачей, которой существенную помощь оказывали активисты из представителей местного населения [11, 102]. Для эффективной борьбы с малярией, медицинская общественность Дагестана организовывала лекции, готовила и выпускала плакаты, в которых для местного населения, в доступной форме

излагались особенности данной болезни, пути ее распространения, осуществление профилактических мер и методы борьбы с ней.

В 1904 г. царским правительством было принято прогрессивное решение об увеличении числа медицинских учреждений в Дагестане, хотя фактически это никак не повлияло на улучшение медицинского обслуживания местного населения. Так, в 9 округах Дагестанской области появились 18 врачебных участков, и в каждом из них предусматривались стационары по 6 коек и 1 фельдшерский пункт, но число врачей, работавших на селе, было вдвое меньше, что приводило к большой загруженности медперсонала: одному врачу приходилось заведовать двумя участками в округе в порядке совместительства [8, 68].

Разумеется, в городской местности медицинское обслуживание населения было относительно лучше, чем в сельских округах, хотя письмо, старосты Петровска начальству, датированное июнем 1904 г. отмечал насущную необходимость в лечебном учреждении: «Областные по городским делам присутствие, как Вам известно, возбудило ходатайство перед правительствующим сенатом об отмене своего журнального постановления, с которым тесно связана судьба нашего злополучного больничного дела. Таким образом, больничный вопрос остается в области одним лишь мечтанием и бог весть когда удастся видеть нам в Петровске больницу, в коей ощущается такая жгучая потребность» [8, 69]. В других дагестанских городах ситуация с больницами была не лучшей и находилась на низком уровне. Городская больница в Петровске была открыта только в 1906 г. [11, 100].

В Петровске имелись благоприятные возможности для организации санаторно-курортного лечения. Еще в конце XIX в. недалеко от города находилось военно-лечебное заведение на грязях, в котором ежегодно из ближних госпиталей проходили лечение боле 300 офицеров и солдат. В 1893 г. для пользования нижних чинов Кавказского военного округа климатом и купанием была открыта в Петровске санитарная станция на 50 чел. С открытием сезона с 1 июня по 1 октября на морские купания с начала 1860 гг. в Петровск съезжалось много посетителей, но эпидемия малярии в 1898 г. заметно ослабила значение Петровска, как курортного города: в 1903 г. эпидемия малярии приобре-

ла масштаб эпидемии 1898 г. и Петровский курорт с хорошим пляжем уже не имел столь большого успеха среди жителей и приезжих [2, 116]. В этом же году из-за свирепствовавшей эпидемии малярии военно-санитарная станция вынуждена была закрыться.

В 1912 г. возобновилась работа Петровского курорта, который обладал удобной инфраструктурой и располагался недалеко от вокзала, пристаней и гостиниц. Оздоровительное учреждение имело грязевые, горячие, рапные и световые ванны, душ и морские купания. Дагестанским областным врачом Ветвинским в сообщении о курорте перечислялись специальные правила поведения, которыми отдыхающие должны были обязательно ознакомиться. Они включали, несколько пунктов: «1. ванна отпускается только для одного человека. Двое в одно и то же время и в одну ванну не допускаются, за исключением детей до 3-х лет, которые могут садиться по одному с одним из лиц одной и той же семьи; 2. употребление при ваннах дурно пахнущих лекарственных веществ, различных мазей и т.п. воспрещается; 3. билеты действительны при приеме вышеназванных ванн в течение $\frac{1}{2}$ часа, считая с момента занятия номера, за сверхурочное время хотя бы менее $\frac{1}{2}$ часа взимается плата как за полные $\frac{1}{2}$ часа; 4. пользование душем положено 20 минут, по тем же правилам, что обозначены в п. 3; 5. в общие женские и мужские купальни вход без билета не допускается. А равно посетители не имеют права без билета приводить детей, провожатых и прислугу; 6. белье подается по желанию под бандеролью за особую плату, полотенце 5 коп.» [12, 40].

Население Петровска к 1913 г. насчитывало 24 тыс. чел. Город имел три больницы с общим количеством коек в них – 104, с численностью медперсонала в составе 4 врачей и 7 фельдшеров, т.е. на 10 тыс. населения приходилось менее 2 врачей и 43 больничных койки, следовательно, воспользоваться медицинской помощью могли только зажиточные граждане и военнослужащие [1, 93].

Нехватка квалифицированного персонала, в том числе и из местного населения, осложняло оказание качественного медицинского обслуживания населению, особенно женщин. Присутствие в Дагестане русскоязычных врачей, которые живя здесь, изучали традиции, обычаи и язык коренных народов, усиливало

их контакты с местным населением, но их было мало, соответственно, не могли решить все проблемы с медицинским обслуживанием, которые существовали в Дагестане.

Несмотря на все сложности и недостатки в организации здравоохранения, приезжими специалистами была проделана колоссальная работа по снижению и профилактике различных заболеваний. Кроме того, они демонстрировали внимательное отношение к местному населению, которое формировало у них уважительное отношение и почитание к людям, которые оказали им необходимую помощь. Добрую память о себе оставили такие известные врачи, продолжавшие свое благородное дело и после революции в Дагестане – Е.А. Никифорович, Агриколянский Н.П., Р.А. Янкелевич, Н.А. Усачев и мн. др.

Если более подробно остановиться на деятельности каждого из врачей, то Усачев Николай Андреевич (1884 – 1950), проработал в Дагестане более 40 лет. Выходец из простой семьи, отец которого был мастером кузнечного дела, он получил медицинское образование за счет военного ведомства с обязательством отработать военным врачом в течение четырех лет. В 1914 г. Н.А. Усачев приезжает в Дагестан, где начинает свою трудовую деятельность врачом крепостной артиллерии в Петровске. После победы Великой Октябрьской революции Н.А. Усачев принимает самое активное участие в организации здравоохранения Дагестана. В 1920 г. ему военно-революционный комитет предложил занять руководящую должность и Н.А. Усачев становится заведующим Петровским отделом здравоохранения. Известно, что это были трудные годы становления советского здравоохранения, приходилось решать сложные вопросы по организации медицинского обслуживания города Петровска, с чем он успешно справлялся. В 1924 г. Н.А. Усачев был назначен первым государственным санитарным инспектором республики [11, 100]. Уделяя большое внимание практическому здравоохранению, Н. Усачевым написаны статьи, в которых рассмотрены важные вопросы борьбы с различными заболеваниями, в их числе «Малярия в Дагестане». Помимо активной лечебной и научной работы, он активное участие принимал в общественной жизни города: избирался депутатом горсовета, занимал должность председателя союза медицинских работников Петровска. За долголетнюю плодотворную

творную работу на благо Дагестана, Н.А. Усачев был награжден медалью «За трудовую доблесть», а также ему было присвоено звание Заслуженного врача РСФСР [11, 109].

Разносторонней была деятельность врача Н.П. Агриколянского, проработавшего в Дагестане более 30 лет. Он работал врачом в Казикумухском, Гунибском округах, сельским врачом в Темир-Хан-Шуре, затем помощником областного врача, везде проявлял себя не только как высококвалифицированный медицинский работник, но и как хороший организатор. После установления Советской власти он активно участвует в организации здравоохранения в Дагестане. В 1920 г. он был заведующим медицинским подотделом здравоохранения Дагестанского ревкома. Позже в Наркомате здравоохранения возглавлял медицинскую часть.

Для оказания медицинской помощи городскому населению Петровска в 1913 г. морская врачебно-наблюдательная станция имела в своем штате 1 врача и 2 фельдшера, а также городского врача и 2 городских фельдшера, тюремного врача и фельдшера. В городском ведении Петровска в 1913 г. имелось несколько больниц, среди которых: Городская больница на 12 коек, Больница исправительного арестантского отделения на 40 коек, Приемный покой врачебно-наблюдательной станции на 3 койки, Больница Владикавказской железной дороги на 30 коек. Кроме того, больные из городского населения за определенную плату могли пользоваться стационарным лечением в Петровском лазарете. За 1913 г. медицинское обслуживание в этой больнице получили 54 чел. [5, 47]. Также в городе имелись и частные больницы, обслуживавшие местное население начиная еще с XX в. Среди них, отмеченные ранее больницы: а) частная лечебница на 20 коек для рабочих при паровой фабрике «Заморозка», принадлежавшая наследникам К.И. Воробьева, в последующем перешедшая в собственность Тагиева; б) больница рыбопромышленников Ванецова и Маилова на 12 коек; в) в 1913 г. для оказания бесплатной медицинской помощи рабочим на рыбных промыслах в ареале Каспийского моря имелось 37 приемных покоев на 172 кровати. [5, 47].

Таким образом, можно сказать, что развитие здравоохранения и медицинского обслуживания в Петровске к началу XX в.

немного улучшилась, благодаря появлению больниц, фельдшерско-акушерских пунктов, аптечной сети. Но, несмотря, на принятые меры, к сожалению, достичь большого прогресса в медицинском обслуживании дагестанского населения, тем более ее качественной стороны говорить не приходилось. К началу Первой мировой войны в Дагестанской области с населением 635974 чел. работало несколько десятков врачей и около сотни фельдшеров. Поэтому в послереволюционный период, новой власти пришлось практически с нуля начинать формирование развитой системы лечебных учреждений и органов здравоохранения в Дагестане.

Список использованной литературы

1. Юсупов М.С., Магомедов И.М. Махачкала. Вчера. Сегодня. Завтра. Махачкала, 1989. – 159 с.
2. Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904. – 257 с.
3. Кажлаев А.Н. Возникновение и экономическое развитие Махачкалы. Махачкала, 1967. – 236 с.
4. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903. – 106 с.
5. Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915. – 81 с.
6. ЦГА РД. Ф. 234. Оп. 1. Д. 3.
7. Адухов М.Д. Малярия в Дагестане в конце XIX в. //Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Махачкала, № 4. 2008. С. 5–10.
8. Аликишиев Р.Ш. Очерки по истории здравоохранения в Дагестане. М., 1958. – 175 с.
9. Центральный государственный архив РД (ЦГА РД.). Ф. 21. Оп. 3. Д. 32.
10. ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8.
11. Свистунова А.И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане (вторая половина XIX – начало XX вв.). Махачкала, 1973. – 150 с.

12. История развития здравоохранения в Дагестане в XX в. Т. I. (1900-июнь 1941 гг.). Документы и материалы. Сост. Нагиева М.К. Махачкала, 2015. – 286 с.

Разаков Р.М., Разаков А.Т.

К ВОПРОСУ О ГОРСКИХ АДАТАХ В ДАГЕСТАНЕ

Адат (араб. обычай) – обычное право у народов, исповедующих ислам. Оно возникает еще в недрах родового строя. На определенной ступени развития внутри родовой общины, как результат имущественной дифференциации, возникают новые отношения зависимости. Постепенно появляется богатая и влиятельная верхушка рода, интересы которой приходят в столкновение с началами родового демократизма, сохранившегося вследствие того, что родовая община и после возникновения частной собственности владеет на коллективных основаниях частью родовой земли.

«Эта борьба различных начал, – пишет М. О. Косвен, – называется еще в одной форме. Старики берут на себя функции толкования и применения обычаев, а вместе с тем и функции суда. В этой связи старые обычаи фиксируются, приводятся в известную систему, передаваясь из поколения в поколение. Так возникает обычное право, которое и несет на себе печать двойственности, свойственной родовому обществу на данном этапе его истории»¹.

Обычай, как правило поведения, был единственной нормой, регулировавшей отношения людей в первобытно-общинном строе. С разложением первобытнообщинного строя и с появлением классов обычай принял классовый характер. С этого времени обычаи претерпевают изменения и постепенно приспособляются к обслуживанию интересов господствующего класса. Обычаи эти приобретают правовой характер, т. е. их выполнение обеспечивается принуждением.

¹Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957. С. 217.

Возникновение органов публичной власти в низовых политических единицах, какими являются джамааты в Дагестане, было началом выработки правовых норм, составляемых в своей совокупности обычное право.

Обычное право являлось основным источником права в период формирования феодальных отношений. Длительное действие норм обычного права в Дагестане было обусловлено отсутствием политически централизованного государственного объединения и значительной административной и политической самостоятельностью сельских общин со своими установившимися обычаями, регулировавшими почти все стороны семейного и общественного быта горцев.

К обычному праву относятся адаты, рассматриваемые обществом как обязательные, невыполнение которых вызывает определенные репрессивные меры к нарушителям. Далекое не все дагестанские адаты носят проворой характер. Многие из них, относящиеся к области общественной нравственности, гостеприимству, семейным отношениям – суть моральной нормы, нарушение которых осуждается обществом, но не влечет за собой применение принудительных мер.

Адат в Дагестане, – как правильно отмечено проф. Ф. И. Леонтовичем, – имел тройное значение, во-первых, как обычай, живущий в народном предании, во-вторых, как способ разбирательства судебных дел и, в-третьих, как закон местный, действующий лишь в данной местности. Последнее значение имеет наибольшее распространение и в этом смысле рассматривается в настоящей работе.

Источники образования адатов были различны. Важную роль в формировании адатов играло третейство или маслагат (от араб. «маслахат» – общее благо, выгода, интересы сторон) по разбирательству различных правонарушений.

Маслагат настолько определяет начала дагестанского обычного права, что к разбирательству уголовных и гражданских дел приступали лишь после попыток примирения тяжущихся сторон.

Подчеркивая значение третейского решения (маслагата) в образовании адатов Н.А. Караулов писал, что "путем маслихата устанавливались взаимные отношения между владельцами и кре-

ствиями. Маслахаты могут даже отменять старинные, освященные давностью адаты"¹.

Другим, не менее важным источником образования адатов являлись решения сельских сходов по самым разнообразным вопросам.

По коренному мусульманскому праву, – отмечает Ф.И. Леонтович, – каждое общество (джамаат) правоверных имеет свои сходы стариков и почетных жителей для совещаний об общественных делах, – на таких сходах при недостатке адатов по тому или другому вопросу, старики устанавливают мирский маслагат, обращающийся при дальнейшей практике в постоянный адат общины"².

Такая практика весьма характерна и для горцев Дагестана. Почти в каждом дагестанском ауле имелись специальные места сбора джамаата. Почетные лица, о которых упоминает Ф. И. Леонтович, это наиболее зажиточные представители сельской общины, которые оказывали решающее влияние на принятие решений по общественным делам. В дальнейшем при многократном применении решение схода, принятое по конкретному случаю, становилось адатом во всех аналогичных случаях.

Среди источников дагестанского обычного права следует отметить и соглашения между двумя или несколькими сельскими общинами об установлении единообразной ответственности их жителей за нарушение интересов договорившихся джамаатов в целом или отдельных лиц. "В эпоху борьбы патриархальных обществ, – писал исследователь осетинского обычного права В. Пфафф, – соседи, утомленные продолжительной враждой, иногда определяли раз навсегда, для разных правонарушений, известное возмездие. Подобные компромиссы – самый обильный источник обычного права"³.

Соглашения, как правило, заключались в письменном виде с указанием свидетелей. Срок их действия не ограничивался, лишь

¹ Караулов Н. А. Основы мусульманского права // СМОМПК. Вып. 40. 1909. С. 34.

² Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Вып. 1. С. 11.

³ Пфафф В. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Вып. 1. С.

по мере необходимости по взаимному соглашению вносились дополнения и изменения. Соглашения подобного рода, вызванные к жизни стремлением избежать конфликты и вражду с соседями, получили в Дагестане повсеместное широкое распространение. Им принадлежит значительная роль в выработке норм адата и установлении определенного правопорядка во взаимоотношениях сельских общин.

Особое значение соглашения имели в "вольных" обществах Дагестана.

Отношения между сельскими общинами издавна строились на союзных началах. В одних случаях наиболее могущественный аул с добровольного согласия других соседних аулов брал на себя руководство всеми делами союза. В других это достигалось в результате насильственного подчинения слабых аулов сильным. Тогда между главным джамаатом и остальными устанавливались отношения покровительства и защиты с одной стороны, подчинения и платежей – с другой.

Очень ярко выступали эти отношения в Ахтынском "вольном" обществе. Жители всех 11 селений, входящих в Ахтынское общество, не имели права разбирать обоюдные претензии без ахтынских посредников.

По первому требованию ахтынцев жители селений были обязаны являться на помощь в случае войны.

Ахтынские аксакалы контролировали во всех селениях правильность исполнения закьята.

Ахтынцы за кровь убитого платили 30 баранов, а с жителей подчиненных селений брали 600 голов овец.

Жители 11 селения отбывали так называемую пахту. Она заключалась в том, что жители селений 1 раз в год обязаны были принимать ахтынцев, угощать их лучшей пищей, кормить их лошадей и сверх того отдавать еще по одной овце. Ахтынцы обычно отправлялись в селения партиями от 100 до 500 человек и гостили в селении в течение суток¹.

Адат, принятый во второй половине XVII века, в 1665 году считает, что убийца должен подлежать обязательной мести.

¹ Описание нравов, обычаев и образа правления Самурского округа до присоединения к России // Рукописный фонд ИИЯЛ. Д. 2493. Л. 2,14.

Уклоняющийся от мести убийца подвергался штрафу. "Жители селений Ансуб и Исиниб согласились не оставлять убийцу без отомщения. Если наследник убитого прощает убийцу за выкуп, то с него взыскивать тридцать коров, стоимость в пять овец каждая, а также сто овец с убийцы в пользу Нуцала, сына Умма-Нуцала. . . "¹. Уставовленный высокий штраф практически не допускал примирения за выкуп, и наследникам убитого оставалось только мстить убийце. Прощение за выкуп в то время считалось безнравственным и противоречащим интересам джамаата.

Селения Чох и Цудахар имели договоренность о неприменении ишкиля в отношении друг друга. С нарушителя взыскивался штраф один бык. Также они обязались взаимно оказывать помощь в случае опасности. Даже между ними было установлено: "Если султан (бек) присвоил (захватил) имущество и на месте очутился один из жителей обоих селений и он не помешал ему посредством тревоги иди другими путями, то он сам должен возместить нанесенный султаном ущерб. Если один из жителей обоих селений убил султана (бека), то оба селения должны выдать ему двадцать баранов»².

Выполнение правовых норм внутри джамаата обеспечивалось сельской администрацией. Что же касается правовых норм, о соблюдении которых имелась договоренность между несколькими аулами, то их исполнение не могло быть обеспечено центральной административной властью (это откосится и к феодальным владениям). Поэтому джамааты, заключавшие между собой соглашения, в качестве гарантии исполнения практиковали заклад каких-нибудь ценных предметов (в одном случае по два крымских ружья) или оговаривали в соглашениях, что в случае невыполнения определенная местность (гора, пастбище) перейдут в собственность другой стороне. Справедливые претензии лица другого джамаата должны были удовлетворяться администрацией джамаата, к которому принадлежат ответчик.

Горские адаты устанавливали различную ответственность почти по всем правонарушениям в зависимости от социальной принадлежности.

¹Рукописный фонд ИИЯЛ. Д. 1669. Л. 154.

² Там же. С. 166.

О бесправном положении рабов говорит следующий адат даргинцев: «За убийство кулла и каравашки дается вознаграждение владельцу и более никакому взысканию виновный не подвергается. За убийство куллом кого-либо взыскание делается с владельца и он же делается канлы родственников убитого. Но если владелец не согласится быть канлы, то должен освободить кулла из крепостной зависимости, и тогда кулл, сделавшись свободным (узденем), признается сам канлы»¹. По адатам сс. Ругуджи и Согратль, сознавшийся в убийстве признавался виновным только в том случае, если он равного происхождения и имущественного положения с убитым². Такой же адат существовал и у жителей Андийского округа.

Все претензии между куллами и каравашами одного владельца у даргинцев разбирались самим владельцем³. Рабы не допускались свидетелям или присягателями ни по одному делу. Взыскание за ранение раба определялось, в отличие от общего правила, по шариату.

В лакских адатах была установлена различная ответственность бека, узденя и раба за убийство. Убийца раба удалялся из места своего жительства на 40 дней, после этого он уплачивал хозяину раба определенную сумму и примирялся как с владельцами раба, так и его родственниками. А если раб убил бека или узденя, то он вместе со своим владельцем, удалялись канлы и подвергались мщению и ответственности по общим правилам кровной мести.

Подведя некоторые итоги, можно отметить, что обычное право Дагестана, несмотря на присущие ему партикуляризм и консерватизм, как следствие господства натурального хозяйства, отчетливо отражает уровень социольно-экономического развития горских народов.

Обычное право, развиваясь в условиях сохранения пережитков общинного строя, в феодальной экономике сочетает в себе институты патриархально-родового строя с нормами, характерными для периода становления феодальных отношений. Нор-

¹ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. 1899. С. 88.

² Там же. С. 273.

³ Там же. С. 69.

мы обычного права, определявшие правопорядок в обществе, выражали волю и верхушки и использовались ею для защиты и укрепления своего привилегированного положения.

Разаков Р.М., Разаков А.Т.

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В РОССИИ В ГОДЫ НЭПА

Усиление вмешательства государства в развитие экономики в начале XX в. было характерно для большинства продвинутых в хозяйственном отношении стран мира. Концентрация производства, внедрение плановых начал в организацию производственных процессов в рамках трестов, концернов и т. д. происходили параллельно с частичной национализацией; усиление роли финансового капитала сопровождалось его сращиванием с государственными органами.

Тенденция к усилению государственно-монополистического регулирования, особенно крупной промышленности, выросла в объективную необходимость в годы первой мировой войны, в которую была втянута и Россия. Непосредственными предшественниками созданных после Октября 1917 г. органов управления экономикой были, как известно, органы Временного правительства – Экономический совет, Министерство торговли и промышленности.

Разгром партии эсеров (которые выступали за то, чтобы ввести на предприятиях самоуправление рабочих), преследование меньшевистских организаций, уничтожение «Рабочей оппозиции» - эта политика большевиков привела к сужению демократических начал в управлении промышленным производством, лишению работников государственной промышленности боевых профсоюзных организаций, отстаивающих их интересы (подчинение профсоюзов партийно-государственному руководству и т. д.). «Оппозиционные» идеи о самоуправлении рабочих, политической демократии и свободной организации трудящихся преследовались на протяжении 20-х гг. в деятельности профсоюзов, пы-

тавшихся отстаивать свою независимость (разгром независимых профсоюзов и рабочих забастовок и т. д.)¹.

Осуществление мероприятий новой экономической политики было по-разному встречено различными течениями в руководстве страны и политическими партиями и группами русской эмиграции.

Лидеры эмиграции обнаружили, однако, редкостное единство взглядов на НЭП как на «перерождение» диктатуры большевиков, эволюцию ее в сторону капитализма. Н. В. Устрялов, П. Н. Милюков, В. М. Чернов и Ф. Дан, К. Каутский и др., несмотря на различия политических взглядов, сошлись в оценке экономической и социальной эволюции России, радостно заявив, что переход на рельсы капитализма ставит вопрос и о ликвидации большевистской диктатуры.

Аналогичные взгляды на нэп (при различии политических выводов и оценок) появились в советском руководстве, в партии. Еще в 1922 г. оживилось «левое» течение в оппозиции во главе с Ю. Лариным, которое требовало возврата к военнo-коммунистическим методам.

«Левые» оппозиции трактовали поворот к нэпу как капитализм. При дальнейшем развитии и оформлении этих течений и дискуссий происходили различные перегруппировки сил и участников политической борьбы в руководстве страны.

К середине 20-х гг. оформились две основные линии в оценке нэпа — как «государственный капитализм в пролетарском государстве» (Г. Е. Зиновьев) или как социализм (Н. И. Бухарин и др.). Не вдаваясь в подробности этих дискуссий, можно отметить, что они явились, на наш взгляд, даже в большей степени отражением закулисной борьбы за власть в верхах партии, чем сложного социального противостояния в обществе (хотя этот фактор нельзя сбрасывать со счетов)².

Характерной чертой многих партийных и хозяйственных руководителей была их неспособность выйти за рамки каратель-

¹ Быстрова И.В. Государство и экономика в 20-е годы: борьба идей и реальность. // Отечественная история. 1993. № 3. С.22.

²Верт Н. История Советского государства и права. М., 2003. С.184.

но-административной психологии, Еще большей притягательностью обладала плановая идея, вера в ее непогрешимость, несмотря на все бесконечные провалы и срывы планов. Типичным было стремление объяснить эти неудачи недостатками, неправильностями планирования.

Новый толчок ужесточению административно-плановых методов управления экономикой, форсированию разработки пятилетнего плана дал состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б), поразивший своим единомыслием и отсутствием реальной оппозиции официальному партийному курсу. В отчетном докладе Сталин, отрапортовав об успехах социалистической промышленности и о «достижениях» в деле вытеснения частного капитала, сформулировал задачу достижения невиданных темпов развития государственной промышленности (увеличение промышленной продукции к 1931/32 г. вдвое против довоенного уровня).

Чекулаев Н.Д.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ РОССИИ НА ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ ПРИКАСПИЯ В НАЧАЛЕ XVIII В.

На рубеже XVII – XVIII в. основные задачи кавказской политики России, как и способы, их решения, диктовались геополитическими интересами империи на Северо-Восточном Кавказе.

Регион в силу своего географического положения и стратегического значения, традиционно находился в центре внимания соседних держав – России, Ирана и Турции, соперничавших за сферы влияния на Кавказе. Борьба за овладение этим стратегически важным краем шла с переменным успехом. Продолжавшиеся более века ирано-турецкие войны завершились договором 1639 г., разделившим Кавказ между Ираном и Турцией. С выходом России на побережье Каспия и принятия в подданство Кабарды этот регион оказался и в сфере внешней политики России. Но в тот момент приступить к решению «восточного вопроса» (доступ к южным морям и овладение стратегической инициативой) Россия не могла из-за польской интервенции, тяжелой войны со Швецией и османо-крымских набегов на юге.

В начале XVIII в. Азербайджан, Восточная Грузия и Восточная Армения, а также Южный Дагестан находились под властью Ирана; Западная Грузия, Западная Армения, Абхазия и адыги, жившие в Причерноморье и в районе бассейна р. Кубань, были зависимы от Турции. Предкавказье с середины XVI в. находилось под неослабевающим вниманием Русского государства [11, с. 413].

Позиции России на Северо-Восточном Кавказе в конце XVII – начале XVIII в. ограничивались небольшим районом на Каспии с укрепленным городом-крепостью Терки и несколькими станицами гребенских казаков на левом берегу Терека. Каждая из соперничавших сторон вынашивала свои далеко идущие планы: персы стремились не только сохранить свое влияние на Кавказе, особенно в бассейне Каспийского моря, но и продвинуть северные границы шахских владений до Терека; османские правители желали расширить зоны своего контроля на Южном Кавказе и Прикубанье, распространить свою власть с помощью своих вассалов – крымских ханов и ногайских мурз на народы, живущие между Кубанью и Волгой; Петр I и его окружение считали необходимым укрепиться на побережье Черного и Каспийского морей, обезопасить южные границы от осmano-крымских нашествий, удовлетворить потребности экономического и политического развития России. Одной из составных частей внешней политики любого государства является разведка, которая может проводиться в различных формах и под разными предлогами. В отношении Северо-Восточного Кавказа, особенно западного побережья Каспийского моря, у Петра I были грандиозные планы и прежде чем приступить к их осуществлению, необходимо было детально обследовать и изучить его. С этой целью на Восточный Кавказ и были посланы несколько групп российских офицеров, которые, сменяя друг друга, начиная с 1714 г., занимались изучением и сбором разного рода сведений военно-стратегического, естественно-географического, экономического, этно-социального характера.

Активизация османов на Кавказе и стремление предупредить их в борьбе за овладение Каспийским морем заставили Петра I готовиться к грядущим неизбежным схваткам и держать постоянно во внимании весь Прикаспийский регион, в котором он

видел еще и «истинное средоточие или узел торговли всего Востока» [8, с. 569]. Выход к южным морям и гарантия безопасности южных границ не могли быть обеспечены без овладения побережьем Каспия. Решение этой проблемы для Петра I стало насущной задачей дня [6, с. 137].

Предвидя длительную борьбу с южными соседями за преобладающее влияние на Кавказе, Петр I считал необходимым провести тщательную военно-дипломатическую подготовку в этом регионе [1, с. 67].

Для усиления своих позиций на Кавказе, в частности, на Северном Кавказе и Дагестане, Петр I укрепляет заложенную здесь крепость Терки. В 1711 г. Петр I направляет сюда своего воспитанника кабардинца, капитана гвардии князя Александра Бековича-Черкасского для установления прочных отношений с кавказскими народами. В 1714 г. было начато подробное изучение Каспийского моря для того, чтобы использовать Каспий в качестве торгового пути к Востоку, а также выяснение рудных и других природных богатств в регионе [8, с. 560].

14 мая 1714 года капитан гвардии князь А.Б.Черкасский был назначен начальником экспедиции на восточный берег Каспийского моря. В его распоряжении был отряд из 1500 человек (на самом деле он состоял из 1760 человек), необходимая артиллерия, шанцевый инструмент, 124 судна для перевозки отряда и 5000 рублей на расходы. 28 октября он отправился из Астрахани в море, но из-за непогоды должен был вернуться 3-го декабря. 25 апреля 1715 года капитан гвардии князь А.Б.Черкасский снова отправился в море и вернулся в Астрахань уже поздней осенью [18, с. 43].

В результате миссии капитана гвардии князя А.Б. Черкасского, Петру I в 1714 г. был представлен проект присоединения народов Кавказа к России. В этом проекте князя А. Бекович-Черкасский обращал внимание Петра I на намерение турецкого правительства подчинить своей власти кабардинцев и кумыков и высказывал необходимость склонить кабардинцев и кумыков в русское подданство. «Удача присоединения их, – писал кн. А.Б. Бекович-Черкасский, принесла бы России не только политический, но и экономический успех» [10, с. 19]. Но Петр I тогда еще был занят войной со Швецией и не мог осуществить свои замыс-

лы. Между тем, над прикаспийскими землями висела угроза захвата их агрессивной Турцией [14, с. 108 - 110].

В 1716 г. Петр I отправил на Каспий для составления карты этого района поручика Никиту Кожина, дав ему собственноручный указ с рядом наставлений. Он должен был описать берега Каспийского моря, промерить глубину, нанести на карту мели и т.д. Описи и карты Н. Кожина целиком вошли в первую подробную карту Каспийского моря («Картина плоская генеральная моря Каспийского»), составленную капитан-лейтенантом фон-Верденом и лейтенантом Ф.И. Соймоновым [12, с. 197 – 198].

Указом от 30 мая 1715 г. Петр I назначил полковника Артемия Петровича Волынского послом в Персию для заключения между Россией и Ираном торгового договора. Такова была официальная цель посольства. За указом следовала императорская совершенно секретная «Инструкция», в которой на посольство полковника А.П.Волынского возлагались разведывательные цели: собрать сведения о пристанях, городах и путях сообщения, вооруженных силах, жизни персидского двора и т.д. Собственноручные дополнения, внесенные царем в инструкцию, данную полковнику А.П.Волынскому, с достаточной определенностью свидетельствуют о конкретных результатах, ожидаемых Петром I от посольства. Он велел выяснить «... какие, где в море Каспийское реки большие впадают, и до которых мест по оным рекам можно ехать от моря и нет ли какой реки из Индии, которая бы впадала в сие море, и есть ли на том море и в пристанях у шаха суды военные или купеческие, також какие крепости и фортеции – присматривать прилежно и искусно проведывать о том, а особливо про Гилянъ ... однакож так, чтобы того не признали персияне, и делать о том секретно журнал повседневный, описывая все подлинно. Будучи ему в Персии, присматривать и разведовать, сколько у шаха крепостей и войска и в каком порядке и не вводят ли европейских обычаев в войне? Какое шах имеет обхождение с турками, и нет ли у персов намерения начать войну с турками, и не желают ли против них с кем в союз вступить?» [17, с. 356 - 357]. Сопроводительная грамота к шаху подписана 30 мая 1715 г., в которой Петр I просил его содержать его посланника к шаху «в приличном характеру его достоинств и верить всему предлагаемому им именем Его Царского Величества» [3, с. 65]. Для выпол-

нения разведывательного задания царь дал полковнику А.П.Волынскому в помощь нескольких ученых людей. Он следовал из Астрахани морем мимо Дербента, в Низабате вышел на берег и следовал оттуда по суше к Испагани.

Находясь в Персии (в 1716-1718 гг.), полковник А.П.Волынский не только собирал сведения о военной подготовленности этой страны, но и составил военно-топографическое описание пути своего следования. Перед отъездом в Исфаган и по возвращении оттуда посланник подолгу останавливался в Шемахе и имел возможность хорошо ознакомиться с городом, его окрестностями и дорогой, ведущей к Низовой. На обратном пути – через Казвин и провинцию Гилян, он собирал сведения о том, «где есть какие пути удобные или нужные к проходам армии, также и о расстоянии мест» [7, с. 158].

А.П.Волынский возвратился в Петербург 12 декабря 1718 года и привез от шаха договор о дружбе, добром между обоими государствами согласии [2, с. 6].

По возвращении полковник А.П.Волынский доложил о результатах своей миссии, которые нашли свое отражение в «Журнале посланника А.П. Волынского», где сообщались сведения о государственных доходах, о народе, о вероисповедании народов региона, о коммерции, о торговых компаниях – Португальской, Английской и Голландской, Индийской, Жульфинской, о российских купцах и др. Он предложил государю: «чтоб богатые персидские области, лежащие по Каспийскому морю, для безопасности границ российских принять в свое защищение, занять и заселить оные войсками российскими, коими непременно могут овладеть афганцы, на что государь и согласился» [13, с. 430].

22 марта 1720 г. полковник А.П.Волынский был назначен губернатором в Астрахань и получил указ «делать тайно приуготовления к «Персидскому» походу; узнать подробнее все обстоятельства, до тех «персидских» провинций касающихся и склонять Карталинского Вахтанга и прочих христиан к пользе России, уверяя их в добром положении и покровительстве» со стороны Петра Великого [2, 6].

Таким образом, посольство полковника А.П. Волынского (1715-1718 гг.) в Персию сыграло важную роль в подготовке «Персидского» похода. Выполнив свою миссию военно-

политической разведки, полковник А.П.Волынский, как уже было сказано выше, предложил Петру I присоединить стратегически важные и богатые природными ресурсами прикаспийские провинции к России.

В 1718 г. для разведки персидских владений, расположенных к северу от Низовой (северные уезды Ширвана и Дагестан), полковник А.П.Волынский послал из Шемахи дворянина Андриана Лопухина с тем, чтобы «он осмотрел и описал тамошний путь от Низовой пристани до Терека» и осведомился, «каковы тамошние народы людством и сколько у них военных». А.И.Лопухин проезжал через Кубу, Дербент и Тарки и составил подробное описание пути своего следования, уделив особое внимание крепости Дербент [9, с. 46].

2 марта 1718 г. последовал царский указ поручику князю Урусову «Об осмотре по Каспийскому морю бывшего протоки Аму-Дарьи и прочих мест, по положению на карту Каспийского моря с промером и описанием берегов онога», кроме того, он должен был проверить данные, собранные поручиком Никитой Кожиним.

При этом он должен был обследовать гавани рек, впадающих в Каспий, а особо реку Куру, выяснив какие суда, могут приставать, а также «справиться, могут ли ходить и опасаться во время шторма и есть ли где мель и подводные камни и точно указать на карте» [14, с. 549 - 550].

Попытки разведывательных действий российских дипломатов и посланников вызвали, мягко говоря, настороженность шахского правительства, которое считало эти действия несовместимыми с интересами Персии, считавшей прикаспийские владения своими. Позиция шахского правительства поставила Петра I перед дилеммой: либо отказаться от разрешения интересующего вопроса, либо действовать самостоятельно, не считаясь с мнениями персидских властей.

Было решено воспользоваться второй возможностью и немедленно приступить к обследованию и описанию западного побережья Каспия.

Для выполнения этой задачи Петр I послал на Каспий морскую экспедицию во главе с лейтенантом Федором Ивановичем Соймоновым (1682-1780) и капитан-лейтенантом фон Карлом

или Клаусом Верденом [10, с. 79], несколько лет служившими под непосредственным руководством Петра I на военном корабле. В их распоряжении были «унтер-лейтенанты Дорошенко и Золотарев, с большим числом унтер-офицеров и рядовых, так что всех насчитывалось 89 человек» [16, с. 33]. Задача, данная им царем, состояла в том, чтобы описать западную сторону Каспия, начав от устья реки Волги до Астрабада со всеми островами, мелями, подводными камнями, впадающими в Каспий реками, гаванями, пристанями и берегами, и с всею точностью нанести на карту; а как восточная часть Каспия капитаном гвардии князем А.Б. Черкасским и поручиком Н.Кожиним уже была сделана; то, проверяя ее, «сделать генеральную карту» Каспийского моря [4, с. 275 - 276]. Эта карта стала первой наиболее достоверной картой Каспийского моря. Петр I в 1721 г. отправил ее во Французскую академию наук, членом которой он являлся. «Сия карта, - свидетельствовал хронограф Петра Великого, - неоднократно проверенная, открыла все обстоятельства сего моря, со всеми берегами и впадающими в оное реками».

С этими же идеями, прикрываясь русско-иранским торговым договором 1717 г., в 1720 г. были отправлены в Персию консулом Семен Авраамов и вице-консулом капитан А. Баскаков, которые собирали данные как экономического, так и военно-политического характера. В инструкциях, данных им, значилось следующее: «1) Ехать от Терка сухим путем до Шемахи для осмотра пути: удобен ли для прохода войска водами, кормами конскими и прочим? 2) От Шемахи до Апшерона и оттуда до Гиляни смотреть того же... 3) О состоянии тамошнем и о прочих обстоятельствах насматриваться и наведываться и все это делать в высшем секрете» [4, с. 36].

По свидетельству лейтенанта Ф.И. Соймонова, «Польза общих торгов служила тогда наружным видом сего предприятия, и назначенным в оную посылку офицерам предписано было ..., чтоб они сие намерение везде распространяли, хотя до купечества не подлежали» [16, с. 33].

Приведенный материал красноречиво свидетельствует о главных военно-стратегических целях всех этих экспедиций. Не случайно в «наказе» Петра I полковнику и астраханскому губернатору А. П. Волынскому значилось проложить маршрут морем

из крепости Терки до Уч-косы (Аграханский полуостров – Н.Ч.), для чего на берегу моря построить крепость (в будущем крепость Святого Креста – Н.Ч.) и начинать постепенно строить склады, амбары и прочее [5, с. 65].

Из приведенных данных видно, что Петр I проявлял особый интерес к прикаспийским провинциям Дагестану, Ширвану и Гилян, которые в 1715-1720 гг. являлись главными объектами военно-разведывательных мероприятий русского правительства в Прикаспье. Посланники императора собирали сведения как о морском пути, проходившем вдоль западного и южного берегов Каспия, так и о сухом пути, проходившем по каспийскому берегу Кавказа от южных границ России, через Шемаху до Гиляна.

Последней разведывательной экспедицией была посылка накануне «Персидского» похода Петра I Андреяна Лопухина в Дагестан для выяснения ситуации, сложившейся в этом регионе Кавказа.

31 июля 1722 г. Петру I доставили подробное донесение А.И.Лопухина, заранее посланного на разведку в эти знакомые ему места. А.И.Лопухин сообщал, что шамхал Тарковский готовится к встрече Петра I, подготовил скот для продовольствия российским войскам, а также подарки императора и интересуется о месте встречи с императором. Шамхал сообщал, что дербентский султан, посаженный в Дербенте персидским шахом, год назад уехал в Исфаган, а во главе дербентцев стоят две партии – наиб Имам-Кули-бек – сторонник шамхала Тарковского и Арсланбек – уцмия и Дауд-бека. Дербентцы просят Петра I поскорее прибыть в Дербент. А.И.Лопухин доносил и о замыслах Сурхайхана, Дауд-бека, уцмия Кайтага и др. [15, с. 33 - 35].

Таким образом, в заключение параграфа, на основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что результаты разведывательных экспедиций капитана гвардии, князя А.Б. Черкасского, поручика Н.Кожина, полковника А.П. Вольнского, дворянина А.И. Лопухина, лейтенанта Ф.И. Соймонова и других Петру I дали возможность форсировать подготовку к Каспийскому походу.

Полученные этими экспедициями данные экономического, военного и политического характера позволили правительству тщательно изучить территорию Западного побережья Каспия, по которому должны были продвигаться войска, а также позволили

выяснить расстановку сил в регионе, отношение местных владельцев к приходу сюда российской армии.

Литература

1. Барышникова Н.В. Кавказская политика Петра I. Дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1999. 201 с.
2. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: В 3-х частях. – СПб., 1869. Ч.1. 648 с.
3. Галоян Г.А. Россия и народы Закавказья. – М.: «Мысль», 1976. 455 с.
4. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранная из достоверных источников и расположенная по годам. – М.: В университетской типографии у Н. Новикова, 1789. Ч. VI. 450 с.
5. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с казаками // В сборнике: Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2008. С. 64 – 66.
6. Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала, 2013. 456 с.
7. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середина XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2016. 490 с.
8. Комаров В. Персидская война. 1722 – 1725. (Материалы для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник, 1867. Т.68. С. 553-616.
9. Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 // История, география и этнография Дагестана. XVIII – XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х-М.О. Хашаева. – М.: Изд-во Восточная литература, 1958. С.6-59.
10. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722-1723 гг. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1951. 247 с.
11. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. – М.: Международные отношения, 1984. 446 с.

12. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1999. Кн. 2. – 520 с.

13. Павленко Н.И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1990. 592 с.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. V. С.549-550.

Шахбанова М.М.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА «МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СОГЛАСИЕ» И ИНДИКАТОРЫ ЕГО ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются существующие в современной отечественной и западной науке подходы в изучении межэтнического согласия и параметры его измерения.

Ключевые слова: межнациональное согласие, контакты, теория контакта, социальная идентичность.

В отечественной этносоциологии такие явления как взаимопонимание и согласие обозначены как важнейшие факторы формирования, впрочем, как и сохранения стабильности в полиэтническом и поликонфессиональном образовании. Для нормального функционирования любого социума необходима позитивная консолидация, которая формируется благодаря активной гражданской позиции и участию граждан в общественно-политических процессах, а также на основе гражданских институтов.

Многочисленные социологические исследования констатировали сложность явления идентичность, существование в нем двух разнонаправленных компонентов: позитива, в форме государственно-гражданской идентичности и негатива, как выражение существующей в обществе интолерантности, наличие общего врага, что закономерно способствовало бы объединению общества. В этих условиях, осложняемых новыми социально-экономическими проблемами, обеспечение межэтнического

(межнационального) согласия в многообразной России остаётся одной из ключевых задач и государства, и общества¹.

Прежде чем перейти к анализу потенциала межнационального согласия, представляется необходимым обратиться к Стратегии государственной национальной политики, в которой при обозначении её целей, задач и принципов большое внимание уделено понятию «межнациональное (межэтническое) согласие». Исследователи отмечают, что пояснение в скобках связано с тем, что в Стратегии введено понятие политической, гражданской нации – «многонациональный народ России (российская нация)», следовательно, понимание термина «межнациональный мир и согласие» в двух аспектах: как согласие между народами разных стран (британская нация, французская и т. д.), так и между этническими группами, общностями, которые проживают в России. Иными словами, использование термина «межнациональное (межэтническое) согласие» показывает, что речь идет о нации в этнокультурном понимании².

Термин «межэтническое согласие» включает в себе, с точки зрения масштаба и интенсивности социальных контактов представителей разной национальной принадлежности, широкое понимание, хотя его осмысление как взаимодействия людей разных этнических общностей (независимо от того имеют они республики или живут в других субъектах федерации), также предполагает его аналогичное восприятие. В Стратегии национальной политики РФ до 2025 г. приоритетным направлением государственной национальной политики, наряду с другими определено обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений³.

¹ Арутюнова Е.М. Межэтническое согласие в контексте общественно-политических ориентаций (опыт московского региона) // Вестник Института социологии. 2015. № 3(14). С. 94.

² Ресурс межэтнического согласия в Москве [Электронный ресурс] / Рук.проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2014. С. 8.

³ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (19 декабря 2012 г.) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512/page/1> (Дата обращения: 11.01.2018).

Иными словами, содержательная наполненность понятия межнациональное согласие состоит в позитивной межэтнической коммуникации и взаимодействии. Разумеется, обозначение актуальности формирования межэтнического согласия и консолидации в современном российском обществе предполагает развитие принципов толерантности в массовом сознании и поведении, а также культуры межнационального общения, «основанной на толерантности, уважении чести и национального достоинства граждан и нравственных ценностей народов России»¹.

По мнению Л.М. Дробижевой, «межнациональное согласие» – понятие более широкое, чем «позитивные межнациональные отношения» и «толерантность», потому что включает в себя не только благоприятные межнациональные установки, готовность иметь дело с людьми иных национальностей в профессиональной и неформальной сферах общения, но также и ценность диалогового урегулирования противоречивых ситуаций, межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, общее видение образа мира. Все это проявляется в способности людей жить в сложном, многообразном мире, взаимодействовать друг с другом на принципах доверия, равенства и справедливости. В то же время межнациональное согласие может иметь и позитивную, и негативную ориентацию, поэтому крайне важно направить солидаризацию в сторону укрепления «единства в разнообразии» и обеспечения интеграции поликультурного пространства. Последняя понимается как адаптация и включение носителей иной культуры в принимающую среду. Критериями интеграции являются гражданская идентичность, согласованность в представлениях об общих целях развития, основных ценностях и жизненных устремлениях, заинтересованность в целостности государства и межнациональном согласии².

Следует разграничивать два существенно важных явления – межэтническое (межнациональное) согласие и межнациональные отношения, потому что межнациональные отношения реализуют-

¹ Там же.

² Дробижева Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 81.

ся на: 1. институциональном уровне – между Центром и республиками, между республиками, между государственными организациями и общественными объединениями и 2. личностном уровне¹.

В противовес межэтническим отношениям, межнациональное согласие выражается через межличностную коммуникацию и общение, которое заключается в умении поддерживать толерантные установки с представителями иноэтнической и инорелигиозной общности, налаживании позитивного межнационального диалога между разными социальными группами, отличающимися языком, этнокультурой, вероисповеданием, политическими убеждениями и взглядами и т.д. Иными словами, сущность межнационального согласия заключается в ориентации поддерживать принципы доверия, равенства и справедливости в межэтническом взаимодействии.

Помимо внутренних факторов, таких как условия жизни, социальная дифференциация, позитивный или негативный характер межэтнического взаимодействия, потенциал социального продвижения, на характере межэтнического согласия в современном дагестанском обществе отражается состояние межнациональных отношений в целом в республике, наличие/отсутствие этноконфликтов, межнациональной напряженности, которые способны дестабилизировать ситуацию в регионе.

Исследование межнационального согласия закономерно обуславливает изучение государственно-гражданской (российской) идентичности и важнейшее место здесь принадлежит концепциям «этнокультурных границ», «культурной дистанции» Ф. Барта, а также идеям Р. Парка о величине социальной дистанции между представителями разных социальных и этнических общностей, как индикаторов степени солидарности и интегрированности общества. Как известно, подход Ф. Барта является одним из основных принципов конструктивистской парадигмы в иссле-

¹Ресурс межэтнического согласия в Москве [Электронный ресурс] / Рук.проект и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2014. С. 4.

довании идентичности, причем его соединяют с идеями П. Бергера и Т. Лукмана.

Наряду с вышеперечисленными подходами имеет место и теория социального взаимодействия в социальных процессах, согласно которой действующие субъекты учитывают мотивации, желания и цели других людей, причем определяющими в данном процессе, начиная с Т. Парсонса, являются нормы и ценности. Разумеется, сама многонациональность сообщества изначально предполагает существование в обществе противоположных этнических интересов, соответственно, базу возникновения противостояния и конфликтных ситуаций. Вообще социальная напряженность, как таковая без уточнения ее содержания (экономическая, межнациональная, политическая и т.д.), и ситуационная конфликтность по природе своей являются деструктивными явлениями, хотя и редко, но могут иметь и конструктивный характер, обеспечивая позитивное развитие общества. При формировании общественной консолидации необходимо учитывать и принимать во внимание наличие конфликтного потенциала, обусловленного множеством причин, среди которых этнокультурные, региональные и административные факторы.

Специфика методологии замера состояния и характера межэтнического согласия, как основы консолидации, заключается в необходимости измерения, во-первых, уровня доверия в обществе в целом, при глубоком его исследовании и выявлении у каждой конкретно взятой этнической общности, характера межнационального взаимодействия с внутренними и внешними мигрантами через анализ согласованности ответов представителей исследуемых национальностей с оценками социально-экономического и межнационального положения, принимая во внимание следующие индикаторы: этнический конфликт, дискриминация, межэтническое согласие и равенство. Проведение такой работы способно наиболее полно отразить степень согласованности принимающего общества и мигрантов при оценке характера межэтнической коммуникации в конфликтных, равных/неравных и устраивающих все стороны процесса этноконтактирования.

В этносоциологическом исследовании межэтническое согласие и характер межэтнических отношений измеряется следу-

ющими индикаторами: 1. длительное отсутствие чувства враждебности к людям иноэтнической принадлежности (выбор ответа «никогда не чувствую враждебность к людям других национальностей»); 2. готовность принять человека другой этнической группы в качестве партнера в трудовом коллективе, как начальника, соседа, близкого друга; 3. готовность принять людей иной национальности как жителей города, села и, наконец, как гражданина России, что относится к инациональным мигрантам; 4. отказ от применения насилия при регулировании межнациональных споров (ответ «полностью согласен» с тем, что «насилие в межнациональных спорах недопустимо»); 5. признание равноправия людей всех национальностей в России (выбор ответа «Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами»); 6. согласие с поддержкой культуры «меньшинств» (ответ «государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России»); 7. оценка межнациональных отношений в городе/селе проживания как «доброжелательных» и «спокойных»¹.

В исследованиях российских ученых обозначена важность применения социокультурного подхода при изучении межнационального согласия, причем ключевым является измерение его состояния, существующего в массовом сознании уровня доверия к различным общественным сферам. Кроме того, в процессе формирования межнационального согласия важен характер взаимоотношения принимающего общества как с внешними, так и внутренними мигрантами, декларирование значимости интеграции в процессе их адаптации в инокультурном окружении. Существенным при реализации принципов политики интеграции является рассмотрение данного явления как сложного процесса, включающего в себя признание двух взаимосвязанных моментов: во-первых, права и обязательства мигрантов, при одновременном признании таковых и для принимающего общества. Иными словами, принимающее общество берет на себя ответственность в соблюдении формальных прав мигрантов, признание за ними

¹Дробижева Л.М. Межнациональное согласие в политике государства и массовом сознании // Вестник Российской нации. 2015. № 5. С. 111.

права принимать участие в социально-экономической, культурной, политической и иных сферах социума. Во-вторых, в свою очередь, мигранты должны уважать фундаментальные нормы и ценности принимающего общества, одновременно энергично участвуя в самих интеграционных процессах¹.

Типы социальной идентичности и межнациональное согласие

При изучении явления «межнациональное согласие» была отмечена важность рассмотрения типов социальной идентичности, особенно государственно-гражданского, а также стереотипов и предрассудков, их роли и места в формировании толерантности и интолерантности, позитивного и негативного межнационального климата. В современной западной и отечественной науке исследование этничности и этнической идентичности происходит в рамках конструктивистского, инструменталистского и примордиалистского подходов. Если на макроуровне их изучают в русле первых двух теоретических подходов, то на микро- и мезоуровне, по мнению автора, наиболее приемлемым представляется примордиализм поскольку позволяет охватить все стороны этничности и объяснить этнические процессы, происходящие на личностном и групповом уровнях. Также следует отметить, что, например, Л.М. Дробижева придерживается полипарадигмального подхода, который совмещает постулаты примордиализма об устойчивости природы этноса, его объективном происхождении, концепции конструктивизма об изменчивой природе актуализированной («вызванной») этничности в моменты мобилизации членов этнических групп на конфликтные действия, положения инструментализма о возможности использования этничности как политического ресурса, что позволит рассматривать этническую идентичность в целостности, когда она не укладывается в теоретическую схему отдельных современных концептов этничности.

Таким образом, вполне обоснованным является использование конструктивистского и инструменталистского подходов в исследовании характера межнационального взаимодействия,

¹Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 10.

причем они необходимы для понимания роли этнических и политических элит, а также государства в данном процессе.

Исследование феномена «межэтническое согласие» требует изучения характерных для него положительных и отрицательных компонентов и индикаторов, которые могут выступать преградой при консолидации этнических общностей. Для их выявления исследуется система установок, позволяющая определить формы предрассудков, а также формы дискриминации (гендерная, национальная, религиозная, профессиональная и т.д.). Т.е. устанавливаются ориентации на этноконтакты при одновременном нежелании оказать поддержку в той или иной форме и меньшинствам, существование представлений, что этнические меньшинства «получают слишком много»; утверждается равенство национальностей и одновременно наличествуют негативные аттитюды к этническим или расовым меньшинствам¹.

Изучение межнационального согласия предполагает обращение к феномену идентичности и лидирующую позицию здесь занимает государственно-гражданская самоидентификация, потому что «отражением и индикатором интеграционных и консолидационных процессов является общероссийская гражданская идентичность»². Кроме того, важнейшими факторами в процессе формирования межнационального согласия выступают социокультурная структура социума и мобильность индикаторов этнокультурных границ, на основе которых происходит формирование принципов групповой солидарности, иницируются поиски механизмов развития в массовом сознании и поведении толерантных установок в отношении многообразия культур и коммуникации. И таковой выступает, например, гражданская идентичность, причем ракурс социологического изучения направлен на восприятие обществом в его социально-демографическом, этнокультурном и локальном разнообразии идеологием, представлений, ценностей, норм поведения и связей, формируемых в кон-

¹Ресурс межэтнического согласия в Москве [Электронный ресурс] / Рук.проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2014. С. 6.

² Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 8.

цепте гражданской идентичности¹. Авторские исследования, проведенные в 2013 – 2015 гг., констатировали актуализацию республиканской идентичности у дагестанских народов, о чем свидетельствуют полученные на вопрос «**Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?**» результаты: 40,0 % опрошенных дагестанцев характерно осознание себя, в первую очередь, «представителем дагестанского народа»; на второй позиции располагается идентификация с россиянами (31,0 %), при низкой выраженности этнической идентичности (7,9 %). При этом интегрирующую функцию выполняют такие маркеры как «общее государство» (51,6 %), «русский язык – как язык межнационального общения» (39,0 %) и «родная земля, общая территория проживания» (37,3 %)².

Значимость идентичности в процессе формирования и сохранения межнационального согласия обуславливает установление существующих между типами идентичности различий. Так, Р. Дженкинс задается вопросом о том, как отличаются локальные идентичности от этнических, региональные от национальных и т.п., ибо данный процесс связан с категоризацией и масштабом идентичностей. Любая, например, этническая идентичность состоит из сегментов, образующих иерархию. Две группы могут различаться друг от друга в одной ситуации, как А и Б, а в другой ситуации – как В и Г. Каждая из приведенных оппозиций отражает «социальную организацию культурного различия» и включает социально одобряемые личностные идентичности³. Для иллюстрации своего тезиса на примере Новосибирска Р. Дженкинс приводит следующую схему идентичности:

Академгородок – Новосибирск
Город (центр) – область (периферия)
Новосибирск – остальная Сибирь

¹Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. № 1. С. 8.

²Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала: АЛЕФ, 2016. С. 83, 281.

³Дженкинс Р. Глобализация и идентичность: теоретический обзор // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. 2007. № 4. С. 88.

Сибирь – Россия
Россия – Европа
– Америка
– Китай
Ближнее – дальнее зарубежье

Европейцы – туземцы

Кроме того, вышеприведенную схему считает он можно дополнить различием двух форм идентичности – номинальной и действительной. Номинальная [nominal] идентичность – это ярлык, лейбл, наименование, отнесение к определенному классу объектов; действительная [virtual] идентичность связана с практическими последствиями наименования (ярлыка), с действительным отношением к тому лицу, которого наименовали (идентифицировали) определенным образом. В этой перспективе различия, скажем, между местной, региональной и этнической идентичностями лежат в сфере последствий: например, в терминах прав и обязанностей, доступа к социально-экономическим ресурсам или социальному признанию. Региональная идентичность не порождает такого взаимного межличностного признания в отличие от местной идентичности. С точки зрения местного самоуправления, местная идентичность связана с правами и обязанностями – уплатой местных налогов, правом участвовать в местных выборах, которые, например, с этничностью не связаны¹. Поэтому «проблема состоит в том, насколько гражданская идентичность действительно способна объединить социально и этнически дифференцированное общество и насколько она может смягчать межэтнические противоречия, этнический негативизм (негативное восприятие этнического разнообразия)»².

Как известно, распад СССР закономерно приковал внимание к межнациональной сфере, природе этноконфликтов, миграционному процессу и его последствиям, социальному самочувствию мигрантов и принимающего общества. Соответственно, характерные кризисной ситуации дезинтеграционные тенденции обусловили рост научного интереса к изучению данных явлений, вы-

¹ Там же. С. 89.

² Дробужева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. № 1. С. 9.

явлению факторов их порождающих, наряду с этим актуализировав разработку концепций консолидации и интеграции современного полиэтнического российского сообщества. Важность данной проблематики обозначена, как уже неоднократно было отмечено, в официальных документах (Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 г., Стратегия национальной безопасности России, Концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 г.), в которых акцентируется внимание на значимости фактора единства российской нации, государственно-гражданской идентичности, интеграции и консолидации.

В зарубежной науке широкую разработку получили явления «интеграция» и «интеграционные процессы», с мотивацией невозможности образования политических наций без их участия¹. При этом в последнее время и за рубежом, и в России концепция интеграции зачастую рассматривается именно в связи с культурной адаптацией и социально-политическим включением мигрантов в принимающее общество². Рост научного интереса к феномену «интеграция» обусловлен тем, что государственно-гражданская идентичность и ее выраженность констатируют о степени интегрированности социального и полиэтнического пространства российского государства.

В своем исследовании Э.А. Паин, как основные, фундаментальные концепции выделил следующие: 1. коммуникативная концепция, которая связывается прежде всего с именем К. Дейча, утверждавшего, что увеличение объемов и разнообразия контактов, связей и обменов между группами в большей степени, чем другие факторы, стимулирует их объединение на межнациональном и межкультурном уровне; 2. функциональная (или неофункциональная) концепция, главные принципы которой были сформулированы в 1920 – 1930-е гг. Б. Малиновским и А. Редклифом-Брауном и развиты в 1950-е гг. Т. Парсонсом. Согласно ей, основные предпосылки интеграции состоят в месте и роли этнополитических факторов в социальных взаимодействиях и тех функ-

¹ Цит. по: Дробижеева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. № 1. С. 9.

² Дробижеева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. № 1. С. 9.

циях, которые определяют интересы участников интеграции и их ценностные предпочтения; 3. нормативно-ценностная концепция, основы которой были заложены М. Вебером, концентрирует внимание на культурном взаимодействии групп, сближении их ценностей и выработке единых представлений («массовых субъективных убеждений», «субъективной веры») и норм поведения¹. Функциональная (неофункциональная) концепция подхода к интеграции способствует пониманию механизма ее формирования: в первую очередь, именно наличие общих интересов помогает соединить социально и этнически различающихся людей и смягчить их предубеждения. И, наконец, коммуникативная концепция подразумевает рассмотрение разнообразных контактов. К. Дейч был сторонником информационной концепции наций и считал, что как воображаемые сообщества они скрепляют людей общими представлениями и «общей нелюбовью к своим соседям»². В данной теории обозначена значимость взаимоотношений общества и государства, потому что политическая нация представляет собой народ, овладевший государством, а идентичность выступает как понимание политического сообщества представителями различных этнических общностей, при котором наблюдается сглаживание имеющихся культурных границ, а не выпячивание отличий между ними.

Теория контакта

Ориентированность на исследование и установление механизма понижения межнациональной напряженности, при декларации принципа интеграции полиэтнического общества предполагает применение теории контакта, которая возникла в зарубежных научных школах как одна из возможных путей смягчения характерного западным государствам расизма, и как инструмент интеграции в многонациональном сообществе. Исследования контакта – научная традиция, корни которой уходят в историю борьбы против расизма в США. Основное теоретическое поло-

¹ См.: Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН. 2004.

² Дробужева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. № 1. С. 10.

жение, сформулированное в рамках этой традиции, заключается в утверждении, что контакт между людьми из разных социальных групп способствует снижению взаимной негативной стереотипизации¹.

При исследовании природы и базы формирования межнационального согласия, наряду с формами идентичности, следует обратить внимание и на роль предрассудков и стереотипов, которые определяют тип этнической идентичности (пассивный/деструктивный), ибо от их характера и степени выраженности зависит межнациональный климат: в ситуации доминирования в массовом сознании агрессивных и отрицательных гетеростереотипов характер этноконтактов будет носить негативный оттенок и, наоборот.

Если обратиться к работе Г. Оллпорта, то в исследовании «Природа предрассудка» (1954 г.) им была предложена гипотеза контакта, согласно которой контакт действительно выполняет ключевую роль в характеристиках и выраженности предрассудков, хотя у разных людей в различных ситуациях он будет проявляться по-разному. При этом определенную роль в смягчении содержания предрассудка способен выполнить контакт. Однако, рассматривая явление «контакт» следует иметь в виду его частотность, интенсивность, длительность и количество вовлеченных в данный процесс. Кроме того, на содержание контакта существенно влияет и статус взаимодействующих групп: представители высокостатусных групп могут быть менее ориентированы на поддержание контактов любой формы (дружеской, деловой, политической, экономической и т.д.) с прослойкой, которая имеет более низкий статус. Важно и то, какой тип взаимодействий обеспечивает контакт: конкурируют между собой представители разных групп или сотрудничают, а также равны ли их ролевые позиции или они общаются в границах «хозяин – слуга», «начальник – подчиненный» и т.д. Очевидно, определенную роль здесь играют институциональный и нормативный контексты: одобряются или порицаются на уровне общества в целом сегрегация и предрассудки, а также в какой степени законодательство,

¹ Варшавер Е.А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 184.

регулирующее отношения на данной территории, способствует или препятствует сегрегации. На основании обобщения существовавших на тот момент результатов эмпирических исследований Г. Оллпорт делает вывод, согласно которому контакт является важным фактором снижения предрассудков. Однако, для того чтобы он сработал таким образом, необходим ряд условий: «предрассудок (если только он не укоренен глубоко в структуре личности индивида) может быть снижен равностатусным контактом между представителями большинства и меньшинства на пути к достижению общих целей. Эффект контакта может быть существенно усилен, если он имеет институциональную поддержку (т.е. закон, традиция или общее настроение способствуют контакту) и содействует пониманию общей природы и общности интересов этих групп»¹.

В дальнейшем научные положения Г. Оллпорта были продолжены в работах М. Хьюстона и Г. Ходсона, выделивших четыре оптимальных условия контакта: 1. равный статус участников контакта по отношению к власти, влиянию и социального престижа; 2. общие цели участников контакта; 3. сотрудничество между группами; 4. институциональная поддержка межгрупповых взаимодействий, которая может быть связана с функционированием разного рода общественных институтов. Таким образом, заслугой Г. Оллпорта является установление роли контакта между представителями различных групп в ослаблении стереотипов о противоположной группе и в данном процессе ключевую роль призваны сыграть вышеприведенные условия.

Теория контакта нашла свою дальнейшую разработку под разным углом зрения в исследованиях Т. Петтигрю («Теория межгруппового контакта»): ему удалось заложить базу для каталогизации знаний о контакте между группами. Кроме того, Т. Петтигрю и Л. Тропп провели метаанализ 515 работ, посвященных этой проблеме, который стал наиболее важным тестом этой теории: они показали, что в среднем значимая корреляция между контактом и силой предрассудка составляет $r=0,21$, что доказывает гипотезу Г. Оллпорта. В 2011 г. в соавторстве с Г. Свартом

¹ Варшавер Е.А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 186.

вышла статья М. Хьюстона «Пятьдесят с небольшим лет межгрупповому контакту: от гипотезы до интегрированной теории», в которой также представлен обзор того, что сделано в рамках направления, заданного Г. Оллпортом. В 2012 г. выходит коллективная монография под редакцией Г. Ходсона и М. Хьюстона «Продвижение в межгрупповом контакте», в которой каждая глава посвящена той или иной проблеме, лежащей в русле теории, и сформулированы направления дальнейших исследований. В том же году появляется книга Т. Петтигрю и Л. Тропп «Когда встречаются группы: динамика межгруппового контакта», написанная по мотивам метаанализа со значительной детализацией тезисов, сформулированных в статье. Проблемы, которые исследователи формулируют и частью разрешают, а частью оставляют их разрешение на будущее, вобщем-то схожи¹.

Обобщая исследования переменных, объясняющих этнические предубеждения и предрассудки в разных странах, этнокультурных и политических контекстах, Т. Петтигрю и Л. Тропп выделили следующие из них: а) переменные социального контекста (например, величина населенного пункта, численность населения, процент мигрантов, уровень образования населения, уровень безработицы); б) показатели, характеризующие социальные, социально-демографические позиции контактирующих групп; в) политические переменные (например, авторитаризм или ориентация на доминирование); г) персональные переменные; д) переменные, связанные с идентичностью; е) показатели, описывающие субъективно воспринимаемую угрозу; ж) переменные, связанные с персональным опытом².

На основе анализа теории контакта и его разработок в западной науке Е.А. Варшавер считает доказанным связанность факта межгруппового контакта с выраженностью предрассудка,

¹ Варшавер Е.А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 191.

² Цит. по: Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 21.

хотя связь не очень сильная (r в разных исследованиях редко достигает значения 0,3), но воспроизводящаяся во многих сотнях исследований. Кроме того, в русле исследований контакта были изучены многие другие факторы, на основе которых: 1. установлено, что оптимальные условия контакта, сформулированные Г. Олпортом, важны лишь отчасти. Если общие цели у контактирующих, а также институциональная поддержка контакта действительно являются существенным условием ослабления стереотипа, равный статус групп, вовлеченных в контакт, таковым не является за эмпирической невозможностью его выполнения, а подчеркивание общего у групп может даже навредить, например, в том случае, если по значимым характеристикам группы на самом деле не равны; 2. исследованы механизмы, благодаря которым существует связь между контактом и стереотипом. Два механизма – эмпатия и снижение тревожности – являются ключевыми в ослаблении стереотипов, а вот роль получения в ходе контакта информации о противоположной группе в части ослабления стереотипа переоценена; 3. доказано, что происходит генерализация эффекта контакта, т.е. экстраполяция представлений, полученных в ходе общения с конкретным индивидом, распространяется на всю его группу, при этом объектами генерализации являются как основная группа индивида, так и группы, с которыми в представлении контактирующих эта группа связана; 4. обнаружено, что ослабление стереотипа связано с двумя типами непрямого контакта – расширенным, в рамках которого контактирует другой член ингруппы, и воображенным, в рамках которого общение происходит лишь в сознании человека; 5. выяснилось, что контакт по-разному воздействует на большинство и меньшинство: представители большинства в большей степени подвержены эффектам контакта, более того, различаются даже темы, которые в ходе контакта хотели бы обсуждать представители большинства и меньшинства; 6. продемонстрировано, что негативный контакт имеет больший эффект, чем позитивный, т.е. выраженность стереотипа при негативном контакте повышается сильнее, чем понижается при позитивном; 7. контакт имеет влияние и на людей с ярко выраженными предрассудками: они редко контактируют по собственной инициативе, однако, если контакт был осуществлен, шанс, что он изменит установку такого инди-

вида, выше, чем если бы контактировал человек со слабовыраженным стереотипом; 8. контакт – не единственная переменная, объясняющая выраженность стереотипа. Наряду с контактом такими переменными являются возраст, воспринимаемая релятивная депривация, авторитарные установки, установки на социальное доминирование и др.¹.

Ключевым в исследовании является установления существования не только в научном сообществе понимания содержания феномена «межнациональное согласие», но и, вкладываемый в него массовым сознанием смысл. Поэтому в социологическом исследовании² данному вопросу было уделено внимание (см. табл. № 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «**Что Вы понимаете под явлением "межнациональное согласие"?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Уважение национальной культуры (языка, традиций, обычаев) всех народов	Решение межнациональных конфликтов исключительно мирным путем	Уважение вероисповедания других людей (православие, иудаизм, католичество, протестан-	Решение межрелигиозных и внутрирелигиозных конфликтов исключительно мирным путем, с целью недопуще-	Проживание в согласии и мире с представителями других народов и вероисповеданий
---	---	--	--	--	--

¹ Варшавер Е.А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 205.

² Социологическое исследование по изучению ресурса межнационального согласия в современном дагестанском обществе проведено в 2018 г. в гг. Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Казбековском, Кайтагском, Кизилюртовском, Кизлярском и Хасавюртовском районах методом случайного отбора. N – 789.

	дов		тизм, буддизм и т.д.)	ния про- тивостоя- ния между народами	
Аварцы	66,7	35,8	25,5	37,6	53,9
Азербай- джанцы	38,5	30,8	7,7	38,5	15,4
Даргин- цы	50,6	46,7	31,7	41,7	36,7
Кумыки	60,3	31,0	15,5	37,9	44,8
Лакцы	63,3	32,9	21,5	49,4	46,8
Лезгины	59,4	34,8	13,0	26,1	50,7
Русские	55,9	26,5	47,1	32,4	47,1
Чеченцы	56,0	30,0	18,0	20,0	34,0
Другие	61,5	15,4	19,2	34,6	65,4
Всего:	60,3	33,8	22,9	36,3	47,1

Полученные результаты исследования показывают доминирование в массовом сознании дагестанцев позиции, рассматривающей межнациональное согласие как «уважение национальной культуры (языка, традиций, обычаев) всех народов» (больше половины опрошенных), хотя выделяется подгруппа азербайджанцев, доля которых заметно меньше, по сравнению с другими подмассивами. На втором месте располагается суждение, понимающее под межнациональным согласием «проживание в согласии и мире с представителями других народов и вероисповеданий» и оно ближе одной второй части опрошенных по всему массиву, причем заметно больше доля отметивших его в подгруппе аварцев и лезгин. Третье ранговое место занимает вариант, сутью межнационального согласия считающий «решение межрелигиозных и внутрирелигиозных конфликтов исключительно мирным путем, с целью недопущения противостояния между народами» и, по сравнению с другими этническими общностями, доля выбравших его превалирует в подмассиве лакцев и даргинцев. На необходимость решения межнациональных конфликтов исключительно мирным путем указывает одна треть респондентов по всему массиву. На пятом месте находится вариант ответа, вкла-

дывающий в межнациональное согласие важность «уважения вероисповедания других людей (православие, иудаизм, католичество, протестантизм, буддизм и т.д.)».

В нашем исследовании интерес представляет понимание явления «межнациональное согласие» сквозь призму социально-демографических признаков. Так, по образовательному статусу доля, рассматривающих межнациональное согласие как «уважение национальной культуры (языка, традиций, обычаев) всех народов» с повышением образовательного статуса респондентов снижается от 63,5 % со средним образованием до 59,1 % с высшим образованием. При этом можно констатировать рост количества респондентов понимающих межнациональное согласие как «проживание в согласии и мире с представителями других народов и вероисповеданий» – 41,3 % со средним, 44,5 % средним специальным и 52,4 % высшим образованием. Первое суждение по возрастному признаку отмечено 70,5 % опрошенных в когорте «от 50 до 60 лет», в то время как в остальных подгруппах их доля существенно меньше: от 54,5 % в разрезе «от 20 до 30 лет» до 56,0 % «от 60 лет и выше». Полученные на этот вопрос результаты исследования позволяют сделать однозначный вывод о том, что в массовом сознании дагестанцев существенных отличий в понимании содержания «межнациональное согласие» не выявлено и позиции равномерно распределились по национальному, возрастному и образовательному признакам.

Иными словами, под межнациональным согласием опрошенные понимают уважение культуры любой этнической и религиозной общности, а также решение межнациональных и межрелигиозных споров исключительно мирным путем. Такое осмысление данного явления вполне согласуется с имеющимся в отечественной этносоциологии его пониманием как способности государства обеспечить реализацию жизненно важных интересов личности, всего общества в его этническом разнообразии, мобилизации ресурсов для принятия решений, удовлетворяющих основных участников взаимодействий¹. Вместе с тем, необходимо учесть миссию государственно-гражданской (российской) иден-

¹Дробижева Л.М. Межнациональное согласие в политике государства и массовом сознании // Вестник Российской нации. 2015. № 5. С. 125.

тичности в решении различных проблем. Так она существенную роль выполняет в объединении представителей разных этнических общностей, хотя и не в состоянии найти решение всем появляющимся в процессе межнациональной коммуникации острым проблемам, особенно в ситуации, когда и сами проблемы могут носить узкий характер и быть исключительно внутренними: например, определение этнополитического статуса этнических групп (данный вопрос очень остро стоит для малочисленных дагестанских народов, особенно четко его обозначают андийцы, ахвахцы и цезы), обеспечение равных возможностей при трудоустройстве, получении качественного образования и медицинской помощи, сохранении этнокультурной самобытности и т.д. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и такой важнейший фактор как внутренняя и внешняя миграция, которая способна существенно ухудшить межнациональный климат и дестабилизировать межэтническую ситуацию в целом в Дагестане. Более того, наличие интолерантности в массовом сознании представителей принимающего общества, впрочем, как и нежелание самих мигрантов адаптироваться в инокультурной среде, очень часто противопоставление национальных традиций и обычаев, уклада жизни мигрантов местной этнокультуре негативно отражается на состоянии межнациональной сферы и характере межличностного взаимодействия.

Сложность формирования межнационального согласия в полиэтническом образовании, каковым является Дагестан, наличие национальных проблем, которые невозможно решить одномоментно, потому что существует длительная историческая составляющая, требует выявления факторов, выполняющих деструктивную роль в формировании межнационального согласия. Тем более их установление актуально по причине того, что это позволит мирно, без применения насилия, решить сложные вопросы, выявить болезненные сферы, а также предотвратить появление очагов межнационального противостояния и напряженности в современном дагестанском обществе. А почва для этого имеется – это сложная социально-экономическая ситуация в республике, проблема трудоустройства особенно молодежи, безработица, нерешенность этнических проблем малочисленных и репрессированных народов, территориальные споры и т.д.

Таким образом, в процессе формирования межнационального согласия важную роль выполняет межэтнический диалог и контакты индивида в разных сферах социального взаимодействия, частотность и ориентация на их поддержание или игнорирование. Проведенный анализ явления «межнациональное согласие» показывает сложность самого понятия, существование различных концепций и подходов в его изучении, роль социального контакта, как одного из важнейших факторов, в формировании позитивного межнационального согласия, впрочем, как и деструктивного параметра. Кроме того, существенным фактором в межнациональном согласии является тип (позитивный или негативный), характер и частотность контактов (интенсивные или неинтенсивные). Причем межнациональная коммуникация выполняет двоякую роль – она способна как ослабить, так и усилить существующие негативные этностереотипы. В такой ситуации возрастает роль не только государства, как органа призванного защищать интересы и права всех граждан независимо от национальной принадлежности, вероисповедания, политических ориентаций, гендерной принадлежности и т.д., но и самого общества, общественных организаций, институтов, которые в совокупности могут формировать в массовом сознании и поведении граждан позитивные межнациональные и межрелигиозные установки и ценности.

Согласие в современном обществе проявляется через нацеленность людей на мирное сосуществование, совместное проживание и межнациональную коммуникацию, налаживание позитивного диалога на основе принципов равенства, социальной справедливости, доверия и толерантности. Готовность к межнациональному взаимодействию независимо от этнической, религиозной и иной принадлежности человека, существование уважительного отношения к этнокультурному многообразию являются базовыми установками толерантности.

Динамичность, социокультурная структура современного российского общества обуславливает появление определенных этнокультурных границ, что актуализируют формирование механизма способного обеспечить мирное сосуществование представителей разных этнических и религиозных общностей в рамках единого политико-правового пространства. Ключевую роль в по-

держании межэтнической и межрелигиозной толерантности, позитивного межэтнического климата, сохранении единства способна выполнить межнациональное согласие, несмотря на сложность как самого феномена, так и составных его компонентов, благодаря которым возможно вообще его развитие, формирование и стабильность.

Шахбанова М. М.

УСТАНОВКИ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

Аннотация: В статье излагается состояние веротерпимости и существующие в общественном сознании горских евреев толерантные установки. Эмпирические данные показывают, что подавляющее большинство респондентов демонстрирует толерантные установки при обозначении социокультурной дистанции в семейно-брачной сфере. Установлено, что если в случаях знакомства, выбора круга друзей и места жительства конфессиональный фактор значительной роли не играет, то в семейно-брачной сфере, тесно связанной с конфессионально-культурными традициями горских евреев, опрошенные демонстрируют гораздо больший консерватизм. Тем самым стремление к толерантным взаимоотношениям с носителями иного вероисповедания и этнической принадлежности у них сопровождается с ориентацией на сохранение своей этноконфессиональной идентичности.

Ключевые слова: веротерпимость, горские евреи, иудаизм, религия, религиозная ситуация, религиозная толерантность.

Происходящие в мире трансформационные процессы, видоизменение всего привычного облика социального мироздания приводят к поиску как отдельными личностями, так и социокультурными образованиями новых стратегий и алгоритмов взаимодействия. В современном подвижном и неопределённом мире, когда государства перестают быть прочными и стабильными субъектами мировой по-

литики, именно социокультурные образования берут на себя функции участников диалога¹.

Проблема формирования и поддержания межрелигиозной толерантности приобретает особую значимость в современном российском обществе в силу происходящих в религиозной сфере сложных и противоречивых процессов. При исследовании места и роли исповедуемой религии в формировании веротерпимости важным является теория Д. Горовица², в рамках которой он исследует связь статуса группы и религии как одного из способов легитимации права управления определенной территорией. Им предложена концепция, объясняющая процесс борьбы национальных групп в многонациональном социуме за статус, эксклюзивные или инклюзивные права, отстаивающие данный статус.

Если обратиться к имеющимся в научной литературе концепциям, то идея образования культуры, базирующейся на национальных символах, для создания этнического государства в будущем принадлежит Э. Геллнеру³, который придерживался позиции, что для образования нации необходимо совпадение границ культурных и политических, поэтому наличие культурного содержания делает неизбежным появление политических границ и, напротив, наличие политических границ является стимулом для их заполнения уникальной культурой⁴. Также имеются разработки, в русле которых рассматривают роль религии как инструмента националистической борьбы, в частности, работы Дж. Банхарта⁵, Д. Биллингза и Б. Скотта⁶, Б. Линкольна⁷ и др. По мнению Г.Н. Юсуповой, «почти все эти

¹Мчедлова М.М. Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 10.

²Horowitz D.L. *Ethnic groups in conflict*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1985.

³Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Нации и национализм / Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславской, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского*. М.: Праксис, 2002.

⁴Там же.

⁵Barnhart J. *The Incurably religious animal in Sahliyah*. New York: State University of New York Press, 1990. Pp. 27 – 32.

⁶Billings D.B., Scott S.L. Religion and political legitimating // *Annual Review of Sociology*, 1994.

⁷Lincoln B. *Religion, rebellion, revolution*. London: Macmillan, 1985.

работы слабо теоретизированы и ограничиваются лишь несколькими классификациями роли религии в националистическом движении, завершая анализ общими выводами, что националистические или сепаратистские тенденции могут распространяться и возрождаться при помощи религии»¹.

В своих исследованиях Р. Брубейкер, при анализе взаимосвязи религии и национализма, выделил 4 основных подхода: 1. религия и национализм являются родственными явлениями; 2. религия объясняет национализм; 3. религия выступает как часть национализма; 4. религия есть как форма национализма². Кроме того, Р. Брубейкер в религии усматривает потенциал обеспечения сути национализма, консолидации государства, территории и культуры.

Для многих этнических образований конфессиональный фактор представляется неотделимой частью культуры, более того, религия в латентной форме существует внутри любой культуры и в нужный момент способна себя выразить. Если обратиться к западным исследователям, то можно встретить различные подходы исследования взаимосвязи религии с иными социокультурными сферами. Например, Р. Вильямс анализирует религию в 2 ракурсах – во-первых, как культуру, во-вторых, как идеологию³.

Роль религиозного фактора в формировании разных типов социальной идентичности, консолидации представителей этнической группы, воздействия на нравственные взаимоотношения членов группы, а также в активизации религиозного поведения верующих не вызывает сомнения у религиоведов. Кроме того, отмечается, что религия как идеология оказывает влияние на политическую сферу, ибо активна в формировании символических миров. В различных аспектах политические конкуренты апеллируют к «культурной власти» религиозных символов, вынуждая их трудиться на общественную повестку дня⁴.

¹ Юсупова Г.Н. Борьба этнических групп за статус. Роль религии // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 145.

² Brubaker R. Religion and nationalism: Four approaches [online]. Date of access 25.08.2012. URL: <<http://www.sscnet.ucla.edu/soc/faculty/brubaker/>>.

³ Williams R.H. Religion as a political resource: Culture or ideology? // Journal for the Scientific Study of Religion. Vol. 35.No. 4. Dec. 1996.

⁴ Demerath N.J., Williams R.H. A bridging of faiths: Religion and politics in a New England City. Princeton: Princeton University Press, 1992.

П. Бергер рассматривает религию как силу, способную одновременно объединять и ломать существующий мировой порядок, узаконить или трансформировать власть и привилегии определенной группы¹. Конфликты с конфессиональным оттенком могут исследоваться как способы политической легитимации групповых требований, оформленные под религиозные движения², более того, религиозные активисты могут бороться за легитимацию требований той религиозной группы, к которой они принадлежат, осуществляя это больше по политическим правилам³.

Современные исследователи по-прежнему обращаются к идеям Дюркгейма, в частности А. Нарензаян утверждает, что религия «объединяет по таким принципам как верность общине и готовность жертвовать личными интересами ради общества. Кроме того, выживаемость религиозных (но не светских) общин напрямую зависит от строгости устава. Чем больше ограничений накладывала община на своих членов, и чем более сложные ритуалы им приходилось выполнять, тем дольше существовала»⁴. Далее, по мнению Э. Дюркгейма, «в основе всех систем верований и всех культов с необходимостью должно существовать некоторое число основных представлений и ритуальных установок, которые, несмотря на все возможное разнообразие принимаемых ими форм, везде имеют одно и то же объективное значение и выполняют одинаковые функции. Это постоянные элементы, образующие в религии то, что есть в ней вечного и человеческого; они составляют объективное содержание идеи, которую выражают, когда говорят о *религии* вообще»⁵. Иными словами, он под религией понимает «единую систему верований и действий, относя-

¹ Berger P.L. The sacred canopy: Elements of a sociological theory of religion. Garden City, NY: Doubleday, 1967.

² Billings D.B., Scott S.L. Religion and political legitimating // Annual Review of Sociology, 1994.

³ Demerath N.J., Williams R.H. A bridging of faiths: Religion and politics in a New England City. Princeton: Princeton University Press, 1992; Hunter J.D. Culture wars: The struggle to define America. New York: Basic Books, 1991.

⁴ Цит. по: Лаговский В. На земле наступает безбожная эра? // Комсомольская правда. 2011. 2 апреля.

⁵ Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Сост. и общ.ред. А.Н. Красникова. М., 1998. С. 180.

щихся к священным, т.е. к отделенным, запрещенным вещам; верований и действий, объединяющих в одну нравственную общину, называемую Церковью, всех тех, кто им привержен»¹.

По мнению Г.Н. Юсуповой, «адаптация происходит посредством контроля религии над жизнью людей и осуществляется главным образом через запрет на межэтнические браки. Религиозное сообщество незаметно влияет на этническую дифференциацию через запрет выбора брачного партнера в иной среде»². Иными словами, существование в рамках многонационального образования особого вероисповедания представляется фактором обозначения социокультурной дистанции, т.е. вероучение способно выполнить консолидирующую этническое образование роль, ибо обладает двойственной функцией – как «апологию и легитимацию статус-кво с одной стороны, и как способ протеста, изменения и либерализации, с другой стороны»³.

Российский опыт многовекового совместного бытия разных конфессий и религий показывает необходимость поиска средств и путей, обеспечивающих комфортное и уважительное их сосуществование. Среди прочего тут важно видеть различие между объективными процессами углубления научно-технического, информационного сотрудничества и опасностями унификации, обезличивающей народы, экономической и политической интеграции, ставящей под вопрос сохранение их «особости». Во все времена попытки нивелировать культурно-духовные и религиозные идентичности вызывали сопротивление у их носителей.

В течение длительного периода времени, практика толерантного сосуществования различных религий и этносов при сохранении их самобытности значительно углубилась. Ныне цивилизованный мир видит основное требование толерантной культуры в следующем: беспрепятственное исповедание каждым гражданином, общественной группой свободно избранных нравственных, социально-политических, мировоззренческих предпочтений,

¹ Там же. С. 229 – 230.

² Юсупова Г.Н. Борьба этнических групп за статус. Роль религии // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 155.

³ Billings D.B., Scott S.L. Religion and political legitimating // Annual Review of Sociology, 1994.

лояльное, терпимое, не враждебное и уважительное отношение к аналогичному выбору других. Толерантность базируется на признании, уважении прав и свобод всех людей и общностей; она является признаком уверенности человека в надежности своих позиций, отсутствии боязни сравнения и конкуренции с другими воззрениями, боязни утратить свойственные ему различия¹.

При исследовании роли религиозной идентичности в социально-политической жизни, будь то мирный или острый конфликтный период, важно исходить из того, что в основе противостояний, столкновений, конфликтов лежат реальные социально-экономические и политические факторы. Степень же воздействия религиозной идентичности акторов этих противостояний на происходящие процессы зависит от исторических условий, особенностей социально-политического строя, демократических и культурных традиций данного общества, от уровня правового и нравственного развития его членов, амбиций его лидеров, нередко представляющих собственные интересы в качестве интересов всей культурной общности. Религия, не будучи при этом первопричиной, лишь дает дополнительный импульс, мобилизует, сплачивает участников движений, придает им определенную устойчивость и целенаправленность². При этом важным является понимание того, что, в свою очередь, глубина и характер влияния религиозной идентичности на другие типы социальной идентичности зависят от региональных, этнических, конфессиональных, социальных, политических особенностей различных групп населения³.

По мнению А. Малашенко, в нынешней России сложились весьма благоприятные условия не для формирования религиозной толерантности, а для распространения религиозной нетерпимости. Поэтому для ее смягчения «необходимы общие усилия политиков, экспертов, представителей духовенства, от которых

¹Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М., 2005. С. 364 – 365.

²Мчедлов М.П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межкультурных контактах // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 40.

³ Там же.

требуются не только объективность, постоянная тактичность, но и глубокое проникновение в суть каждого отдельно связанного с ксенофобскими чувствами вопроса»¹.

Многовековые традиции совместного проживания, культурно-бытовой и хозяйственной близости этносов, принадлежащих различным конфессионально-культурным общностям во многом являются определяющими в формировании веротерпимости², поэтому Россия является для всего мира примером межконфессионального согласия, потому что она занимает особое место в мире и относится как к западным, так и восточным моделям цивилизации³. Если в целом в России состояние религиозной толерантности характеризуют негативно, то, например, в Дагестане ни в социалистический, ни в постсоветский период не наблюдалось межконфессиональное противостояние, не говоря об открытых межрелигиозных конфликтах, хотя республика обладает отличиями в религиозной сфере в силу своей многонациональности и поликонфессиональности. По мнению Ф. Паркина, практики исключения часто оправдываются примерами имеющих отличий между вероучениями, цветом кожи, языков⁴. С. Апплеби подчеркивает, что «религия и этническая принадлежность часто взаимосвязаны и взаимно влияют друг на друга»⁵, потому что очень часто ключевым при заключении брачного союза выступает конфессиональная принадлежность брачного партнера⁶. Если обратиться к резуль-

¹ Цит. по: Жаде З.А., Куква Е.С., Ляшова С.А., Шадже А.Ю. Российская идентичность на Северном Кавказе. М. – Майкоп, 2010. С. 137.

² Мчедлов М.П., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Мировоззренческие предпочтения и национальные различия // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 95.

³ Исламские новости // Наука и религия. 2006. № 9. С. 36.

⁴ Parkin F. The social analysis of class structure. London: Tavistock Publications, 1974. P. 122.

⁵ Appleby R.S. The ambivalence of the sacred: Religion, violence, and reconciliation. New York: Rowman & Littlefield, 2000. P. 61.

⁶ Загирова Э.М. Роль религиозного компонента в семейно-брачных установках дагестанских народов // Диалог культур в глобализирующемся мире. Диалог культур и культура диалога: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / Под ред. В.Э. Манаповой, О.С. Мутиевой. Махачкала: АЛЕФ, 2015; Самыгин С.И., Верещагина А.В., Загирова Э.М. Традиционная семья: специфика со-

татам социологического опроса, то такая тенденция была установлена в поведении горских евреев (см. табл. № 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «**Имеет ли для Вас значение религиозная принадлежность человека...?**» (варианты ответов даны в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов	Да	Нет
При выборе будущего супруга (-и)	84,2	14,8
При выборе супруги (-а) Ваших детей	82,8	16,0
При выборе коллеги по работе	30,8	65,2
При выборе друзей	54,4	42,6
При выборе места жительства	21,2	76,5
При выборе непосредственного начальника	42,1	55,5
При выборе соседа по дому (квартире)	33,9	62,8

Полученные результаты показывают существование в массовом сознании горских евреев ярко выраженной социальной дистанцированности именно в семейно-брачной сфере, а также в дружеском общении, в то время как в остальных социальных сферах ее позиции заметно слабые. Анализ эмпирических данных по социально-демографическим параметрам показывает, что для 43,2 % женщин, возрастным когортам «от 20 до 30 лет» (40,9 %) и «от 50 до 60 лет» (38,0 %) важна религиозная принадлежность коллеги по работе в противовес 21,5 % мужчин, респондентам «до 20 лет» (26,9 %) и имеющим высокий образовательный статус (22,2 %). Опрошенные со средним и специальным образованием подчеркивают значимость конфессиональной принадлежности коллеги по работе – 42,9 % и 44,8 %, соответственно. Далее, при выборе друзей религиозная принадлежность не имеет значения для возрастного подмассива «до 20 лет» (61,5 %), в то время как для остальных подгрупп она важна: 45,5 % «от 20 до 30

циологического дискурса и методологические приоритеты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12; Загирова Э.М. Отношение дагестанских народов к гражданскому браку (по результатам социологического исследования) // LogosetPraxis. 2017. Т. 16. № 2; Загирова Э.М. Семейно-брачные установки горских евреев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3.

лет», 40,8 % «от 30 до 40 лет», 69,0 % «от 40 до 50 лет», 50,0 % «от 50 до 60 лет» и 47,1 % «от 60 лет и выше». В сравнении с остальными индикаторами, социальная дистанция менее всего выражена при выборе места проживания: при сопоставлении с другими подгруппами выделяются респонденты в разрезе «от 20 до 30 лет» (27,3 %) и «от 60 лет и выше» (26,5 %). На важность конфессиональной принадлежности непосредственного начальника указывает наибольший процент опрошенных в когорте «от 40 до 50 лет» (62,6 %).

В рамках данного исследования представляется необходимым отдельно изложить существующие в отношении семейно-брачной сферы установки. Ранее было отмечено, что опрошенные горские евреи обозначают важность религиозной принадлежности будущего брачного партнера для себя: по возрасту данную позицию разделяют 73,1 % опрошенных «до 20 лет», 86,4 % «от 20 до 30 лет», 78,9 % «от 30 до 40 лет», 91,4 % «от 40 до 50 лет», 80,0 % «от 50 до 60 лет» и 70,6 % «от 60 лет и выше», т.е. можно констатировать важность религиозной принадлежности для респондентов независимо от возраста. Далее, значимость конфессиональной принадлежности при заключении брачного союза своими детьми подмечена 73,1 % респондентов «до 20 лет», 84,8 % «от 20 до 30 лет», 77,5 % «от 30 до 40 лет», 90,2 % «от 40 до 50 лет», 80,0 % «от 50 до 60 лет» и 64,7 % «от 60 лет и выше».

Последовательная позиция горских евреев в отношении межрелигиозной брачности прослеживается через полученные на «контрольный вопрос» **«Вы допускаете возможность заключения брака с человеком другой религиозной принадлежности?»** эмпирические данные – утвердительно на него ответили 21,2 % в противовес 76,0 % опрошенных. По возрасту против межконфессионального брака выступают 69,2% респондентов в когорте «до 20 лет», 80,3 % «от 20 до 30 лет», 62,0 % «от 30 до 40 лет», 89,7 % «от 40 до 50 лет», 60,0 % «от 50 до 60 лет» и 55,9 % «от 60 лет и выше», по типу религиозности доля таковых среди «убежденно верующих», «верующих» и «колеблющихся» составляет 90,9 %, 86,9 % и 57,9 %, соответственно.

Таким образом, полученные результаты исследования констатируют существование ярко выраженной социальной дистанцированности горских евреев в семейно-брачной сфере, что

вполне объяснимо, ибо она изначально является консервативной по природе своей областью, а также потому что «стремясь к религиозной эндогамии, группа, проживающая в полиэтническом сообществе, воспроизводит этническую эндогамию»¹.

Далее в нашем исследовании внимание было уделено установлению существующих в массовом сознании горских евреев оценки состояния религиозной сферы. Так, результаты, полученные на вопрос **«Как Вы оцениваете религиозную ситуацию на территории своего проживания?»** показывают, что 79,1 % характеризуют ее как мирную, 12,0 % считают напряженной, 7,3 % мирной, но «с некоторыми моментами сохранения напряженности во взаимоотношениях между верующими» и откровенно конфликтной называет статистически меньшая часть респондентов (1,6 %).

Для установления выполняемых религией в современном обществе функций респондентам был задан вопрос **«С какой сферой общественной жизни Вы связываете деятельность религиозных организаций?»**. Полученные данные показывают, что 82,1 % опрошенных основные функции религии видят в ее чисто конфессиональной деятельности, 58,1 % связывают с духовно-нравственным воспитанием подрастающего поколения и 26,4 % со сферой милосердия и благотворительности. Существенно меньшая доля опрошенных горских евреев отмечает роль религии в разрешении межэтнического противостояния и этноконфликтов (4,5 %), а также в установлении межрелигиозного диалога (7,1 %). Обращает на себя внимание, что респонденты независимо от образовательного статуса усматривают роль религиозных организаций именно в осуществлении своего прямого предназначения – конфессиональной деятельности и данной позиции придерживаются 82,5 % опрошенных со средним, 83,8 % средним специальным и 81,3 % высшим образованием. Можно констатировать увеличение с повышением образовательного статуса респондентов доли придерживающихся позиции, что одной из функций культовых учреждений является духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения (42,9 % со средним, 54,3 % средним специальным и 63,4 % высшим образованием).

¹ Юсупова Г.Н. Борьба этнических групп за статус. Роль религии // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 154.

Переосмысление роли религии в современном мире и религиозного фактора в объяснительных схемах мирового общественного развития связано и с отмеченными изменениями в социальной ткани, и с видоизменением религиозного фактора как такового. Политизация религии и конфессионализация политики требуют отхода от традиционных эпистемологических рамок рассмотрения соотношения религии и общества, религии и политики. Во многом сами понятия религии и религиозного фактора приобретают иное референтное звучание, отражающее их новое прочтение и проявление¹. Так, по результатам нашего исследования почти одинаковая доля респондентов придерживается суждений «мой народ должен строить общество, основанное на религиозных ценностях и традициях моего народа» (49,9 %) и «мой народ должен строить общество, основанное на общечеловеческих ценностях, которые признаются всеми, независимо от национальности и религии» (48,9 %). При этом среди респондентов с высшим образованием, в сравнении с другими подгруппами, больше придерживающихся первого суждения (56,8 %), а вторую позицию разделяют 60,0 % имеющих среднее образование. Разумеется, по типу религиозности «убежденно верующие» и «верующие» хотят жить в теократическом обществе, в то время как 86,8 % «колеблющихся» и по 100 % из подмассива «неверующих» и «убежденно неверующих» предпочтение отдают обществу основанному на общечеловеческих ценностях.

Далее, с целью глубокого анализа существующих в массовом сознании горских евреев тенденций был задан «контрольный вопрос» «**В каком государстве Вы хотели бы жить?**». На ориентированность проживать «в религиозном государстве (с соблюдением религиозных заповедей)» указывают 47,5 %, из них 75,0 % по типу религиозности относящиеся к подгруппе «убежденно верующих» и 57,1 % «верующих». Позицию «в светском, атеистическом государстве» разделяют 71,2 % респондентов из подгруппы «неверующих» и 50,0 % «убежденно неверующих». Далее 25,0 % убежденно верующих, 39,1 % верующих, 76,3 % колеблющихся, 28,8 % неверующих и 50,0 % убежденно неверующих хотели бы жить «в светском государстве, со свободой вероисповедания». Доля разделяющих по-

¹Мчедлова М.М. Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 15.

следнее суждение увеличивается с возрастом: 38,5 % в когорте «до 20 лет», 36,4 % «от 20 до 30 лет», 40,8 % «от 30 до 40 лет», 52,0 % «от 50 до 60 лет» и 85,3 % «от 60 лет и выше», за исключением когорты в разрезе «от 40 до 50 лет» показатели у которых, по сравнению с другими подмассивами, существенно меньше (26,4 %).

Очень важным для современного российского общества является зрелость не только межнациональной толерантности, но и веротерпимости. На основе проведенного еще в далеком в 2005 г. социологами университета западного Мичигана В. Карповым и Е. Лисовской опроса был сделан вывод, что православные гораздо более нетерпимы к мусульманам, чем мусульмане к православным, а уровень нетерпимости представителей обеих религий к иудеям и другим исповеданиям еще выше¹. При этом В. Карпов подчеркнул, что «попытки дискредитации "нетрадиционных" религий существенным образом повлияли на общественное мнение, сформировав по отношению к ним негативную установку»², несмотря на то, что в вероучительных документах православия и ислама содержатся очевидные призывы к терпимости по отношению к другим религиям: «характерно, что уровень терпимости в регионах, где православные и мусульмане живут в соседстве, гораздо выше, чем в целом по стране»³.

Развитию установок нетерпимости в обществе могут способствовать выступления политиков, предлагающих в законодательном порядке разделить существующие в России религиозные организации, исходя из численности одного народа, сделать их религию государственной, апеллируя при этом к европейскому опыту. Как известно, слепое копирование опыта иных стран не приводит к позитивной тенденции в общественном развитии. Поэтому возникают закономерные вопросы: «Кто определил численность верующих относящихся к той или иной конфессии? Если русские являются государствообразующей нацией в России, то

¹ Цит. по: Ханбабаев К.М. Этноконфессиональная толерантность в постсоветской России: проблемы и методологии и практики // Толерантность в поликонфессиональном регионе. Махачкала, 2007. С. 58.

² Цит. по: Ханбабаев К.М. Указ. раб. С. 58.

³ Там же. С. 58.

какова среди них численность верующих, которые постоянно придерживаются религиозных ритуалов?». На основе ряда проведенных исследований был сделан вывод, что «наибольший прирост произошел в период с 1991 г. по 1997 г. (16 %). Далее число православных увеличивалось примерно на 5 – 7 % каждые 5 лет. По-видимому, можно ожидать, что людей причисляющих себя к православию, может достигнуть 70 – 75 % к 2015 – 2020 гг.»¹.

Межконфессиональный конфликт редко проявляется сам по себе, однако наличие религиозного компонента значительно усиливает конфликт любой другой природы – межэтнический, экономический и политический. Эксперты обозначают базовые факторы возникновения межрелигиозных конфликтов: 1. недостаточно строгое регулирование законодательством деятельности различных религиозных сект; 2. «раздувание» в СМИ межэтнических противоречий, которые могут перерасти в межконфессиональные; 3. отсутствие эффективной политики интеграции иммигрантов, многие из которых находятся в бесправном положении и подвергаются эксплуатации; 4. потенциальное изменение религиозной политики властей, которое может привести к мировоззренческому расслоению и противопоставлению друг другу людей, исповедующих разные религии; 5. невысокий уровень общей культуры населения и практическое отсутствие традиций толерантности в российском обществе; 6. возможная борьба конфессий за лидерство и власть, которая может сводиться к умелому разжиганию межрелигиозной розни и сознательному провоцированию конфликтных ситуаций; 7. значительное количество радикальных молодежных организаций, которые могут выступить вероятными инициаторами конфликтов².

Несомненно, что вопросы, связанные с религиозной принадлежностью, способны отразиться на национальных чувствах представителей иных конфессий и одним из методов достижения межэтнической и межконфессиональной толерантности должен быть диалог, учитывающий мнение и интересы всех сторон, а ос-

¹ См.: Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. М., 2006.

² Шутов А. Межконфессиональные отношения в Москве: диагностика ситуации // Россия и мусульманский мир. 2007. № 3. С. 16 – 17.

новой его может быть только равноправное сотрудничество, опирающееся на учет различий и не доказывающее свое превосходство. Для достижения необходимой цели, в процесс межрелигиозного диалога должны быть вовлечены не только представители духовенства, но и простые граждане, представляющие ту или иную конфессию и, находясь в постоянном контакте, массы способны усилить согласие во всех сферах жизнедеятельности социума.

Проблема толерантности приобрела актуальность и широкую значимость в период глобализации и информатизации общества, углубляющих дифференциацию частных интересов. Вопрос переносится в иную область, в частности: «Как нам жить вместе, не утрачивая свои различия и особенности?» Краеугольным камнем толерантного отношения к частным интересам и мнениям, к группам и индивидам, их выражающим, становится признание естественности и неустранимости из общественной жизни «инакомыслия». Поэтому «смысл толерантности не в том, чтобы устранить "нас" и "их" (и, уж, конечно, не в том, чтобы устранить "меня"), а в том, чтобы обеспечить долговременное мирное сосуществование и взаимодействие»¹.

При этом М. Уолцер выделяет типологию установок (мотивов) толерантности: 1. уходящая своими корнями в практику, религиозная терпимость XVI–XVII веков – как отстраненно-смирненное отношение к различиям во имя сохранения мира. Так, на протяжении веков люди продолжают убивать друг друга, затем наступает спасительная стадия изнеможения: ее то мы и называем терпимостью; 2. позиция расслабленности, милостивого безразличия к различиям: «Пусть расцветают все цветы»; 3. моральный стоицизм – принципиальное признание того, что и «другие» обладают правами, даже если их способ пользования этими правами вызывает неприязнь; 4. открытость в отношении других, любопытство, возможно, даже уважение, желание прислушиваться и учиться; 5. восторженное одобрение различий, одобрение эстетическое, при котором различия воспринимаются

¹Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 22.

как культурная ипостась огромности и многообразия творений божьих, либо природы¹.

Таким образом, можно согласиться с тем, что понятием «толерантность» чаще всего обозначается морально-нравственная установка на терпимость, снисходительность, понимание другого. В современной обществоведческой литературе под толерантностью понимают определенную мировоззренческую и нравственно-психологическую установку личности на то, в какой мере ей принимать или не принимать различные, прежде чуждые идеи, обычаи, культуру, нормы поведения и т.д.².

По мнению Ю. Хабермаса, имеет смысл говорить о толерантности только в том случае, если, с одной стороны, отвержение касается убеждений, *мотивирующих поведение* (выд. – Авт.), и если, с другой стороны, было бы вполне разумным ожидать сохранения разногласий в рамках либерального сообщества. Для разъяснения первого аспекта предлагается сравнение толерантности верующих по отношению к истинам чуждой для них веры с отношением ученых к конкурирующим теориям. При всех различиях конкретных форм, в том и в другом случае конкурирующие подходы порождают противоречащие друг другу высказывания. Научные дискуссии, в ходе которых проводится сопоставление разных теорий, мы можем сравнить с диспутами теологов, проходящими на межрелигиозных или межконфессиональных встречах. Оба дискурса в идеальном варианте можно рассматривать как сотрудничество в поисках истины. Но ученые отличаются от теологов в этих усилиях, как в плане признания заблуждений, так и в отсутствии релевантности, по крайней мере, непосредственной, их знаний в отношении этических поведенческих ориентаций. Любая религия первоначально представляет собой «образ мира», или, как утверждает Джон Роульс, поначалу она является «всеобъемлющей доктриной» («comprehensivedoctrine»), также в том смысле, что нуждается в авторитете, чтобы структурировать весь уклад жизни. С этим притязанием на всеобъемлющее формирование жизни (*aufumfassende Lebensgestaltung*) религия долж-

¹ Там же. С. 25 – 26.

² Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 24.

на расставаться, как только в плюралистическом обществе жизнь религиозной общины отделяется от жизни более крупных политических общностей. Получившая господствующее положение религия постепенно утрачивает ведущую роль в формировании политики, если политический строй как таковой более не может быть подчинен определенному религиозному духовно-нравственному укладу¹.

Прежде чем перейти к рассмотрению религиозной терпимости, представляется необходимым остановиться на том, как внутри самих конфессий ставится вопрос о толерантности и веротерпимости. Вопросы терпимости отдельно взятого человека или целой группы людей по отношению к другим – отличным, непохожим – безусловно, затрагивают и духовные аспекты жизни, ибо веротерпимость является актуальной проблемой любого общества, на какой бы стадии развития оно не находилось, и в нынешней России, сопровождаемой различными катаклизмами, она не просто присутствует, а резко обострилась в 90-х гг. прошлого столетия.

Осознание актуальности проблемы веротерпимости для постсоветской России, выражается в многочисленных конференциях посвященных данной проблематике: в 1997 г. состоялась конференция «Межконфессиональный мир и консолидация общества». По итогам ее работы была принята «Декларация принципов мирного сосуществования религий и религиозных объединений Российской Федерации». В ней подчеркивалось, что религиозно-конфессиональные отношения должны основываться на принципах: 1. приверженность общечеловеческим ценностям; 2. уважение прав человека и основных свобод, в т. ч. право каждого человека на религиозное самоопределение; 3. юридическое равенство религиозных объединений; 4. отказ от конфронтационного мышления, готовность к межконфессиональному диалогу по проблемам, вызывающим напряженность в обществе; 5. взаимодействие между религиозно-конфессиональными сообществами в миротворчестве и в гуманитарных сферах.

¹Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видения мира, ценностей и теорий // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 48 – 49.

Постепенное высвобождение церкви из-под опеки государства, экономические трудности и расцвет всевозможных фобий привели к тому, что неприязнь к выходцам из национальных республик бывшего СССР, стала дрейфовать в сторону ненависти к иноверцам, поэтому в рамках данного исследования не менее важно установление роли религиозной принадлежности в общественном пространстве, а также в личностном взаимодействии. Ответами на эти вопросы являются полученные на вопрос **«Приходилось ли Вам или Вашим родственникам сталкиваться с дискриминацией Ваших прав из-за Вашей религиозной принадлежности?»** результаты. На частое ущемление своих прав из-за своей конфессиональной принадлежности указали 42,1 % респондентов; по возрасту ответы распределились следующим образом: 50,0% опрошенных «до 20 лет», 27,3 % «от 20 до 30 лет», 25,4 % «от 30 до 40 лет», 63,8 % «от 40 до 50 лет», 24,0 % «от 50 до 60 лет» и 20,6 % «от 60 лет и выше». Далее на второй позиции располагается суждение «нет, никогда не испытывал (-а)», разделяемое 36,0 % респондентов по всему массиву. В возрастном разрезе, по сравнению с другими подгруппами, выбравших данное суждение больше в подмассиве «от 20 до 30 лет» (48,5 %) и среди «убежденно верующих» (68,2 %). Вместе с тем, 12,2 % опрошенных редко, но сталкивались с ограничением своих прав и выделяется подгруппа «колеблющихся» (39,5 %), имеющих среднее образование (17,5 %), «от 50 до 60 лет» (24,0 %) и «от 60 лет и выше» (29,4 %). Полученные данные являются основанием для вывода, что опрошенные горские евреи часто сталкивались с ущемлением своих прав и это свидетельство существования в массовом сознании окружающих их (горских евреев – Авт.) народов интолерантности. Вместе с тем, возникает вопрос «А какое отношение самих горских евреев к окружающим их людям, которые принадлежат иной этнической и религиозной общности?». Эмпирические данные на вопрос **«Испытываете ли Вы неприязнь к людям другого вероисповедания?»** показывают, что 91,8 % опрошенных горских евреев отрицательно ответили на него и всего 8,0 % респондентов характерен негатив в отношении последователей иного вероучения. Среди носителей интолерантности выделяются возрастные подгруппы «до 20 лет» (23,1 %), «от 20 до 30 лет» (18,3 %), респонденты со средним (11,1 %) и средним специальным образованием (14,8 %), в то время как среди респондентов с высшим образо-

ванием доля таковых существенно ниже (5,8 %). При этом вызывает удивление позиция подмассива «неверующих», наибольшая доля которых демонстрирует нетерпимость носителям иного вероучения (59,3 %). Таким образом, можно утверждать, что на территориях своего проживания горские евреи сталкивались с проявлением религиозной нетерпимости, но при этом и сами опрошенные являются носителями нетерпимости в отношении представителей иных религиозных общностей, более того, можно констатировать существование в их массовом сознании в латентной форме принципов нетерпимости.

По мнению религиоведов, «в Дагестане на протяжении тысячелетий одновременно мирно сосуществуют и активно контактируют различные этнические, религиозные и культурные миры и цивилизации. В Дагестане всегда существовала реальная практика этноконфессиональной толерантности. Следует особо отметить тот факт, что на территории современной Российской Федерации впервые распространение таких религий, как христианство (IV в.), иудаизм (VI в.) и ислам (с середины VII в.) началось именно с территории Дагестана. Распространившиеся в Дагестане и на Северном Кавказе с раннего средневековья иудаизм, христианство и ислам играли и продолжают играть огромную роль в сохранении мира и стабильности в многонациональном и многоконфессиональном северокавказском регионе: «многовековая полиэтноконфессиональная среда выработала уникальный опыт взаимодействия между народами и религиями, помогла избежать войн на конфессиональной основе. Так, кайтагский правитель Адур-Нарсе в пятницу молился с мусульманами, по субботам – с евреями, а по воскресеньям с христианами (Ибн-Русте, сер. IX в.), сохраняя между ними толерантные отношения»¹.

Таким образом, этноконфессиональная толерантность выступает как равное отношение государства ко всем народам, религиям и вероисповеданиям и основным условием ее сохранения является невмешательство государства в вопросы этнической жизни, вероисповедания, отделение церкви от государства. Исто-

¹ Магомедов А.М., Ханбабаев К.М. Религия и процессы миротворчества в Дагестане // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень. № 1 – 2. М., 2003. С. 10.

рически такие религии как ислам, православие и иудаизм стали этноинтегрирующей силой формирования дагестанских народов. Эти религии помогли сохранить национальные культуры и национальное самосознание дагестанских народов на протяжении многих веков своего функционирования в данном регионе»¹.

Если обратиться к исследованиям 2004 г. респондентам был задан вопрос **«Какие из черт присущи верующему человеку?»**. Опрошенные верующие считают, что «верующий человек тот, кто с уважением относится ко всем религиям» (57,8 %). Аналогичного мнения придерживаются 83,0 % неверующих и их больше, по сравнению с верующими. Верующие отметили варианты «тот, кто соблюдает религиозные обряды и способствует распространению только своей религии» и «тот, кто защищает свою религию от посягательств других религий» – 17,9 % и 10,3 %, соответственно, в то время как на эти черты указало очень незначительное количество опрошенных неверующих. Далее в процессе исследования выяснялось отношение опрашиваемых к людям с иными мировоззренческими взглядами и респондентам был задан вопрос **«Как Вы относитесь к человеку с иными религиозными убеждениями?»**. С уважением к человеку «с иными религиозными убеждениями» относятся 57,8 % верующих и 44,7 % неверующих, при этом среди последних выше доля относящихся «безразлично» (51,1 %), а доля таковых среди верующих в 2 раза ниже (23,7 %). Негативно к людям с «иными религиозными убеждениями относятся» и «не уважают их взгляды и пытаются переубедить таких людей» – 18,7 % и 7,9 % верующих, соответственно, в то время как среди неверующих количество таковых существенно ниже.

Западные исследователи, в частности Х. Кноблаух подчеркивает, что «каким бы не было трудным определение современных отношений между культурой и религией, они составляют одну из наиболее значимых составляющих турбулентности в современном обществе»², что показывает результаты полученные на вопрос **«Согласны ли Вы с суждением – "религия моего народа есть составная часть культуры моего народа"»**. Эм-

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 109.

пирические данные констатируют преобладание утвердительного ответа на этот вопрос (97,6 %) против статистически незначимой доли, придерживающейся противоположного мнения (0,9 %). Если посмотреть результаты опроса в социально-демографическом разрезе, то данный вариант ответа разделяют 97,5 % опрошенных мужчин и 95,6 % женщин, 95,2 % респондентов со средним, 97,1 % средним специальным и 96,9 % высшим образованием, 96,2 % в возрастном разрезе «до 20 лет», 92,4 % «от 20 до 30 лет», 97,2 % «от 30 до 40 лет», 100 % «от 40 до 50 лет», 92,0 % «от 50 до 60 лет» и 94,1 % «от 60 лет и выше».

Как известно, в массовом сознании населения очень часто религия является одним из ключевых факторов воспроизводства этнической идентичности и историко-культурные традиции составляют основу для такого восприятия. Если мировые религии не принимают во внимание фактор этнической принадлежности, несмотря на то, что национальная принадлежность стремится, по мнению А.А. Белик, «дать каждой надэтнической религии национально-особенное содержание»¹, поэтому, последователи конкретного вероисповедания, как правило, рассматривают исповедуемую религию как составную часть этнической культуры своего народа. Т.е. результаты исследования показывают, что независимо от образовательного, возрастного и гендерного признака опрошенным горским евреям однозначно характерно рассмотрение иудаизма как части своей этнической культуры. Иными словами, вероучение из частной жизни человека вновь превратилась в общественную силу, которая проникла во все социальные сферы, более того, пытается их контролировать. При этом следует отметить, что она выполняет и конструктивную роль, связанную с благотворительностью и оказанием помощи социально незащищенным слоям населения, поэтому «многие политические проблемы приобретают социальный резонанс только вследствие наделения их религиозными смыслами, тогда как религиозные интенции становятся востребованными, прежде всего, в политическом пространстве. Не случайно именно эти две сферы – религия и политика, представляются смыслообразующими по всему

¹Белик А.А. Культура и личность. М.: Психологическая антропология. Этнопсихология. Психология религии: Учеб.пособие. М., 2001. С. 275.

современному миру, проникая в социальную ткань и структурируя поведение, образ мысли и способы рефлексии»¹.

Таким образом, проведенное исследование показывает существующие в массовом сознании горских евреев установки религиозной толерантности. Вместе с тем имеет место неприятие межрелигиозной брачности, более того, недопущение заключения брачного союза с носителями иного вероисповедания. Обозначенная опрошенными горскими евреями социальная дистанция позволяет утверждать о наличии в их общественном сознании интолерантности, хотя, на примере Республики Дагестан можно констатировать существование веротерпимости, что подтверждается историческими сведениями.

Шахбанова М. М.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. На основе материалов социологического опроса по изучению состояния межнациональной напряженности показана практика возникновения этноконфликтов на этнической почве в отдельных населенных пунктах или муниципальных образованиях в рамках изменения векторов развития межнациональных отношений в современном дагестанском обществе. В качестве основных проблем рассматривается неспособность республиканской власти эффективно предупреждать межэтническую напряженность во взаимоотношениях между народами. По результатам исследования установлено, что опрошенные подчеркивают рост межнациональной напряженности и ухудшение межнационального климата, но, несмотря на это, дагестанские народы ориентированы на поддержание позитивной межнациональной коммуникации. В ситуации обострения межнациональных отношений органам государственной власти республики необходимо проводить национальную политику, направленную на под-

¹Мчедлова М.М. Современные параметры возвращения религии: ракурсы проблемы // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 16.

держание межнационального согласия и стабильности в Дагестане.

Постановка проблемы

Одним из основных критериев, характеризующих уровень социальной напряженности в Республике Дагестан, является состояние (стабильность/нестабильность) межнациональных взаимоотношений. В современный период социально-политический климат республики характеризуется как стабильный, но с сохранением напряженности в межнациональных и внутриконфессиональных отношениях, следовательно, нельзя утверждать полное отсутствие признаков межэтнической напряженности и противостояния. Иными словами, относительно благоприятная межэтническая ситуация в республике не свидетельствует о решенности имеющихся в межнациональной сфере проблем.

Анализ сложившихся межнациональных отношений на территории Республики Дагестан позволяет выделить основные факторы, влияющие на конфликтогенность этнических групп: всплеск миграционной активности с горной местности на равнинные территории республики, ориентированность на самоизоляцию малых по численности народов, их стремление на обозначение своего этнополитического статуса на политической карте Дагестана, отсутствие профилактики межэтнической напряженности и реакции местной власти на возникающие конфликтные ситуации.

Историко-культурные традиции совместного проживания дагестанских народов обеспечивают стабильность и позитив в межнациональных отношениях. Однако свое негативное влияние на межнациональный климат и динамику межэтнических отношений оказывает экономический фактор, проявляющийся, во-первых, в стагнации экономики и сохранении высокого уровня безработицы в республике, особенно среди молодежи, во-вторых, наблюдается искусственное выталкивание конкурентоспособной рабочей силы за пределы республики, в-третьих, преобразуется этнический состав населения в равнинных территориях республики, в частности, снижается численность русских при росте численности переселенцев из горных районов. В то же время, дагестанские политологи упускают из вида отражение политиче-

ского фактора на межнациональной сфере республики – стабильности или расколе внутри политической элиты.

В настоящее время, благодаря решению некоторых межнациональных споров, межэтническая напряженность в Дагестане несколько снизилась, хотя и за счет применения силовых методов. Но при этом для многонационального Дагестана актуальны не силовые методы и меры уменьшения межэтнической и внутриконфессиональной напряженности, а развитие институтов гражданского общества, восстановление утраченных ранее принципов интернационального воспитания и культуры межнационального общения, формирование принципов толерантного сознания и поведения. Разумеется, ослабление межнациональной напряженности обусловлено ростом в обществе толерантных установок в процессе межэтнической коммуникации. В этой связи привлекательна мысль об использовании традиций толерантного этнокультурного взаимодействия, формировавшегося на Северном Кавказе многими столетиями. Толерантность заложена в традициях горских народов, она создавалась как под воздействием вмещающего ландшафта и природной среды, так и глубинными этногенетическими и социокультурными факторами. Более того, среди факторов, во многом способствовавших современному неустойчивому состоянию межэтнического взаимодействия на Северном Кавказе, можно отметить утрату проживающими на этой территории народами традиционной толерантности¹.

В постсоветский период оказался потерянным традиционный механизм взаимного учета национальных интересов, ранее существовавшие социалистические образцы исчерпались, на фоне дискредитации демократических принципов. В такой ситуации закономерно обращение к традиционным ценностям и формам межнациональной коммуникации. Вместе с тем необходимо учитывать невозможность постоянного применения традиционных моделей этнокультурных взаимодействий, ибо пре-

¹Сампиев И.М. Роль традиций толерантности в гармонизации межэтнических взаимодействий на Северном Кавказе // Этносоциальные процессы и риски на Юге России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию АГУ / Отв. ред. Р.Д. Хунагов. Майкоп, 2015. С. 224.

образования коснулись как исторических условий и субъектов контактирования, так и их взаимоотношений.

По мнению Л.Л. Хоперской и В.А. Харченко, «острота проблемы локальных межэтнических конфликтов, анализ современного состояния и основных тенденций этнополитических процессов на микроуровне становятся в последнее время приоритетными политическими и исследовательскими задачами»¹.

Результаты исследования

Для характеристики межнациональной ситуации показательны результаты ответов на вопросы о случаях этнической и религиозной дискриминации. В нашем исследовании один из вопросов был направлен на выявление непосредственного проявления дискриминации по этническому и религиозному признакам, изучению факторов ухудшающих межэтнические отношения (см. табл. № 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «С какими негативными явлениями в отношениях между представителями дагестанских народов Вам приходилось сталкиваться?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Чеченцы	Другие	Всего:
Недружелюбие, неприязненное отношение к представителям других народов	25, 3	10, 5	32, 8	20, 8	24, 8	31, 6	34, 1	18, 8	24, 7
Назначение на престижные посты по нацио-	34, 4	35, 0	34, 5	47, 2	36, 4	26, 3	31, 8	62, 5	35, 9

¹Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Управление локальными межэтническими конфликтами: теория и практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 3. С. 161.

нальному признаку									
Агрессивные действия со стороны молодежи на национальной почве	11,3	14,0	21,6	15,3	10,1	15,8	15,5	18,8	14,2
Агрессивные действия со стороны молодежи на религиозной почве	12,7	9,1	6,9	23,6	17,8	15,8	3,9	25,0	12,0
Оскорбление по признаку национальной принадлежности	10,0	9,1	6,0	2,8	6,2	21,1	8,5	12,5	8,2
Оскорбление по признаку религиозной принадлежности	10,4	4,2	3,4	2,8	9,3	10,5	8,5	12,5	7,3
Не сталкивался	19,0	46,9	12,1	22,2	25,6	26,3	19,4	31,3	24,5

Полученные результаты опроса показывают, что отрицательным фактором в межэтнических взаимоотношениях выступает «назначение на престижные посты по национальному признаку», превалирующее с большим отрывом от других позиций. По этнической принадлежности на него указал каждый второй опрошенный среди лакцев, а в остальных подгруппах одна третья часть респондентов. Если посмотреть полученные результаты по образовательному и возрастному признакам, то данной позиции придерживаются 30,2 % опрошенных со средним, 39,7 % средним специальным и 40,8 % высшим образованием, 36,6 % «до 20 лет», 36,9 % «от 20 до 30 лет», 36,3 % «от 30 до 40 лет», 34,9 % «от 40 до 50 лет», 44,2 % «от 50 до 60 лет» и меньше их в когорте «от 60 лет и выше» (21,4 %).

Не меньшую озабоченность у опрошенных вызывает «недружелюбие, неприязненное отношение к представителям других народов» и его придерживается одна треть опрошенных в подгруппе русских, чеченцев и кумыков, каждый четвертый опрошенный среди аварцев и лезгин, каждый пятый в подмассиве лакцев. Наличие интолерантности в массовом сознании дагестанцев по образовательному признаку отмечено 27,7 % опрошенных со средним, 25,3 % средним специальным и 19,9 % высшим образованием. По возрасту можно заметить отличия: так у диаметрально противоположных по возрасту групп – «до 20 лет» (34,8 %) и «от 60 лет и выше» (35,7 %) имеет место позиция об отсутствии толерантности во взаимоотношениях дагестанских народов, в других группах доля таковых на порядок ниже – 24,0 % «от 20 до 30 лет», 16,5 % «от 30 до 40 лет», 16,0 % «от 40 до 50 лет», 17,3 % «от 50 до 60 лет». По всему массиву, каждый четвертый опрошенный не сталкивался с негативным этническим поведением в отношениях между представителями дагестанских народов; по национальной принадлежности больше отметивших его среди даргинцев (одна вторая часть), лезгин и русских (каждый четвертый), лакцев и аварцев (каждый пятый) и меньше всего среди респондентов кумыков (каждый восьмой). Отсутствие отрицательных тенденций в межнациональной сфере подчеркивается опрошенными со средним (24,6 %), средним специальным (21,6 %) и высшим образованием (26,5 %), а также 17,6 % в когорте «до 20 лет», 16,8 % «от 20 до 30 лет», 32,4% «от 30 до 40 лет», 32,1 % «от 40 до 50 лет», 36,5 % «от 50 до 60 лет» и 17,9 % «от 60 лет и выше». Обращает на себя внимание, отмеченное каждым восьмым опрошенным по всему массиву суждение «агрессивные действия со стороны молодежи на религиозной почве» и его подчеркнула одна четвертая часть в подгруппе лакцев, каждый шестой опрошенный среди лезгин и русских, каждый восьмой в подмассиве аварцев. С возрастом увеличивается доля придерживающихся данного суждения – 10,9 % со средним, 10,8 % средним специальным и 15,0 % высшим образованием. При этом можно заметить уменьшение с возрастом количества участников опроса разделяющих данный тезис: 13,6 % респондентов «до 20 лет», 14,5 % «от 20 до 30 лет», 11,5 % «от 30 до 40 лет», 11,3 % «от 40 до 50 лет», 3,8 % «от 50 до 60 лет» и 7,1 % «от 60 лет и

выше», что объясняется тем, что молодежь разного вероисповедания, возможно, имеет более интенсивные социальные контакты, в отличие от старшего поколения. Следует отметить, что наличие такой позиции в массовом сознании дагестанских народов вызывает тревогу по самым разным причинам. Можно сказать, что «ползучее» проникновение исламских ценностей в образовательную сферу, не говоря о семейно-брачной сфере, она там даже в атеистический период не теряла своих позиций, может иметь далеко идущие негативные последствия. Особое беспокойство вызывает стремление религиозного духовенства влиять на политический процесс в современном дагестанском обществе, их активное вмешательство в избирательную систему практически каждого уровня, начиная с муниципальных, заканчивая федеральным.

Если обратиться к результатам опроса, то с «оскорблением по признаку национальной принадлежности» сталкивался каждый пятый опрошенный среди русских и каждый десятый опрошенный среди аварцев, доля таковых в остальных подгруппах заметно меньше; в возрастном разрезе, по сравнению с другими подгруппами, отметивших данную позицию больше в подгруппе «до 20 лет» (11,7 %) и меньше в остальных подгруппах – «от 20 до 30 лет» (6,7 %), «от 30 до 40 лет» (7,1 %), «от 40 до 50 лет» (4,7 %), «от 50 до 60 лет» (1,9 %), «от 60 лет и выше» (7,1 %); по образовательному признаку доля их варьируется в пределах от 8,4 % имеющих среднее образование до 8,7 % высшим образованием. Проблема русского населения, которая остро заявила о себе в 90-х гг. прошлого столетия, несмотря на предпринятые на республиканском уровне меры, к сожалению, не нашла своего разрешения. Кроме того, одна десятая часть русских и аварцев, 10,3 % опрошенных в возрасте «до 20 лет» и 14,3 % «от 60 лет и выше», 9,3 % со средним образованием встречались с «оскорблением по признаку религиозной принадлежности».

Не менее важным при изучении состояния межэтнической напряженности является установление поведения человека в межнациональном конфликте. В нашем исследовании не менее важным является выявление возможности возникновения конфликта на этнической почве, следовательно, изучение межнациональной напряженности в современном дагестанском обществе

требует установления поведения опрошенных дагестанских народов в ситуации межэтнического противостояния (см. табл. № 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Примете ли Вы участие в межнациональном конфликте, если это касается интересов Вашего народа?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Да, и буду активно отстаивать национальные интересы моего народа	Да, из солидарности	Это зависит от обстоятельств	Ни в коем случае	Нет, хотя бы между солидарен своим народом	Нет, потому что это может привести к гражданской войне	Затрудняюсь ответить
Аварцы	22,2	12,2	27,6	14,5	13,1	11,8	4,5
Даргинцы	16,1	9,8	49,0	7,0	9,1	11,2	7,7
Кумыки	40,5	14,7	22,4	6,0	2,6	6,0	6,0
Лакцы	18,1	2,8	31,9	6,9	22,2	13,9	6,9
Лезгины	25,6	5,4	36,4	5,4	11,6	17,8	0,8
Русские	15,8	0	21,1	15,8	10,5	26,3	15,8
Чеченцы	45,0	17,1	15,5	12,4	9,3	8,5	1,6
Другие	18,8	6,3	31,3	25,0	0	25,0	0
Всего:	27,1	10,7	30,3	9,9	10,7	12,1	4,6

Полученные данные опроса констатируют, что в целом, не очень большая часть опрошенных уверена в возможности избежать этноконфликты, но одна треть респондентов свое участие в межнациональном конфликте ставит в зависимость от обстоятельств; по этнической принадлежности каждый второй опрошенный среди даргинцев, каждый третий среди лакцев и лезгин, каждый четвертый среди аварцев, одна пятая часть в подгруппе кумыков и

русских, каждый шестой опрошенный среди чеченцев, 25,6 % имеющие среднее, 33,5 % среднее специальное, 34,0 % высшее образование, 28,9 % респондентов «до 20 лет», 29,1 % «от 20 до 30 лет», 37,9 % «от 30 до 40 лет», 34,0 % «от 40 до 50 лет», 15,5 % «от 50 до 60 лет» и 32,1 % «от 60 лет и выше» находятся в состоянии тревожности или возможности появления межэтнического противостояния и роста межнациональной напряженности. При этом каждый четвертый опрошенный по всему массиву «будет активно отстаивать национальные интересы своего народа» и доля таковых, по сравнению с другими подгруппами, заметно больше среди чеченцев и кумыков (одна вторая часть); по образовательному и возрастному критерию ответы на данную позицию распределились следующим образом: 32,3 % со средним, 21,1 % средним специальным, 24,3 % высшим образованием, 31,9 % респондентов «до 20 лет», 27,9 % «от 20 до 30 лет», 22,5 % «от 30 до 40 лет», 16,0 % «от 40 до 50 лет», 34,6 % «от 50 до 60 лет» и 28,6 % «от 60 лет и выше». Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что респонденты независимо от своего образовательного статуса и возраста настроены интолерантно и намерены защищать этнические интересы своего народа, причем больше всего их в подмассиве с низким образовательным статусом, как в молодежной среде, так и среди взрослого поколения. При формулировке данного вопроса и вариантов ответа, была выдвинута гипотеза, что своеобразным барьером для активного участия дагестанских народов в межнациональном противостоянии является страх перед гражданской войной, которая легко может вспыхнуть в таком многонациональном образовании как Дагестан. Наше предположение результатами социологического исследования не подтвердилось и данная позиция занимает третье место среди предложенных семи вариантов ответа. По сравнению с другими подгруппами, больше отметивших суждение «нет, потому что это может привести к гражданской войне» среди респондентов русских (каждый четвертый опрошенный) и меньше всего в подгруппе кумыков; при этом с ростом образовательного уровня и возраста наблюдается увеличение доли опрошенных, которые осознают негативные последствия межнационального конфликта: 9,8 % со средним, 12,4 % средним специальным, 15,9 % высшим образованием, 10,6 % в разрезе «до 20 лет», 16,2

% «от 20 до 30 лет», 6,0 % «от 30 до 40 лет», 14,2 % «от 40 до 50 лет», 25,0 % «от 50 до 60 лет» и 17,9 % «от 60 лет и выше».

Исследование показало, что каждый девятый опрошенный по всему массиву не намерен принимать участие в межнациональном конфликте, хотя «будет солидарен» со своим народом. Доля таковых, по сравнению с другими подгруппами, больше среди аварцев (13,1 %), лезгин (11,6 %), лакцев (22,2 %), русских (10,5 %) и меньше в подмассиве кумыков (2,6 %); при этом, если можно так выразиться, «неагрессивную активность» демонстрируют респонденты с высоким образовательным статусом (11,8 %), в отличие от опрошенных со средним и средним специальным образованием (по 9,8 %). Такая же картина вырисовывается при анализе данного вопроса по возрастному разрезу: увеличивается доля, ориентированных на поддержание национальных интересов своего народа, при отказе принимать участие в этноконфликтах – 9,2 % «до 20 лет», 7,8 % «от 20 до 30 лет», 12,1 % «от 30 до 40 лет», 13,2 % «от 40 до 50 лет», 13,5 % «от 50 до 60 лет» и 10,7 % «от 60 лет и выше».

Далее по всему массиву менее 10 % опрошенных придерживаются позиции «ни в коем случае» и по этнической принадлежности, отметивших ее больше в подгруппе аварцев, русских и чеченцев; по другим параметрам ответы распределились следующим образом: 12,1 % «до 20 лет», 8,9 % «от 20 до 30 лет», 9,9 % «от 30 до 40 лет», 8,5 % «от 40 до 50 лет», 7,7 % «от 50 до 60 лет» и 14,7 % «от 60 лет и выше», 11,2 % со средним, 12,4 % средним специальным, 8,7 % высшим образованием. Таким образом, результаты нашего исследования показывают довольно противоречивые позиции опрошенных дагестанских народов. Тревогу вызывает наличие в их массовом сознании и доминирование в той или иной степени ориентированности на возможность участия в межнациональном конфликте.

В исследовании межнациональной напряженности для нас интерес представляет проявление уровней этнической симпатии, иными словами, подгруппы, испытывающие позитивные и негативные чувства к представителям других народов. Однако предпочтение позиций этнической симпатии/антипатии вовсе не констатирует ориентированность опрошенных на поддержание дружеских или же, наоборот, враждебных установок по отношению

к представителям инонациональных общностей, а может свидетельствовать о наличии в массовом сознании оценочных суждений о представителях тех или иных национальностей, а также о существовании определенных признаков ксенофобии, впрочем, как и этнофобии.

В силу своей актуальности, а также по причине огромной роли, которую могут сыграть этнические установки в усилении межнациональной напряженности, респондентам был задан вопрос, позволяющий выявить существующие в данной сфере тенденции (см. табл. № 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «**Испытываете Вы лично раздражениеили неприязнь по отношению к представителям каких-то других народов?»**»(варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Да	Скорее да	Нет	Скорее нет
Аварцы	15,4	14,0	56,1	12,7
Даргинцы	5,6	4,9	80,4	10,5
Кумыки	8,6	16,4	49,1	24,1
Лакцы	2,8	11,1	58,3	23,6
Лезгины	3,1	7,8	69,0	17,8
Русские	5,3	5,3	73,7	10,5
Чеченцы	15,5	13,2	54,3	12,4
Другие	0	6,3	81,3	6,3
Всего:	9,3	11,1	62,0	15,4

Наше исследование показывает, что больше половины опрошенных дагестанских народов, независимо от национальной принадлежности, не испытывает негативные чувства к представителям других этнических образований, и здесь выделяются респонденты даргинцы, русские и лезгины, доля которых заметно больше, по сравнению с другими подгруппами. Из подмассива выделяются кумыки, среди которых только каждый второй опрошенный отмечает данную позицию, причем они демонстрируют крен в сторону «скорее нет», а также чеченцы, доля которых также меньше, по сравнению с другими подгруппами. По

возрасту и образованию доля таковых составляет 59,9 % «до 20 лет», 59,2 % «от 20 до 30 лет», 68,1 % «от 30 до 40 лет», 66,0 % «от 40 до 50 лет», 69,2 % «от 50 до 60 лет», 57,1 % «от 60 лет и выше», 61,1 % со средним, 59,3 % средним специальным и 68,8 % высшим образованием, что свидетельствует о существовании в массовом сознании опрошенных дагестанцев толерантных установок в отношении представителей иноэтнической общности.

Среди испытывающих раздражение или неприязнь по отношению к представителям другой национальной группы выделяются опрошенные аварцы и чеченцы, в то время как доля таковых среди других народов заметно ниже; в сравнении с другими возрастными подгруппами, процентное соотношение испытывающих раздражение и неприятие представителей другого народа, больше в разрезе «до 20 лет» (12,8 %) и «от 60 лет и выше» (25,0 %), в подмассиве имеющих среднее специальное образование (10,3 %), а доля таковых в подгруппе со средним и высшим образованием, «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет», «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет» равняется 9,5 %, 7,5 %, 7,3 %, 4,9 %, 9,4 %, 3,8 %, соответственно. Также опрошенные аварцы, чеченцы и кумыки «скорее испытывают неприязнь» к представителям других народов. Вариант ответа «скорее нет» можно интерпретировать по-разному – как отсутствие негативизма, так и своеобразную попытку уклонения от выражения своего отношения к представителям той или иной национальной принадлежности, впрочем, как и нехарактерность опрошенным оценочных суждений на этнической почве. При этом, утвердительный ответ о наличии неприязни, хотя и у заметно меньшей доли опрошенных, при дальнейшей их конкретизации очень часто имеет абстрактный характер и не затрагивает отдельные народы, а представляют «образы» или категории, составленные на основе присутствующих в обществе негативных этнических стереотипов. Таким образом, в рамках нашей выборочной совокупности доля отрицательных представлений в адрес отдельных этнических групп в абсолютных величинах является минимальным, что является основой для вывода о нераспространенности негативных этнических стереотипов в современном дагестанском обществе в целом.

Не менее важным в нашем исследовании является установление, во-первых, факторов формирования интолерантности по национальному признаку, во-вторых, ее проявления в разных сферах социального взаимодействия, поэтому представляется необходимым обратиться к причинам неприязненного отношения по национальному признаку, покрывающим разные уровни взаимодействий. Ответы на вопрос **«Как Вы думаете, с чем связана межнациональная неприязнь?»** показывают, что основной причиной неприязненного отношения выступает желание одних народов «заявить себя хозяевами на землях других народов», подчеркнутое одной третью опрошенных по всему массиву, и обращает на себя внимание, что данную позицию, по сравнению с другими дагестанскими народами, поддерживает больше половины опрошенных кумыков; среди остальных респондентов данное мнение разделяет каждый второй опрошенный среди лакцев, каждый третий среди русских и чеченцев, каждый четвертый в подмассиве аварцев и лезгин, каждый пятый в даргинской подгруппе. По возрасту и образованию одна вторая часть респондентов в когорте «от 20 до 30 лет» и «от 50 до 60 лет» подчеркивает данное суждение, а также одна треть опрошенных в разрезе «до 20 лет», «от 30 до 40 лет», «от 40 до 50 лет», «от 60 лет и выше», имеющие среднее, среднее специальное и высшее образование.

Далее на второй ступени располагается «различие в поведении и образе жизни людей», также способствующее формированию межэтнической неприязни; иными словами, на уровне повседневных взаимодействий опрошенные дагестанские народы в равной степени связывают негативное отношение к людям другой национальности с различием в поведении и образе жизни. По этнической принадлежности больше разделяющих данное суждение среди респондентов даргинцев и лезгин, а по возрасту и образованию 28,2 % «до 20 лет», 21,2 % «от 20 до 30 лет», 26,9 % «от 30 до 40 лет», 26,4 % «от 40 до 50 лет», 19,2 % «от 50 до 60 лет», 21,4 % «от 60 лет и выше», 21,8 % со средним, 25,3 % средним специальным и 28,0 % высшим образованием. Совпадение в оценках респондентов этнических групп может сигнализировать о том, что их претензии адресованы одним и тем же иноэтничным представителям, не проживающим постоянно на территории республики. Именно приезжим, а не местным жителям чаще

предъявляются претензии подобного рода – нарушение норм повседневной культуры, нежелание считаться с окружающим местным населением и т.д. Далее, каждого четвертого опрошенного по всему массиву, такую же часть респондентов аварцев, кумыков, лакцев, возрастные подгруппы «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет», респондентов со средним и средним специальным образованием, треть даргинцев, в когорте «от 40 до 50 лет» и «от 50 до 60 лет», имеющих высшее образование, каждого пятого опрошенного в подгруппе лезгин и чеченцев, а также в возрасте «до 20 лет» волнует проблема конкуренции за престижную работу. Не менее значимой является наличие в обществе проблемы унижения, оскорбления и угроз в адрес людей другой этнической принадлежности и на нее указывает каждый третий опрошенный среди чеченцев, русских, возрастные подгруппы «до 20 лет» и «от 60 лет и выше», каждый четвертый опрошенный в подмассиве лезгин, аварцев и имеющих среднее образование, каждый пятый со средним специальным, высшим образованием, каждый шестой «от 20 до 30 лет» и «от 30 до 40 лет».

В тесной связке с различиями в образе жизни и поведении находится стремление представителей других народов навязать свои правила поведения и культурные ценности представителям местного сообщества. Мы можем предположить, что демонстрируемое опрошенными дагестанскими народами неприязненное отношение к иноэтническим общностям больше направлено на мигрантов, а не на рядом проживающих народов. Определенную агрессию могут показать в ситуации проявления неуважительного отношения к культуре местного населения, на которое указывает одна вторая часть русских, каждый четвертый опрошенный среди даргинцев, каждый пятый в подгруппе аварцев, лезгин и чеченцев, каждый шестой респондент среди кумыков. Если посмотреть результаты ответа на данный вариант вопроса, то по возрасту его разделяют 28,2 % опрошенных в подгруппах «до 20 лет», 18,4 % «от 20 до 30 лет», 14,8 % «от 30 до 40 лет», 17,0 % «от 40 до 50 лет», 5,8 % «от 50 до 60 лет» и 35,7 % «от 60 лет и выше», каждый четвертый имеющий среднее, каждый пятый с высшим и каждый шестой со средним специальным образованием.

При этом менее всего, почему-то, по мнению опрошенных, может спровоцировать межнациональную неприязнь оскорбление и разрушение национальных памятников, религиозных учреждений (мечетей, храмов) других народов: по этнической принадлежности почти одинаковая доля респондентов аварцев и чеченцев, 20,9 % опрошенных в возрасте «до 20 лет» и 13,7 % со средним, 10,0 % высшим, 9,8 % средним специальным образованием отметила данный фактор.

Таким образом, мотивация причин отрицательного отношения начинает заметно варьировать по национальному признаку, когда дело касается конкуренции на рынке труда и ущемления чувства «хозяин земли», причем данный фактор намного ближе респондентам кумыкам. Эта причина раздражения может рассматриваться как иррациональная, основанная на нагнетаемом страхе утраты. Дагестанские исследователи подчеркивают, что миграция населения горных районов на равнину имела как положительные, так и отрицательные последствия. Если, с одной стороны, переселение проводилось с мотивацией разрешения проблем трудовых ресурсов, то в последующем руководство республики «для обоснования необходимости продолжения переселенческой политики прибегали к доводам о диспропорциях в народонаселении и землепользовании двух зон – горной и равнинной... дагестанской бюрократии, заинтересованной в продолжении такой политики, было выгодно придерживать этих данных, хотя аграрная переселенность гор в результате многократных переселений снизилась по сравнению с тем, что было»¹. Кроме того, внутренняя миграция кардинально преобразила этническую карту равнинных районов республики: «в 1926 г. Бабаюртовский, Кизлярский, Караногайский (Ногайский) районы в современных административных границах были почти полностью однонациональными. Основное население этих районов составляли соответственно, кумыки, русские и ногайцы. Материалы переписи населения 1979 г. показывают, что за полвека в этих районах появилось более десятка новых относительно крупных этнических мас-

¹Лысенко Ю.М. Северный Дагестан 1957 – 2000 гг. (аспекты социально-экономического развития Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). Махачкала, 2005. С. 124.

сивов. Прежде всего, это аварцы, даргинцы, лезгины, табасаранцы и лакцы, которые вместе составляют около половины всего населения равнины»¹, с другой стороны, сохраняется база межэтнического противостояния – земельный вопрос².

В такой сложной ситуации возникает вопрос о том, какие действия способны разрядить сложную межнациональную ситуацию. Кроме того, необходимо обозначить механизм выработки национальной политики, способной разрешить межэтническое противостояние, на что было обращено внимание в нашем исследовании (см. табл. № 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Какие меры могут способствовать улучшению межнациональных отношений в Республике Дагестан?»(варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Чеченцы	Другие	Всего:
Стабилизация экономики и экономический рост	27,1	25,2	35,3	37,5	27,9	26,3	17,1	12,5	27,1
Решение проблем репрессированных народов	3,6	1,4	4,3	5,6	3,9	0	16,3	6,3	5,4
Решение проблем народов принудительно переселенных на территорию репрессированных народов	8,6	5,6	2,6	37,5	4,7	0	12,4	12,5	9,6
Решение национальных проблем малочисленных дагестанских народов	11,8	2,8	2,6	2,8	7,0	5,3	23,3	0	8,9
Улучшение условий жизни дагестанских народов	28,1	35,0	18,1	43,1	37,2	31,6	14,0	37,5	28,6
Решение проблемы безра-	29,0	34,3	14,7	37,5	27,9	42,1	17,1	31,3	27,0

¹Там же. С. 127.

²Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала: АЛЕФ, 2016. С. 121.

ботицы									
Защита национальных интересов всех дагестанских народов	12,7	13,3	32,8	13,9	22,5	10,5	10,9	31,3	17,2
Профилактика религиозного экстремизма	11,3	16,1	6,0	19,4	11,6	15,8	9,3	12,5	12,0
Создание благоприятного климата для развития национальных культур всех дагестанских народов	14,5	9,1	3,4	8,3	10,1	5,3	8,5	0	9,5
Создание благоприятных условий для изучения национальных языков всех дагестанских народов	10,9	2,8	0,9	6,9	1,6	0	13,2	6,3	6,4
Искоренение клановости	15,8	12,6	7,8	20,8	7,0	31,6	10,1	31,3	13,0
Противодействие коррупции в сфере образования и здравоохранения	14,5	14,7	4,3	18,1	14,7	21,1	6,2	18,8	12,4
Ограничение миграции в республику	1,4	0,7	1,7	5,6	1,6	10,5	3,9	0	2,2
Равенство всех перед законом	18,1	21,7	10,3	13,9	18,6	26,3	9,3	25,0	16,3

Полученные результаты опроса показывают, что стабилизации межнациональных отношений в современном дагестанском обществе может способствовать «улучшение условий жизни дагестанских народов» – каждый второй опрошенный среди лакцев, треть даргинцев, лезгин и русских, каждый четвертый из подмассива аварцев, каждый шестой в подгруппе кумыков. Доля, придерживающихся данной позиции увеличивается как с возрастом, так и с повышением образовательного статуса: 24,5 % «до 20 лет», 27,4 % «от 20 до 30 лет», 34,6 % «от 30 до 40 лет», 31,1 % «от 40 до 50 лет», 38,5 % «от 50 до 60 лет» и 25,0 % «от 60 лет и выше», 22,1 % со средним, 23,7 % средним специальным и 37,7 % высшим образованием. С данным фактором тесно связана необходимость «стабилизации экономики и экономический рост», на которую указал каждый третий опрошенный среди кумыков и

лакцев, каждый четвертый в подмассиве аварцев, даргинцев, лезгин и русских. Не менее остро в республике стоит проблема безработицы, которая негативно сказывается на межнациональных отношениях, поэтому в установках русских и аварцев она занимает первое место, второе у даргинцев, лезгин и лакцев, каждый шестой опрошенный среди чеченцев и одна седьмая часть кумыков. По сравнению с другими подгруппами, разделяющих данное суждение заметно больше среди респондентов с высшим образованием (30,5 %) и в возрастной подгруппе «от 30 до 40 лет» (40,7 %). Заметное влияние на улучшение межэтнического взаимодействия оказывает «защита национальных интересов всех дагестанских народов» и данное суждение ближе одной трети кумыков и доля таковых среди остальных этнических подгрупп в 2 – 2,5 раза меньше. Каждый шестой опрошенный по всему массиву отмечает необходимость соблюдения принципов равенства всех перед законом, причем на него указала одна четвертая часть русских, каждый пятый среди даргинцев, лезгин и аварцев. Проблема клановости и тесно связанной с ней коррупции актуальна не только для дагестанского общества, она характерна практически всем российским субъектам. Несмотря на болезненность данного вопроса, доля отметивших его заметно больше среди респондентов русских, лакцев и аварцев.

Для современного российского общества проблема религиозного экстремизма и терроризма является одной из самых больших угроз и заметнее ее проявление на территории республик Северного Кавказа, хотя, как показывает практика, в свои ряды экстремисты вовлекают молодое поколение, исповедующее не только мусульманство, но и иные вероучения, имеющее высокий образовательный статус, обучающиеся в престижных учебных заведениях страны. Но в массовом сознании опрошенных дагестанских народов, несмотря на свою злободневность, данная проблема в полной мере не нашла своего отражения. По этнической принадлежности каждый пятый опрошенный среди лакцев, каждый шестой в подгруппе даргинцев и русских, каждый девятый в подмассиве лезгин и аварцев отметил необходимость профилактики религиозного экстремизма с целью улучшения межнациональных отношений в республике. Важность противодействия коррупции в сфере образования и здравоохранения отмечена од-

ной пятой частью русских, каждым шестым из массива лакцев, одной седьмой долей аварцев и даргинцев.

В 90-е гг. прошлого столетия в республике остро давала о себе знать проблема взаимоотношений репрессированных и принудительно переселенных народов, которая усиливала межнациональную напряженность и противостояние в районах проживания чеченцев-аккинцев, с одной стороны, и аварцев и лакцев, с другой. Каждый третий опрошенный среди лакцев считает, что улучшению межнациональных отношений может способствовать «решение проблем народов принудительно переселенных на территорию репрессированных народов» и доля таковых среди аварцев почти в 3 раза меньше, хотя в выборку было включено проживающее в Казбековском районе аварское население. При этом одна шестая часть чеченцев отмечает необходимость решения проблем репрессированных народов. Результаты опроса по подмассиву (Казбековский район) показывают, что всего 3,9 % аварцев отмечают необходимость «решения проблем репрессированных народов» и таковых в 5 раз больше среди респондентов чеченцев, что вполне закономерно; среди аварцев, доля отметивших суждение «решение проблем народов принудительно переселенных на территорию репрессированных народов» позволить разрядить межнациональную ситуацию составляет 8,7 %, а среди чеченцев 18,2 % и доля таковых заметно больше среди респондентов лакцев с Новолакского района. Далее, каждый шестой опрошенный из лакцев с Новолакского района и каждый пятый в подгруппе чеченцев с Казбековского района отмечает необходимость «защиты национальных интересов всех дагестанских народов», доля таковых среди аварцев из этого же района намного меньше (7,9 %).

На необходимость создания благоприятного климата для развития национальных культур всех дагестанских народов указал каждый одиннадцатый опрошенный по всему массиву, по этнической принадлежности, по сравнению с другими подгруппами, их больше среди респондентов аварцев, лезгин и даргинцев. Статистически небольшая доля респондентов отметила необходимость создания благоприятных условий для изучения национальных языков всех дагестанских народов и здесь выделяются аварцы и чеченцы. Наше исследование показывает, что для опрошен-

ных малозначима миграционная проблематика, поэтому в ней они не усматривают потенциал ухудшения/ улучшения межнациональных отношений в республике.

Исследование факторов ухудшения межэтнических отношений и роста напряженности предполагает выявление базы и причин, потенциально опасных и несущих угрозу межнациональной стабильности. Актуальность данного аспекта изучаемой проблематики обусловила включение в анкету исследования вопроса о наличии/отсутствии национальных проблем, которые могут спровоцировать межнациональное противостояние и конфликты в современном обществе (см. табл. № 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «**Какие проблемы волнуют Вас в наибольшей степени?**» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Чеченцы	Всего:
Кризис системы ЖКХ	22,6	25,2	7,8	16,7	16,3	21,1	31,8	20,7
Рост платежей	29,9	35,7	53,4	43,1	26,4	36,8	27,9	34,8
Наличие межнациональных противоречий в обществе	10,4	7,7	31,0	12,5	14,0	10,5	19,4	14,9
Проводимая в Дагестане земельная реформа, которая позволяет передавать земельные участки (государственная или муниципальная собственность) юридическим лицам без проведения торгов для реализации масштабных	14,5	11,2	37,1	4,2	12,4	0	26,4	17,3

инвестиционных проектов								
Наличие межнационального противостояния в моем районе, населенном пункте	24,9	5,6	6,0	13,9	5,4	0	15,5	12,9
Угроза религиозного экстремизма и террористических актов	38,9	45,5	29,3	37,5	45,0	57,9	15,5	36,1
Проблема участия дагестанской молодежи в ИГИЛ	48,4	45,5	26,7	38,9	51,9	36,8	27,9	40,8
Проблема наркомании среди дагестанской молодежи	25,8	27,3	30,2	34,7	49,6	26,3	19,4	30,3
Проблема алкоголизма среди дагестанской молодежи	26,7	26,6	21,6	30,6	31,8	21,1	17,8	25,9
Проникновение религии во все сферы дагестанского общества	10,0	9,8	5,2	12,5	7,0	31,6	5,4	8,8
Проникновение религии в сферу государственной деятельности	9,0	8,4	4,3	4,2	4,7	5,3	1,6	5,9
Упадок нравственности, отсутствие честности, социальной справедливости	28,5	36,4	35,3	37,5	36,4	42,1	22,5	32,0
Безработица	28,5	37,8	42,2	45,8	46,5	57,9	14,7	35,0

По результатам нашего исследования каждого второго опрошенного по всему массиву волнует «участие дагестанской молодежи в ИГИЛ» (террористическая организация, запрещенная в РФ), причем доля таких заметно больше в лезгинской подгруппе (больше половины опрошенных); аналогично-

го мнения придерживается каждый второй опрошенный среди аварцев и даргинцев, одна треть лакцев и русских, каждый четвертый респондент в подмассиве кумыков и чеченцев. По значимости на втором месте располагается не менее злободневная проблема не только на республиканском, федеральном, но и мировом уровне – «угроза религиозного экстремизма и террористических актов». По этнической принадлежности она волнует больше половины русских респондентов, одну вторую часть даргинцев и лезгин, каждого третьего опрошенного среди аварцев, лакцев и кумыков и заметно меньше их доля в подмассиве чеченцев. Третье ранговое место занимает проблема безработицы, отмеченная одной третьей частью по всему массиву; в национальном разрезе на нее указала больше половины опрошенных русских, каждый второй среди кумыков, лакцев и лезгин, каждый четвертый в подгруппе аварцев. Далее «рост платежей», следовательно, и экономическое положение волнует больше половины опрошенных кумыков, каждого второго среди лакцев, треть аварцев, даргинцев и русских, каждого четвертого в подгруппе чеченцев и лезгин. Не менее болезненным является, отмеченный каждым третьим опрошенным по всему массиву, такой же долей кумыков, даргинцев, лакцев, лезгин, каждым вторым в подгруппе русских, каждым четвертым опрошенным среди аварцев и чеченцев «упадок нравственности, отсутствие честности, социальной справедливости». Вместе с преобразованиями в социально-экономической и политической сферах российского общества, на волне либеральной демократии, открытости с внешним миром в российском обществе распространение получила наркомания, которая можно сказать в советском обществе не имела такого размаха, особенно среди молодого поколения. Каждого второго опрошенного среди лезгин, одну треть кумыков и лакцев, каждого четвертого в подмассиве аварцев, даргинцев и русских волнует проблема наркомании среди дагестанской молодежи. Далее, каждого третьего опрошенного среди лакцев и лезгин, каждого четвертого в аварской и даргинской подгруппах, каждого пятого среди кумыков и русских тревожит проблема алкоголизма среди дагестанской молодежи. Кризис системы ЖКХ обозначен одной пятой респондентов по всему

массиву, по этнической принадлежности каждый третий опрошенный среди чеченцев, каждый четвертый в подмассиве даргинцев и аварцев, каждый пятый среди русских, каждый шестой в подгруппе лакцев и лезгин.

Выражением политизации этнической идентичности является возникновение и активная деятельность этнопартий, национальных движений, которая довольно часто проявляется в насильственных акциях на межнациональной почве, под сепаратистскими лозунгами. В нашем исследовании в анкету опроса вошел блок вопросов, показывающий существующее в массовом сознании дагестанских народов отношение и оценку деятельности национальных движений (см. табл. № 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, кто в состоянии решить национальные проблемы Вашего народа?»
(варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Национальное движение, которое отстаивает национальные интересы моего народа	Гражданское общество	Отдельные лидеры народа
Аварцы	24,9	42,1	22,2
Даргинцы	19,6	49,7	16,1
Кумыки	49,1	24,1	15,5
Лакцы	15,3	44,4	20,8
Лезгины	27,9	41,1	17,1
Русские	15,8	78,9	0
Чеченцы	36,4	27,1	27,9
Другие	18,8	43,8	18,8
Всего:	28,4	39,5	19,6

По результатам нашего исследования, каждый третий опрошенный по всему массиву возлагает большие надежды в решении национальных проблем своего народа на «гражданское общество» и заметный разрыв наблюдается между русскими (большая часть опрошенных) и остальными этническими подгруппами: од-

на вторая часть аварцев, даргинцев, лакцев и лезгин, каждый четвертый опрошенный среди кумыков и чеченцев. На второй позиции располагается суждение «национальное движение, которое отстаивает национальные интересы моего народа», отмеченное каждым вторым опрошенным среди кумыков, одной третьей долей чеченцев, каждым четвертым опрошенным из аварцев и лезгин, каждым пятым в подмассиве даргинцев, каждым шестым в подгруппе лакцев и русских. Позиция респондентов кумыков вполне понятна, ибо их национальное движение «Тенглик» в перестроечный период провело большую работу по защите национальных интересов своего народа. Каждый пятый опрошенный по всему массиву в решении национальных проблем своего народа определенные возможности усматривает в деятельности отдельных национальных лидеров и выделяется здесь одна четвертая часть опрошенных чеченцев, каждый пятый среди аварцев и лакцев, каждый шестой в подгруппе лезгин, даргинцев и кумыков.

Таким образом, можно заметить существенные отличия между позициями русских и остальных дагестанских народов: если первые пытаются обозначить значимость гражданского общества, то вторые апеллируют к национальным движениям, хотя в массовом сознании дагестанцев к ним существует довольно противоречивое отношение, обусловленное большей частью отношением к лидерам этих движений, которые под лозунгами защиты национальных интересов, порой и общедагестанских интересов, преследовали свои личные и политические цели. В этой связи возникает необходимость выявления отношения дагестанских народов к необходимости существования национальных движений на территории нашей республики (см. табл. № 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, нужны ли в Дагестане национальные движения (аварское, даргинское, кумыкское, лезгинское, лакское и т.д.)?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Чеченцы	Другие	Всего:
Да, это целесообразно для достижения политических целей моего народа (выдвижение на высокие республиканские, муниципальные и городские должности, сохранение этнической территории и т.д.)	23,5	7,0	44,0	11,1	14,0	0	28,7	18,8	21,2
Да, они могли бы разрешить межнациональные споры, конфликты и столкновения	8,1	10,5	14,7	12,5	6,2	10,5	14,0	6,3	10,4
Да, если лидеры национальных движений будут заниматься только проблемами развития и сохранения самобытности национальной культуры своего народа	11,3	15,4	9,5	20,8	17,1	0	18,6	6,3	14,2
Нет, потому что лидеры национальных движений часто преследуют собственные политические цели	30,3	42,0	12,9	37,5	25,6	36,8	17,1	37,5	28,0
Нет, потому что появление национальных движений может ухудшить межнациональные отношения в Дагестане	33,9	32,9	14,7	20,8	33,3	47,4	23,3	31,3	28,5
Нет, существовавшие в пе-	9,5	4,9	8,6	6,9	9,3	5,3	7,0	6,3	7,8

рестроечный период национальные движения и их лидеры не отстаивали национальные интересы своего народа									
--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

Меньше негативно настроенных к национальным движениям среди респондентов кумыков, по мнению которых, существование этнодвижений «целесообразно для достижения политических целей своего народа (выдвижение на высокие республиканские, муниципальные и городские должности, сохранение этнической территории и т.д.)», доля таковых среди чеченцев составляет каждый третий опрошенный, среди аварцев каждый четвертый, в остальных подгруппах процентные показатели на порядок ниже. При этом каждый седьмой опрошенный допускает возможность существования национальных движений при условии, что лидеры национальных движений будут заниматься только проблемами развития и сохранения самобытности национальной культуры своего народа; по этнической принадлежности данной позиции придерживается каждый пятый опрошенный среди лакцев и чеченцев, каждый шестой среди даргинцев, каждый девятый в подгруппе аварцев. Далее каждый десятый опрошенный по всему массиву считает, что национальные движения могли бы «разрешить межнациональные споры, конфликты и столкновения». Обращает на себя внимание, что доля отрицательно оценивающих деятельность национальных движений перестроечного периода с формулировкой «национальные движения и их лидеры не отстаивали национальные интересы своего народа» небольшая и здесь выделяются аварцы и лезгины, а доля остальных народов заметно меньше. Неслучайно, между впечатлением о напряженности национальных отношений, в известной мере формируемым пропагандой, и реальным опытом населения, заметна определенная дистанция. В ответах на вопрос о том, приходилось ли дагестанским народам лично сталкиваться с проявлением напряженности в межэтнической сфере и тем более с национальными конфликтами, утвердительно отвечала сравнительно небольшая часть опрошенных.

Таким образом, полученные результаты социологического исследования, а также официальные статистические данные позволяют выделить факторы дестабилизации межнациональной ситуации в современном дагестанском обществе. Во-первых, это кардинальные изменения этнической структуры, нарушение существовавшего этнического баланса, наличие этнокультурных и этноконфессиональных отличий в рамках единого поликультурного пространства, в комплексе способствующие усилению национальной и религиозной напряженности в полиэтнических образованиях. Во-вторых, наличие в массовом сознании латентно существующего, устойчиво отрицательного отношения к представителям иных народов, открыто не демонстрируемое, но в ситуации обострения межнациональных отношений может выплеснуться на поверхность. Кроме того, в установках дагестанских народов имеет место выраженность деструктивных и пассивных форм этнической идентичности, формирование негативных гетеростереотипов, агрессивное поведение и обвинения в адрес иных народов, противопоставление «мы-они» способные в комплексе дестабилизировать межнациональную сферу. Другим провоцирующим фактором выступают национал-экстремистские и религиозно-экстремистские тенденции особенно в молодежной среде. В-третьих, в современном дагестанском обществе имеет место значительный потенциал протестных действий и ориентированность людей отстаивать национальные и конфессиональные интересы своего народа. Все вышеперечисленное дополняется множественностью проявления типов социальной идентичности, неразвитостью основ гражданского общества, относительной слабостью государственно-гражданской (общероссийской) идентичности на фоне усиления республиканской идентичности, которые также способны выполнять деструктивную роль.

ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНСКОЙ АССР В 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация: В статье показана специфика развития сферы образования в 70-е гг. XX века в Дагестанской АССР. На основе анализа, возникавших при реализации основных направлений образовательной политики Советского государства, проблем дается комплексная характеристика мероприятий, нацеленных на улучшение качества предоставляемых образовательных услуг и повышения уровня образованности населения Дагестана.

Ключевые слова: социальная политика, система образования, профессиональная подготовка, образовательные учреждения, школа-интернат.

В социальной политике Советского государства в 70-е гг. XX столетия, огромное значение придавалось совершенствованию системы образования. Для решения этой важной задачи были введены новые и расширены ранее существовавшие в этой области социальные гарантии. Принципиальным преимуществом новой системы образования являлось обеспечение всеобщей доступности и бесплатности всех его (образования) уровней.

На основании Закона Верховного Совета СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (16 апреля 1959 г.), школы переводятся на новые программы, в которых акцентировалось внимание на трудовом воспитании. Каждый, окончивший школу ученик, имел возможность получения производственной специальности, соответственно при школах оборудовали учебные мастерские, кабинеты и опытные участки. Принятый закон, поставил задачу по-новому организовать обучение и воспитание подрастающего поколения.

14 марта 1966 г. Верховный Совет СССР принял Указ «О внесении частичных изменений в ст. 4 Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». В нем подчеркивалась необходимость предоставления учащимся возможности получать в средних общеобразовательных трудовых политехнических школах

среднее общее и политехническое образование, а также трудовое воспитание, а при наличии условий и профессиональную подготовку¹.

Расширение социальных гарантий в образовательной сфере проявилось в формировании государственной политики, направленной на последовательное увеличение продолжительности общественного образования. Если в начале 60-х гг. XX в. было введено всеобщее восьмилетнее образование, то в 70-е гг. завершился переход ко всеобщему десятилетнему образованию. В 1960 г. лишь 18 % всех занятых в народном хозяйстве имели полное среднее и более высокое образование. В последующий период наблюдается заметное увеличение доли таковых: в 1970 г. – 34,2 % и в 1979 г. – 55 %². В период 70-х гг. среднее (общее и специальное) образование получили в 3,5 раза больше, чем за все предшествующие годы Советской власти. Таким образом, в 1960 г. на 1000 чел. работающего населения приходилось 34 чел. с высшим и 410 со средним (полным и неполным) образованием, то к концу 1979 г. 112 и 710 чел., соответственно. Численность учащихся средних специальных заведений и студентов вузов за эти годы увеличилась в 2,2 раза³.

С целью улучшения материально-технической базы школ ЦК КПСС и Совет Министров СССР 24 ноября 1977 г. принял Постановление «О переходе на бесплатное пользование учебниками учащимися общеобразовательных школ», что позволило к 1979 г. завершить переход на бесплатное пользование школьными учебниками⁴. Благодаря предпринятым мерам, удалось выравнять образовательный уровень жителей города и деревни, разных классов и социальных групп, всех наций и народностей, проживавших на территории СССР.

Разрыв по доле лиц, имевших высшее и среднее (полное и неполное) образование, между работниками, занятыми преимущественно умственным или преимущественно физическим тру-

¹ Сборник законов СССР 1938 – 1967 гг. М., 1968. Т. 1. С. 302.

² Жамин В. А., Костянян С. Л. О роли образования и подготовки кадров в развитом социалистическом обществе. М., 1985. С. 127.

³ Жамин В. А., Костянян С. Л. С. 129.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1981. С. 578.

дом, сократился с 11 раз в 1939 г. до 1,8 раза к 1980 г., соответствующий разрыв между городским и сельским работающим населением с 3,8 до 1,9 раза¹. В 1970 г., на каждую тысячу служащих приходилось в 6,3 раза больше лиц с высшим и средним образованием, чем на тысячу рабочих, и в 30 раз больше, чем на тысячу колхозников. К 1980 г. эти разрывы составили всего лишь 1,7 и 1,9 раза. Если в 1960 г. 40,1 % рабочих и 22,6 % колхозников имели неполное среднее и более высокое образование, то к 1980 г. 79,8 % и 67,1 %, соответственно².

Существовавшие различные типы профессионально-технических учебных заведений были реорганизованы в единый тип учебного заведения, т.е. в средние профессионально-технические училища, которые являлись основным центром планомерной подготовки квалифицированных рабочих кадров. Поступившие в них выпускники неполных средних школ, обучались в течение 3 лет, одновременно получая профессию и завершая общее среднее образование. Выпускникам средней общеобразовательной школы для получения более высокой квалификации или сложной профессии предоставлялась возможность для поступления на одногодичные отделения средних профессионально-технических училищ, в средние специальные учебные заведения с двух-трехлетним сроком обучения и в вузы. Часть выпускников общеобразовательной школы приступали к работе в общественном производстве в соответствии с полученной в школе трудовой подготовкой.

В рассматриваемые годы, система профессионально-технического образования значительно расширяется путем строительства десяти новых училищ и укрепления их учебно-производственной базы. К началу 1980 г. в республике функционировали 23 профтехучилища, в которых обучалось около 9 тыс. юношей и девушек по 45 профессиям, в 11-ти профтехучилищах республики выпускники вместе с профессией получали общее среднее образование. Каждое профтехучилище имело свои базовые предприятия, которые помогали им в оснащении мастерских и лабораторий училищ, направляли туда, для работы квалифици-

¹ Структура советской интеллигенции. Минск, 1980. С. 128.

² Там же. С. 129.

рованных производителей, организовывали практику учащихся, представляя им самостоятельные рабочие места. Передовые рабочие шефствовали над выпускниками училищ¹.

12 января 1978 г. было принято Постановление Президиума Дагоблсовпрофа «О задачах профсоюзных организаций республики по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования»². Для его реализации была проведена реорганизация школ. В городах Дагестана были созданы 8 средних школ с производственным обучением, среди них школа № 4 на базе Махачкалинского управления треста «Кавэлектромонтаж», школа № 5 на базе машиностроительного завода им. Гаджиева, школа № 12 на базе вагонного и паровозного депо, школа № 13 на базе завода Сепараторов, школа-интернат № 1 на базе завода Дагэлектромаш, школа № 14 на базе Рыбконсервного комбината и школа в с. Сулак на базе Сулакского рыбзавода. Предполагалась реорганизация школы № 6 на базе столярной мастерской школы и фабрики им. III Интернационала, а также школы № 1 на базе строительных организаций³. Семилетние школы с. Богатыревка, Агач-аул, Тарки, Альбурикент, Шамхал-Термен, Красноармейск были реорганизованы в восьмилетние. В основном все школы располагали оборудованными столярными и слесарно-механическими мастерскими⁴.

С целью улучшения процесса обучения и воспитания учащихся профессионально-технических училищ и создания им нормальных условий труда, быта и учебы областной комитет профсоюза работников сельского хозяйства провел определенную работу. В феврале 1978 г. на президиуме обкома профсоюза по данному вопросу было принято и разослано по районам и профсоюзам СПТУ постановление и мероприятия к нему. В 6-ти СПТУ обучалось 2861 учащихся, которые были размещены в 14 общежитиях, 973 учащихся, проживали в частных квартирах. До конца

¹ ЦГА РД. Ф.р.-34. Оп. 59. Д.115. Л. 17.

² ЦГА РД. Ф.р.-34. Оп. 59. Д.115. Л. 17.

³ ЦГА РД. Ф.р.-373. Оп. 2. Д. 215. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 8.

второго квартала было запланировано сдать в эксплуатацию еще два общежития на 506 мест в г. Хасавюрт и п. Дагестанские Огни.

Сравнительно хуже обстояло дело с обеспечением жильем учащихся СПТУ-1 г. Буйнакск, где две трети проживали на частных квартирах. В то же время следует обратить внимание и на позитивный момент – все республиканские СПТУ имели оборудованные столовые на 760 посадочных мест, обеспеченность их продуктами и качество приготавливаемой пищи в основном было удовлетворительным. Однако во многих учреждениях среднего технического образования существовало очень много нерешенных проблем, в частности, СПТУ № 4 и СПТУ № 5 в селениях Бабаюрт и Цудахар¹. В мае 1977 г. на совместном заседании коллегий Управления общественного питания рассматривался вопрос об улучшении обеспечения столовых продуктами. Систематически проводились смотры-конкурсы на лучшую организацию общественного питания, гигиенического, физического и медицинского состояния. Непрерывно аналогичного характера работу проводили и различные общественные организации. В частности, Совет профсоюза республики в 1977 г. рассмотрел вопрос о ходе проведения смотра в профтехучилищах № 3 и 8, базовыми предприятиями которых являлись завод им. М. Гаджиева и фабрика III Интернационала в г. Махачкала. Совет профсоюзов, совместно с управлением профессионально-технического образования начиная с 1974 г., по результатам полугодия назначал стипендию профсоюзам СССР в размере 60 руб. в месяц отличнику учебы. В 15 профессионально-технических учебных заведениях были созданы Советы ВОИР с числом членов более 3,3 тыс. чел.

Одной из ведущих задач по совершенствованию образования являлось коренное улучшение работы сельских школ, в значительной степени определявших социальное развитие села, а также закрепление молодежи в сельской местности, повышение культурного уровня сельчан. Отставание уровня и качества учебной подготовки в сельских школах, по сравнению с городскими, объяснялось отсутствием развитой материальной базы в

¹ЦГА РД. Ф.р-373. Оп. 25. Д. 115. Л. 1.

сельских школах, удаленностью от места жительства значительной части учащихся, недостатком квалифицированных педагогических кадров и возникающей вследствие этого перегрузкой учителей. В целях выравнивания условий обучения в городских и сельских школах осуществлялось строительство в сельской местности оснащенных современным учебным оборудованием крупных школ, имеющих при себе интернаты и хорошие транспортные связи с обслуживаемыми ими населенными пунктами.

Слияние общеобразовательной и профессиональной школы открыло новые возможности для лиц с высшим образованием, расширило социальную базу формирования контингента вузов. В 70-е гг. XX в. более пятой части людей, получивших среднее образование, продолжили обучение в высшей школе. Вместе с тем, потребности молодежи в получении высшего образования удовлетворялись менее чем наполовину. При этом сохранялось противоречие между равным для всех граждан правом на получение высшего образования и наличием в реальности неравенства для выходцев из разных социальных групп на продолжение учебы в высших учебных заведениях. В основном неравные возможности и отсутствие доступа к получению высшего образования были обусловлены типом поселения (город и село, крупные и малые города), неодинаковой степенью развитости социально-культурной инфраструктуры, не обеспечивающей всем одинаковых условий для ознакомления с духовными достижениями. Большое влияние на возможность поступления в высшие учебные заведения выходцев из разных социальных слоев, были обусловлены наличием заметных различий в материальном и культурном уровне жизни семей, отсутствием потенциала для успешной учебы и подготовки к вузовскому конкурсу. На решение данной проблемы были направлены мероприятия по регулированию социального состава студенчества. Учитывая известное отставание общеобразовательной подготовки рабочей и сельской молодежи и необходимость создания ей условий для поступления в вузы, ЦК КПСС и Совет Министров СССР в 1969 г. рассмотрели вопрос «Об организации подготовительных отделений при высших учебных заведениях». Подготовительные отделения начали функционировать с 1969 – 1970 учебного года, а к началу 1970 – 1971 учебного года их открыли в Дагестанском государственном

университете, в педагогическом и сельскохозяйственном институтах, с охватом обучения 300 молодых производственников¹.

В подготовительные отделения вузов направлялись передовики производства со стажем работы не менее 1 года и демобилизованные военнослужащие. Для успешного сочетания учебы с трудовой деятельностью были введены дополнительные оплачиваемые отпуска. Контингент студентов заочных и вечерних отделений вузов в начале 1970 – 1971 учебного года составлял 8,6 тыс. чел. и увеличился в 1,2 раза к началу 1980 – 1981 учебного года – 9,4 тыс. чел.

Следующим шагом реализации принципов социальной политики в образовательной сфере было установление льгот для детей колхозников и рабочих совхозов при поступлении в сельскохозяйственные вузы, высшие и средние специальные учебные заведения, готовящие медицинских, педагогических, клубных работников, специалистов по физической культуре и спорту. Предпринятые меры, способствовали существенному сближению показателей характеризующих социальный состав студенчества и населения страны. Успехи в развитии сельской общеобразовательной школы, льготы, предоставляемые для внеконкурсного поступления представителей районов, испытывавших нехватку местных кадров, обеспечили заметное увеличение сельской молодежи в составе студенчества республики. На начало 1969 – 1970 учебного года 54,7% студентов дневных отделений высших и 68,8 % учащихся средних специальных учебных заведений представляли сельскую молодежь. Увеличение притока сельской молодежи в специальные учебные заведения создавало предпосылки для лучшего обеспечения дагестанского села квалифицированными кадрами и росту уровня культурного развития².

В целом в СССР сложилась ситуация способствующая повышению уровня образованности населения. Разумеется, этот вопрос для Дагестана являлся не менее актуальным, учитывая дореволюционный и послереволюционный уровень образованности дагестанских народов. Приоритетным в образовательной сфере определяется налаживание работы школы, отвечающей по-

¹ ЦГА РД. Ф.р.-22. Оп. 39. Д. 287. Л. 36.

² Там же. Л. 37.

требностям и уровню развития общества. Поэтому, за счет государственных капиталовложений, инициативным способом, было построено несколько десятков тысяч школ, ученических мест и классных комнат, много спортзалов, учебных мастерских, детских садов и жилых домов для учителей. Не менее важной для республиканских властей являлась проблема нехватки педагогических кадров, ибо школы не в полной мере были укомплектованы специалистами с высшим образованием, школьными зданиями и учебниками. По причине недостаточного количества учителей во многих школах республики, продолжительное время не преподавались по три-четыре предмета, в частности, химия, физика, математика, русский язык и литература. Так 196 начальных школ в сельской местности оказались некомплектованными преподавателями русского языка. И это, несмотря на то, что за годы своего существования Дагестанский государственный педагогический институт и Дагестанский государственный университет выпустили 10900 чел. с педагогическим образованием, из них 4940 чел. подготовил Дагестанский педагогический институт, не менее 1000 чел. получили педагогическое образование за пределами республики и вернулись в школы¹. Также на этот период характерной являлась тенденция, когда учителя, получившие высшее педагогическое образование массово покидали школы и устраивались в других отраслях народного хозяйства. Из подготовленных 16840 учителей, к 1973 г., в школах осталось 7600 чел. или около 40%. В результате этого, школы республики испытывали острую нехватку в учительских кадрах, что явилось одной из причин невыполнения республикой Закона о всеобщем среднем образовании. По данным Министерства просвещения Дагестанской АССР, в середине 70-х гг. XX в. республиканским школам не хватало 5224 учителя, в том числе учителей русского языка – 997 чел., математики – 733 чел., физики – 213 чел., истории – 213 чел. и биологии – 197 чел. По отдельным районам Дагестана ситуация выглядела следующим образом: Хасавюртовскому не хватало 405 учителей, Табасаранскому – 205, Акушинскому – 204, Казбековскому – 198, Гергебильскому и Левашин-

¹ ЦГА РД. Ф.р.-168. Оп. 62. Д. 547. Л. 53.

скому по 179¹. Для решения вопроса укомплектованности школ необходимыми педагогическими кадрами, из центральных российских учебных заведений в республику в течение многих лет направлялись несколько тысяч учителей, создается НИИ школ. Прделанная работа позволила существенно улучшить материальную базу школ и учебных заведений, усовершенствовать состав педагогических кадров, и как следствие, повысить успеваемость учащихся.

Одним из основных требований Закона о перестройке школы явилось введение всеобщего обязательного восьмилетнего обучения. В начале 1972 – 1973 учебного года за парты в восьмых классах сели 25889 чел., или 73,3 % от числа принятых 8 лет назад в первые классы. К этому же времени в 10 классах обучалось 9498 учащихся, или около 30 % от числа принятых десять лет назад в первые классы². К сожалению, не во всех районах и городах республики одинаково решались вопросы выполнения Закона об обязательном восьмилетнем всеобуче и переходе ко всеобщему среднему образованию. По сравнению с другими районами республики, относительно хорошо эти вопросы решались в Кулинском, Дахадаевском, Магарамкентском, Кизлярском районах и в г. Кизляр. Например, по итогам 1971 – 1972 учебного года, в Аштынской средней школе Дахадаевского района восемь классов окончили 97,3% детей, принятых восемь лет назад в первый класс. В Ицаринской восьмилетней школе того же района восемь классов окончили все дети, принятые в первый класс восемь лет назад. Тем не менее в вопросах выполнения Закона об обязательном восьмилетнем всеобуче и осуществления перехода ко всеобщему среднему образованию имелись большие недостатки. По итогам 1971 – 1972 учебного года, с учетом детей, обучавшихся за пределами республики, своевременно 8 классов окончили только 63,3% от числа детей, принятых в первые классы восемь лет назад. Значительно отставали школы Буйнакского, Казбековского, Курахского, Цунтинского, Цумадинского, Тляратинского, гг. Дербент и Буйнакск. Так, в Цумадинском районе в 1972 г. восемь классов окончили 43% учащихся, принятых 8 лет назад

¹ ЦГА РД. Ф.р.-34. Оп. 39. Д. 19. Л. 54.

² ЦГА РД. Ф.р.-34. Оп. 39. Д. 21. Л. 14.

в первые классы. В Буйнакском районе выпуск из 8 классов составил 49,3%, в Тляртинском – 46,7%, в Курахском – 45,4%, в Цунтинском – 44,1%, в гг. Дербент – 55,7% и Буйнакск – 45%¹. Показатель учащихся окончивших 8 классов в 1971 – 1974 гг. в Дагестанской АССР на 25,3% был ниже, чем по РСФСР в целом. Особенно низкие результаты сохранности контингента (42% – 55%) показывали учащиеся Курахского, Цумадинского, Цунтинского районов, гг. Буйнакск и Дербент. Впрочем, на очень низком уровне находилась успеваемость учащихся в Цумадинском, Курахском и Левашинском районах, составлявшая 91 – 92%².

Существенные недостатки наблюдались и в уровне квалификации преподавательского состава: в 1972 г. в школах Дагестана работали 18834 учителей, из них лишь 9507 чел. имели высшее или незаконченное высшее образование. Причиной явилось то, что исполкомы местных Советов, отделы народного образования, руководители школ и другие общественные организации республики не уделили должного внимания реализации положений Закона о всеобуче. В некоторых районах и городах, учащиеся и учителя отрывались в учебное время от уроков на разные сельскохозяйственные работы, спортивные мероприятия, проведение концертов, фестивалей, тем самым создавая определенные проблемы для полноценного учебно-воспитательного процесса.

Таким образом, в осуществлении Закона о восьмилетнем всеобуче и завершении перехода ко всеобщему среднему образованию Дагестан вплоть до 1975 г. занимал одно из последних мест в РСФСР. Задача Министерства просвещения Дагестанской АССР, всех органов народного образования и городских и районных исполкомов заключалась в том, чтобы добиться стопроцентного охвата обучением всех детей школьного возраста, полностью ликвидировать отсев учащихся без уважительных причин и обеспечить доведение всех учащихся, принятых в подготовительные (первые) классы до своевременного окончания ими восьмых классов и далее до получения среднего образования.

¹ ЦГА РД. Ф.р.-34. Оп. 39. Д. 27. Л. 93.

² ЦГА РД. Ф.р.-34. Оп. 39. Д. 21. Л. 19.

Одним из главных задач в осуществлении перехода ко всеобщему среднему образованию в Дагестане до 1976 г. было укрепление материальной базы школ. В 70-х гг. школы республики располагали значительной учебно-материальной базой, квалифицированный корпус дагестанских учителей составлял почти 20 тыс. чел., на содержание и развитие народного образования расходовались почти две трети бюджета республики. Вместе с тем, надо отметить, что обеспечить строительство школьных зданий и интернатов в необходимом количестве за счет государственных капитальных вложений в рассматриваемые годы не представлялся возможным. В его решении активное участие принимали колхозы, совхозы и различные ведомства.

Потребность в повышении общеобразовательного и культурно-технического уровня тружеников села объективно обуславливались широкими масштабами технического перевооружения земледелия и животноводства, переводом их на индустриальную основу. Рост культурно-технического уровня тружеников села оказывал активное воздействие на степень экономии живого и общественного труда, т.к. в этом случае работник мог исполнять более сложные производственные процессы и, естественно, в большей степени способствовал ускорению научно-технического прогресса. К началу 70-х гг. XX века, стране требовалось примерно 40 – 50% рабочих, имеющих высшую квалификацию на базе полного среднего профессионально-технического образования¹. Выполняя государственные директивы по развитию сельской общеобразовательной школы в 1975 г. в Дагестане было построено 52 школы на 14,7 тыс. ученических мест, реконструировано школьных помещений на 1257 мест, введены в строй новые спортзалы, столовые, мастерские². Однако школьных зданий все еще не хватало, во многих сельских школах сохранялась многосменность занятий. Из 378 средних школ в 1976 г., более чем в половине из них занятия проводились в две, а в некоторых и в три смены. При этом все большее распространение получала практика использования финансовых и трудовых ресурсов колхозов и совхозов в строительстве и укреплении учебно-

¹Жамин В. А., Костанян С. Л. Указ. работа. С. 239.

²Строить школы в срок // Дагестанская правда. 1 июля 1975 г. С. 1.

производственной базы школ, расширении сети дошкольных учреждений.

О растущих связях школы с производственными коллективами свидетельствовали не только дополнительные финансовые и материальные вклады сельхозпредприятий в развитие народного образования, но и прямая заинтересованность, проявляемая колхозами и совхозами к дальнейшему совершенствованию структуры школ, методик преподавания, организации воспитательного процесса учащихся. Совет Министров ДАССР своим решением обязал республиканское объединение «Сельхозтехника», Министерство сельского хозяйства ДАССР, производственные объединения предусматривать ежегодное выделение автомобилей, тракторов и другой сельскохозяйственной техники для укрепления учебной базы школ, а также проводить периодическую замену выбывающей по амортизации техники из школьных мастерских. К началу 1973 – 1974 учебного года, в сельских школах республики имелись 622 технических, 542 юных натуралистов и 855 художественной самодеятельности т. д. обучавших более 70 тыс. учащихся¹.

Но вместе с тем, не все желающие из числа молодых колхозников, рабочих совхозов и других учреждений на селе имели возможности для продолжения учебы в вечерних школах. Помимо объективных трудностей, сельская молодежь встречалась с рядом проблем, связанных с отсутствием внимания и заботы со стороны руководителей сельхозпредприятий. Несмотря на существовавшие трудности и недостатки в развитии общеобразовательной школы на селе, высшие государственные органы власти, сельские Советы в конце 70-х гг. усилили свое внимание в области совершенствования всеобщего среднего образования. Однако в школах республики, к оценке знаний учащихся подходили формально. Много было фактов искусственного завышения оценок учащихся в аттестатах, что проявлялось при поступлении в вузы и техникумы. По разным причинам, в течение учебного года допускался отсев учащихся, доходивший в некоторых районах из 9-10 классов до 10% учащихся. Не была решена проблема второгодичности. Перед Министерством просвещения Дагестанской

¹ ЦГА РД. Ф.р-34. Оп. 39. Д. 181. Л. 5 – 6.

АССР, отделами народного образования стояла проблема повышения эффективности работы школ, ужесточения требований к учителям и руководителям школ.

В условиях Дагестана, где имелось значительное число мелких населенных пунктов, решение задачи охвата подрастающего поколения средним всеобучем не могло идти по пути создания средних школ во всех населенных пунктах. Разбросанность мелких населенных пунктов республики и отсутствие условий для создания восьмилетних и средних школ требовали развития сети благоустроенных пришкольных интернатов при крупных школах. Иными словами, наиболее приемлемым был путь основания средних школ в крупных населенных пунктах и расширения сети школ-интернатов и пришкольных интернатов с соответствующей материальной базой. Между тем, в сельской местности ощущался недостаток в помещениях для школ и пришкольных интернатов. В 1974 – 1975 учебном году, в 255 пришкольных интернатах обучалось 13852 воспитанников, из них большинство – дети колхозников¹. В 1972 – 1975 гг. пришкольными интернатами было намечено охватить до 16 тыс. детей для сельских тружеников². Однако многие пришкольные интернаты республики в неполной мере были обеспечены хозяйственным инвентарем. Сельские районные потребительские общества плохо снабжали интернаты продуктами питания в необходимом ассортименте. Требовалось усиленное внимание органов народного образования и общественности к вопросам работы пришкольных интернатов, строительству современных зданий и по их благоустройству.

Особое внимание уделялось проблеме образования среди дагестанских женщин. За вторую половину 70-х гг. XX в. в общеобразовательных школах всех форм обучения получили среднее образование более 143 тыс. юношей и девушек. Для горянок в Дагестане имелись 20 специальных школ-интернатов на 2680 мест. Значительно повысилось число их в старших классах средних школ. Если в 1970 г. на 1000 работающих женщин приходилось с высшим и средним образованием 420 чел., то в 1979 г. – 608, что является свидетельством фактического выравнивания

¹ ЦГА РД. Ф.р.-168. Оп. 51. Д. 325. Л. 14.

² ЦГА РД. Ф.р.-34. Оп. 39. Д. 178. Л. 44.

образовательного уровня женщин и мужчин. В рассматриваемые годы с ущемлением прав девушек-горянок на завершение образования в республике было полностью покончено¹.

Значительную работу в повышении общеобразовательного уровня работающей молодежи проводили многие промышленные предприятия республики, о чем свидетельствует анализ состояния работы профсоюзных комитетов заводов «Стекловолокна», «Дагэлектромаш», им. Гаджиева и телефонно-телеграфной станции. Заводские комитеты совместно с партийными и комсомольскими организациями уделяли большое внимание учебе рабочей молодежи. Отдел кадров завода «Стекловолокно» вел учет работающей молодежи без среднего образования, более того, была создана комиссия по проведению смотра «Каждому молодому труженику – среднее образование». В каждом цехе данного предприятия широко была развернута работа по вовлечению рабочей молодежи в общеобразовательную школу. В дальнейшем из 340 чел., 180 чел. продолжили образование в техникумах и вузах, 114 чел. обучались в школах рабочей молодежи. Всего в процессе обучения находились 294 чел., не охваченными оставались 46 чел. Консультационные пункты за счет предприятия обеспечивались учебниками и необходимыми учебно-наглядными пособиями на сумму 500 руб.². В соответствии с Постановлением Президиума ВЦСПС, бюро ЦК ВЛКСМ, Совет Министров СССР от 28 ноября 1974 г., в целях дальнейшего улучшения профессионального обучения молодежи на производстве, по решению Президиума обкома профсоюза и отраслевых объединений пищевой промышленности на предприятиях отраслевых объединений пищевой промышленности было подготовлено новых рабочих – 1498 чел., обучено смежным и вторым профессиям – 311 чел., повысили квалификацию – 1609 чел., обучено в школах по передаче передового опыта – 109 чел., прошли обучение в школах комтруда и экономического образования – 1891 чел.³.

Для учащихся создаются необходимые условия успешного сочетания учебы с работой на производстве. Каждый из них

¹ Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1978. С. 189.

² ЦГА РД. Ф.р. - 59. Оп. 24. Д. 34. Л. 7.

³ Там же. Оп. 25. Д. 114. Л. 1.

пользовался установленными правительством льготами. На заводе им. Гаджиева также велся учет молодежи, не имеющей среднего образования. Вечерние и заочные школы в осуществлении общего образования занимали видное место в республике. В 1972 г. восьмиклассное образование получили 22674 чел. В вечерних и заочных школах получили аттестацию о среднем образовании 4923 чел. или 21,7%. Вместе с тем довольно большая часть молодежи не имела среднего образования. Например, по данным переписи населения 1970 г., работающая молодежь, в возрасте от 16 до 29 лет, численностью 74,3 тыс. чел., не была охвачена образованием. По данным Министерства просвещения Дагестана с учетом домохозяек и других контингентов молодежи, количество таковых увеличилось к 1975 г. до 160 тыс. чел.¹.

Таблица 1

Сведения по школам рабочей сельской молодежи в 1970 - 1980 гг.²

Наименование вид школ	План	Выполнено	Отсев
По школам рабочей молодежи	8500	7234	—
По заочным школам	15500	15253	—
По школам сельской молодежи	1600	2073	—

Одним из важных направлений в росте образованности молодого поколения считалось наставничество. Более 1600 шефов и наставников берут шефство над трудновоспитуемыми подростками. Движение наставничества позитивно проявило себя на заводах «Дагдизель», где на начало 1978 г., числилось 460 наставников, шефствовавшие над 620 молодыми рабочими, Завода точной механики (г. Каспийск), им. М. Гаджиева и фабрике III Интернационала (г. Махачкала), совхозах «Червленые буруны» Ногайского района, «Кизлярский» Кизлярского района³. Среди них завод «Дагдизель» г. Каспийска и завод им. М. Гаджиева в Махачкале: в технических училищах, созданных на базе

¹ ЦГА РД. Ф.р.- 59. Оп.25. Д. 114. Л. 19.

² ЦГА РД. Ф.р.- 59. Оп.25. Д. 114. Л. 53.

³ ЦГА РД. Ф.р.- 59. Оп. 24. Д. 25. Л. 1.

этих предприятий обучалось свыше 1500 чел. В 1978 г., профориентацию получили 1400 учащихся выпускных 8 и 10 классов. Аналогичную работу за 10 месяцев 1979 г. была проведена с 1333 учащимися. Для молодежи ежегодно выделялись санаторно-курортные путевки целевого назначения, осуществлялось оздоровление молодежи в санаториях-профилакториях¹.

Значительным достижением Дагестана в 70-е гг. XX столетия являлся заметный рост общего и специального образования за короткий период. Представление о динамике этого процесса дают итоги двух Всесоюзных переписей по ДАССР (см. табл. № 2).

Таблица 2

Рост образования населения ДАССР на 1000 чел.²

Годы	С высшим и средним (полным и неполным) образованием	В том числе	
		С высшим образованием	Со средним образованием
1970 г.	358	28	330
1980 г.	532	46	486
Лица, имеющие занятия в 1970 г.	663	80	583

Важные социальные изменения происходили в соотношении роста культуры и образовательного уровня в городе и селе, о чем свидетельствуют данные, приведенные на следующей таблице (см. табл. № 3).

¹ Там же. Д. 51. Л. 1, 2.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 4871. Л. 3.

Таблица 3

**Рост численности лиц с образованием на 1000 человек
среди населения ДАССР ¹**

Годы	С высшим и средним (полным и неполным) образованием		В том числе:			
			С высшим		Со средним	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
1970 г.	499	269	47	5	452	254
1980 г.	650	438	76	27	574	411

Из данных таблиц следует, что повышение общеобразовательного уровня сельского населения происходило гораздо быстрее, чем городского. Особенно быстро росла численность специалистов высшей квалификации, увеличившаяся на селе в 3,1 раза, а в городе 1,5 раза.

Крупным социальным последствием подъема культурно-технического уровня являлось увеличение числа тружеников сельского хозяйства. К середине 70-х гг. в колхозах и совхозах республики работало около 5500 квалифицированных специалистов, в том числе 3700 агрономов и зоотехников. Это огромная сила на селе, которая способствовала ускоренному развитию сельскохозяйственного производства, активно участвовала в общественно-политической и культурно-массовой работе. При этом обращалось большое внимание на удовлетворение нужд села в квалифицированных специалистах.

Таким образом, проведенный анализ реализации основных направлений социальной политики в образовательной сфере показывает, с одной стороны, увеличение количества квалифицированных кадров, с другой, в полной мере, несмотря на целый комплекс принимаемых решений, так и не удалось решить существовавшие в данной области проблемы.

¹ ЦГА РД. Ф.р.- 59. Оп. 24. Д. 51. Л.10 – 11.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Артамонова Я.В. – кандидат социологических наук, преподаватель Института социологии и регионоведения ЮФУ, научный сотрудник Южнороссийского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Ростов-на-Дону.

2. Верещагина А.В. – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону.

3. Гайтамирова С.А. -кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры «История древнего мира и средних веков» ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», г. Грозный.

4. Гимбатова М.Б. – ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук. Махачкала, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского Федерального исследовательского центра РАН.

5. Загирова Э.М. – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Социально-педагогический институт, г. Дербент.

6. Лысенко Ю.М. – кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, г. Махачкала.

7. Нагиева М.К. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (г. Махачкала).

8. Разаков Р.М. – кандидат исторических наук, доцент, филиал ДГУ в г. Хасавюрте.

9. Разаков А.Т. – магистрант ЮФУ, г.Ростов- на –Дону.

10. Семенов И.Г. - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр, г. Махачкала.

11. Чекулаев Н.Д. - н.с., к.и.н., археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр, г. Махачкала.

12. Шаханова М. М. – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник , Институт истории, археологии и этнографии, г. Махачкала

13. Шаханов А.М. – кандидат исторических наук, доцент, филиал ДГУ в г. Хасавюрте.

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Актуальные вопросы истории»

Редактор – Разаков Р.Ч.-М.,
Канд.ист.наук, доцент, филиал ДГУ в г. Хасавюрте

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. - 65г/м²., Гарнитура «Times»
Тир. 100 экз.* ИП «Зулумханов Д.А.», РД, Махачкала,
ул. Али-Гаджи Акушинского 11К.
✉ 24tipo@gmail.com © tipograph24